

МИНОБРНАУКИ РОССИИ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования

«РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

(РГГУ)

ЦЕНТР ТИПОЛОГИИ И СЕМИОТИКИ ФОЛЬКЛора

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

Малая Елена Константиновна
УРБАНИСТИЧЕСКАЯ МИФОЛОГИЯ В КОММУНИКАТИВНОМ
АСПЕКТЕ:
ГОРОД КАК СОБЕСЕДНИК

Специальность 45.04.01 "Филология",
магистерская программа "Фольклористика и мифология".

выпускная квалификационная работа (магистерская диссертация) магистранта 2 курса
очной формы обучения

Допущена к защите на ГЭК

Директор УНЦТСФ
д-р филол. наук

Научный руководитель

д-р. филол. наук, проф.

_____ О.Б. Христофорова

_____ С.Ю. Неклюдов

« » _____ 2016 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
I. МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ	16
2.1. Выбор объекта исследования	16
1.2. Влияние собирателя на поле	27
1.3. Коммуникативная ситуация интервью о восприятии городов	30
1.4. Интернет-источники	35
II. ЖАНР МИФОЛОГИЧЕСКОГО РАССКАЗА О ГОРОДЕ	40
2.1. Содержательные признаки.	41
2.2. Формальные признаки.	44
2.2.1. Формальные признаки. Стилистика.	45
2.2.2. Формальные признаки. Синтаксис.	52
2.3. Жанр мифологического рассказа о городе: выводы	60
III. ГОРОД КАК ОБОБЩЕНИЕ	63
IV. ГОРОД КАК ЖИВОЕ СУЩЕСТВО	74
4.1. Семантические ядра представлений о живом городе	75
4.2. Город как собеседник	78
4.2.1. Коды коммуникации города	81
4.3. Город слышит и понимает человеческую речь/мысли	96
4.4. Город обладает знанием о будущем человека	105
4.5. Город как собеседник: проблема мотивного членения	114
4.6. Воображаемое и эмоциональное сообщество собеседников города	115
4.7. Проблема поиска источников мифологических текстов об одушевленном городе	120
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	131
СПИСОК ИНФОРМАНТОВ	134
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ	138
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	142
ПРИЛОЖЕНИЕ	157

ВВЕДЕНИЕ

Современная постиндустриальная среда позиционирует город (особенно – мегаполис) как свою доминанту: экономическую, культурную, социальную. Это отражается и в научных исследованиях. Работы по городской культуре и урбанистике, антропологии города с середины XX века начинают играть ведущую партию в научном авангарде (Джейн Джекобс [Джекобс 2011] А. Лефевр [Лефевр 2002], «Образ города» К. Линча [Линч 1982] и многие другие). Громко заявляет о себе направление ментальных карт, занимающееся личным образом города [Милграм 2000; Линч 1982; Tolman 1982]. Все эти исследователи опираются на рецепцию «городского взрыва» и индустриализации конца XIX – начала XX века (Г. Зиммель, М. Вебер, чикагская школа социологии города). Не уходя дальше в историю осмысления городов, например, наукой Нового времени, отметим, что гуманитарные исследования, сфокусированные на городе и восприятии его горожанами, имеют богатую традицию, сложившиеся принципы получения и интерпретации данных, иными словами — давно перестали быть новаторством, хоть и не вышли из научного тренда.

«Городская» тема пронизывает также филологические и культурологические исследования. То, что социологи называют «филологической интервенцией в урбанистику» [Вахштайн 2015], вероятно, корректнее обозначить как традицию интерпретации образа города в литературе (Н.П. Анциферов, Ю.М. Лотман, В.Н. Топоров, Д.С. Лихачев), граничащую с направлением «культурных ландшафтов» (Д.С. Лихачев, И.М. Гревс,) и уходящую корнями в классическое литературоведение, в комментарии к модернисткой и романтической традиции описания города, а в дальней проекции — в библеистику и анализ христианского и в целом мифологического восприятия города (С.С. Аверинцев, И.Г. Франк-Каменецкий, О.М. Фрейденберг).

Среди широкого спектра вопросов, поднимающихся при исследовании репрезентации города в культуре, большим весом обладает тема персонификации городов. В отечественной академической среде к ней часто обращались в рамках исследовательского аппарата семиотики [Лотман 1992; Неклюдов 2005; Топоров 1987; Топоров 2003 и др.].

Однако к сожалению, все работы, посвященные теме одушевления города, ограничены полем литературы и медиа-текстов. В то же самое время в академическом мире полностью отсутствуют исследования, изучающие персонификацию города как частное представление, бытующее устно и порождающее магические и мантические практики.

Фольклористы, которые могли бы здесь помочь, практически не занимаются вопросами одушевления современных городов *in general*, сосредотачиваясь на изучении отдельных «мест силы», «мистических» точек города и семиотизированных сооружений, иногда маргинального характера (недостроенных зданий — «заброшек», мостов самоубийц или освоенного диггерами коллектора), а также практик их посещения и мемориализации [Байдуж 2013; Лысикова 2014; Бредникова, Запорожец 2014; Абрамов 2014; Шевелев 2014]). Кроме подобных работ по антропологии и фольклоризации пространства существуют исследования городского фольклорного текста как совокупности легенд, связанных с отдельными локациями города и его реалиями (А.С. Майер «Московские городские легенды как исторический источник» [Майер 2008], «Высотные здания в свете мифологии» [Кабакова 1997], «Устойчивые мотивы сюжета «геопатогенная зона» в городской легенде» [Смирнова 2010] и ряд других). Необходимо назвать также обобщающую работу «Современный городской фольклор», изданную Центром типологии и семиотики фольклора в 2003 году и аккумулировавшую собирательский и аналитический опыт девяностых годов, заново открывших городские жанры для фольклорных исследований [СГФ 2003]. Предпринимаются попытки

комплексных работ, посвященных современным городским легендам, бытующим в определенном городе, а также фольклоризации тех или иных городских объектов. Часто подобные работы апеллируют к метафоре карты и строятся как «фольклорный путеводитель», фиксирующий топографические точки города, подвергающиеся повышенной семантизации горожанами. Примером могут служить работы «Заметки к фольклорной карте Москвы» И.С. Веселовой [Веселова 1997], «Фольклорная карта Томска в жанре современной городской легенды» [Абдрашитова 2015], а также проект «Фольклорная карта Москвы», проводимый совместно Лабораторией фольклористики РГГУ и Лабораторией теоретической фольклористики РАНХиГС [Петров 2015]. Такие исследования, однако, направлены скорее на создание указателей, поэтому анализу бытования текстов и их прагматики или антропологическим характеристикам носителей уделяется в них меньше внимания. Впрочем, важно отметить, что и эти разработки, и упомянутые выше исследования «мистических» локаций и опыта их посещения используют материал живого бытования, а не литературные или медиа-тексты.

Однако, несмотря на свою ценность и значимость для исследований городского фольклора, все вышеназванные исследования не касаются интересующего нас «суммарного» образа города и практик одушевления его целиком, то есть практически не затрагивают предмет изучения настоящей работы. Есть несколько исключений из описанной картины: например, статья М.И. Байдуж «Седьмая башня Сатаны или город-болото: негативные образы Тюмени в современных нарративах» [Байдуж 2015], которая фокусируется на обобщенном образе города. В этой же статье встречаются тексты информантов, манифестирующие самостоятельную волю города («Тюмень не отпускает, удерживает человека»), однако подробного анализа именно этого представления работа не дает, сосредотачиваясь на других исследовательских вопросах.

Кроме того, заслуживают особого упоминания две работы Н.Е. Мазаловой, посвященные современному восприятию горожанами Санкт-Петербурга и опубликованные в Радловских сборниках трудов Кунсткамеры за 2013 и 2014 г. Это статьи «Движения Невского проспекта: современная мифология» [Мазалова 2014] и «Всадник на прекрасной и могучей кобылице – Неве: современные мифологические представления горожан о Петербурге» [Мазалова 2015]. И в первом, и во втором случае автор использует собственные полевые материалы, указывая, что в ее распоряжении имеется примерно четыре сотни интервью. Анализ тех фрагментов, которые приведены в статьях, показывает, что она работает с текстами, аналогичными тем, которым посвящена настоящая работа. Приведем две цитаты из статей:

Большинство петербуржцев воспринимают Петербург как живой организм, как тело: *«Петербург живой», «Петербург — город с душой» [ПМА 2012]; «Петербург, как и любой город с телом и “душой”, воспринимается как живое существо» [ПМА 2012]; «Если Петербург нечто живое, то организм, к сожалению, больной и, к счастью, он излечим, но нескоро» [ПМА 2014].* [Мазалова 2015]

Большинство петербуржцев считает, что Петербург — живой организм, тело: *«Петербург, как и любой город с телом и “с душой”, воспринимается как живое существо» [ПМА 2013].* В соответствии с представлениями мифологической анатомии петербуржцы выделяют важнейший элемент тела города: по мнению большинства, его сердце (центр) — Невский: *«Невский скорее, сердце, т.е. орган, перекачивающий массы крови по всему организму. И в этом смысле — и транспортная артерия» [ПМА 2013].* [Мазалова 2014]

Появление подобных, хоть и единичных работ отрадно отмечать – факт их существования свидетельствует об открытой научной проблеме, введении в научный оборот нового материала, требующего изучения.

Однако при наличии положительных сторон обе статьи Н.Е. Мазаловой обладают существенными недостатками. Во-первых, Мазалова ничего не сообщает о своих информантах, а наши исследования позволяют говорить, что одушевление города с вытекающими практиками – удел небольшого и

относительно четко описываемого сообщества (воображаемого и эмоционального). Кроме того, к сожалению, все тексты информантов приводятся в указанных статьях как эквивалентные друг другу, и единственная разница между ними, позволяющая их относить к разным пунктам статей – содержательная, причем понимаемая довольно узко. Так, Мазалова помещает в один ряд (см. цитаты) тексты о Петербурге как живом существе и Петербурге как теле, членимом на органы. Такой шаг представляется некорректным, так как, видимо, организменная метафора города и собственно одушевление – явления разной природы. Организменная метафора уходит корнями в романную традицию второй половины XIX – начала XX века, в описание Виктором Гюго артерий-улиц Парижа [Гюго 2008 (1831)], в образ этого же города как Чрева в одноименном романе Эмиля Золя [Золя 1999 (1873)] (примеры можно приводить и приводить), а также в многочисленные организменные образы городов в текстах ранних исследователей города и социума. В первую очередь нужно назвать, конечно, Герберта Спенсера и его «Принципы социологии» [Спенсер 1998 (1896)]. Мазалова же связывает использование организменной метафоры петербуржцами с народной русской мифологией, никак не отмечая существование хорошо изученной литературной традиции¹: «В народной русской мифологии живой организм функционирует благодаря работе сердца и кровообращению. Невский проспект — это не только сердце, в нем локализуется душа города» [Мазалова 2014].

¹ См. краткий перечень работ, посвященных организменной метафоре города. Во-первых, необходимо назвать работы Е.Трубиной [Трубина 2010] и П. Лангера [Langer 1984] и статью Брауна и Кампело «Do Cities Have Broad Shoulders? Does Motown Need a Haircut?» [Brown 2014], которая посвящена тенденции урбанистов-маркетологов персонифицировать город в своих работах. Стоит обратить внимание и на статью В.Вахштайна «Пересборка города: между языком и пространством» [Вахштайн 2015], посвященную метафорам различных языков описания городской реальности. Во-вторых, следует отметить, что изучение города в конце позапрошлого и начале прошлого века в подавляющем большинстве случаев двигалось в русле более крупных социологических исследований, поэтому уместным будет обращение к работам, посвященным биологическим метафорам в социологии в целом. К таковым относится, например, рецензия Ирины Анатольевны Шмерлиной [Шмерлина 2011] на коллективную монографию Сабины Маасен, Эверетт Мендельсон и Питера Вейнгарта [Maasen, 2001]. Кроме того, необходимо обязательно обратить внимание на работу П.Акройда, посвященную смене метафор, в которых осмыслялся Лондон в разные эпохи [Акройд 2005], и на статью Ирины Кондаковой, построенную на материале Акройда [Кондакова 2015]. Интересна также и ее более ранняя статья, посвященная антропоморфным топонимическим метафорам, в т.ч. и организменным метафорам города [Кондакова 2010].

Кроме того, как показывают наши результаты, недопустимым является уравнивание текстов, содержащих антропоморфную метафору, и текстов, содержащих одушевление города (хотя при этом последние могут использовать ту же метафору). Риторическая фигура «Москва – баба, Питер – щёголь» еще не является мифологическим текстом о городе, т.к. не содержит признаков действительного *восприятия* города как живого, т.е. коммуницирующего существа. Чтобы проиллюстрировать эту мысль, я обращусь к цитате из своего полевого дневника:

18 ноября 2015. Питер. [...] Мой поезд уходил в час ночи, и я во время посиделок вызывала такси на вокзал, дело было в районе половины двенадцатого. Приехал таксист, мужчина лет пятидесяти. [Я забыла книги в кафе, пришлось просить вернуться] Таксист поинтересовался, что за книги такие ценные, и особенно – что там на обложке «голубой»² написано, [...] спросил, чем именно я занимаюсь [Я ответила, завязался диалог]. Он спросил, как это – восприятие городов. А я спросила: «Вот как вы себе Питер представляете?» Он заулыбался и сказал, что это такая девушка лет шестнадцати. Вечно плачет – оттого и дождь идет. Плачет она от несчастной любви. Бледная, грустная, худая. Я сказала, что замечательно, вот такие тексты и собираю. А скажите, говорю, вы его на самом деле ощущаете живым, или просто так рассказали сейчас? Таксист хохотнул и сказал, что так же принято, Москва, мол, барыня, Питер – щёголь. Но ему кажется, скорее не щёголь, а девушка. Но это, мол, ведь только слова, образы, «как иллюстрации в книжке». А на самом деле, конечно, нет. Дома и дома, красивые. Со своей спецификой. Но чтобы город живым чувствовать – это нет. Я на пробу (в лоб, а что делать) спросила, не чувствовал ли он никогда какого-то контакта с городом, разговора, каких-то знаков не ловил ли. Таксист ответил что-то вроде «Я что, на психа похож?» Потом начал горячо говорить, что, несмотря на это, конечно, город он очень любит, когда «Аврору» увозили, с фотоаппаратом ходил смотреть – жалко было. [ПДА]

Для анализа текстов и представлений, раскрывающихся в них, необходимы глубинные интервью, которые выявят собственно иррациональные представления о городе, наличие магических или мантических практик у

²Микроурбанизм. Город в деталях / Сб. статей; под отв. редакцией О.Бредниковой, О. Запорожец. — М.: Новое литературное обозрение, 2014. — 352 с. [Микроурбанизм, 2014]

информантов, а также некоторые другие характеристики текстов, о которых пойдет речь в работе. Так, необходимо четко понимать, каким статусом обладает записанный текст, что именно перед нами: действительное иррациональное представление, рождающее определенные практики (разговор с городом, гадание на городах и др.) и оформленное в виде поверья и своеобразной былички – или же метафора, квазилитературная игра, речевой оборот. Естественно, примеры последних также нельзя сбрасывать со счетов, и они имеют определенную гносеологическую ценность, однако приводить их на тех же основаниях, что и мифологические тексты о городе, не стоит. Кроме того, мифологические тексты о городе, как будет показано в данной работе, также не являются однородными – внутри них выделяются два типа, соответствующие разным моделям коммуникации с городом.

Среди материалов, на которых строится данная работа, присутствует определенное количество текстов, описывающих магические и мантические практики, строящиеся на одушевлении города (разговор с городом, просьба о ниспослании определенных событий, гадания на «знаках города», прочитывание артефактов городской среды как сообщений, посылаемых им, и т.д.). Их описание является важной составляющей текстов об одушевленном городе, они регулярно встречаются в интервью, и без них описание данного явления было бы категорически неполным. Однако работы, описывающие их, в академической литературе полностью отсутствуют, в т.ч. и в названных выше статьях Мазаловой и Байдуж, работавших с тем же объектом исследования.

В связи со всем вышесказанным становится ясна целесообразность настоящей работы.

Объект, предмет и методологическая рамка исследования.

Итак, **объектом исследования** являются тексты живого бытования, содержащие в себе мифологическую персонификацию города и магические практики, основанные на ней, а **предметом** – их формальные и содержательные признаки,

вариативность и зависимость от антропологических характеристик среды и личной культуры информанта.

Целью исследования является ввод в научный оборот, описание и интерпретация текстов об одушевленном городе с применением методологического аппарата современной фольклористики и антропологии. Учитывая, что большая часть записей содержит эксплицированное представление о контакте с городом и восприятие его реалий как сообщений, наиболее подходящей для этого представляется **методологическая рамка** теории коммуникации.

Для достижения цели в работе были поставлены следующие **задачи**:

- 1) Сбор материала и создание выборки текстов об одушевленных городах;
- 2) Одновременное со сбором выявление содержательных элементов, достаточных для определения текстов в выборку; объединение их в список основных мотивных блоков собранного материала;
- 3) Анализ коммуникативной ситуации интервью, в которой эксплицировались интересующие нас тексты;
- 4) Оценка однородности собранного материала; исследование возможности определения исследуемых текстов как отдельного жанра современного городского фольклора;
- 5) Описание содержательных и формальных параметров текстов;
- 6) Выделение подмножеств внутри выборки, определение их особенностей и границ; соотнесение их со стилистическими, синтаксическими и семантическими параметрами текстов; анализ корреляции с коммуникативными моделями, через которые осмысляется контакт с городом;

- 7) Исследование отдельных мотивных блоков текстов, оценка вариативности их реализации в тексте;
- 8) Определение элементов, из которых информанты конструируют городское послание. Анализ «кодов коммуникации» с городом;
- 9) Изучение мифологических практик, описанных в текстах;
- 10) Поиск факторов, определяющих специфику мифологических рассказов о городах, анализ зависимости их содержания от способов трансмиссии текстов в обществе;
- 11) Оценка возможности описания круга информантов как определенного сообщества;
- 12) Поиск потенциальных источников текстов.

Материалом исследования служат 38 устных интервью, 14 письменных, а также 64 текста из социальных сетей – Живой Журнал, Facebook, Вконтакте, Instagram.

Исследование фокусируется на современных представлениях, по большей части фигурирующих в естественных нарративах живого бытования, а не в литературной традиции. Эта рамка подразумевает синхронный срез комплекса представлений, их синтагматический и парадигматический анализ. Кроме того, помимо исследования собственно мифологической прозы в работе присутствует диахронический ракурс, представлена попытка поиска источников, которые могли повлиять на мифологические тексты. В этом оказалось полезным обращение к антропологическим методам исследования, изучение культурной среды информантов, их включенности в те или иные субкультуры и сообщества. В работе рассмотрены практики, которые они осуществляют, а также в общих чертах дан их антропологический и культурный портрет. Предпринята попытка изучения круга чтения информантов.

Ключевым исследовательским шагом данной работы, помимо комплексного описания материала и культурной среды его носителей, является попытка проанализировать изучаемые тексты в ракурсе теории коммуникации.

В исследовании доказывается, что коммуникативные модели, лежащие в основе мифологического рассказа о городе, проявляются в текстах не только на содержательном, но и на формальном уровне используемых языковых средств: в грамматических конструкциях, глагольных формах и т.д. На основании этого выделяются два типа текстов, исчерпывающих исследуемый жанр.

Кроме того, анализ материала позволил выявить ведущий механизм концептуализации мифологических представлений о городе: им оказывается «вычитывание» знаков из городской среды. Каждый знак является одной из повседневных реалий города (граффити, вывеской, уличной планировкой или городским праздником), однако люди, продуцирующие тексты об одушевленном городе, отчуждают это явление от ее реального контекста и приращивают к нему личный смысл. Подобная семиотизация может происходить на разном материале, создавая различные «языки» городских посланий: пространственный, событийный, вербальный, предметный и перцептивный. В работе дан подробный анализ каждого из этих кодов.

Границы предмета исследования.

Остановимся еще на одном вопросе, связанном с категориальным аппаратом данной работы. Какие тексты мы определяли как содержащие представления об одушевлении города? Каковы конституирующие признаки этой одушевленности?

Эта проблема – одна из самых сложных во всем исследовании. Мы вынуждены обозначать границу сложно формализуемых, субъективных представлений, не имеющих единой традиции выражения. Это создает определенные методологические трудности. Слишком широкая исследовательская рамка пропустит сквозь себя все высказывания, в которых

можно заподозрить минимальное олицетворение. В таком случае знаменитая фраза «Говорит Москва», произносимая Ю.Б. Левитаном и открывавшая в военные годы сводки Совинформбюро, может быть истолкована нами как имплицитное одушевление, а не как метонимический оборот. С другой стороны, узкий фильтр, пропускающий исключительно развернутые нарративы с одним и тем же мотивным набором (например, включающие в себя а. признание информанта в одушевлении города; и б. обязательное описание одних и тех же практик, например, разговора с ним) оставит за бортом такие тексты, в которых одушевление города присутствует имплицитно (например, не войдет в материалы исследования фраза «ну вот как будто принял меня Авиньон», которой один из информантов завершил рассказ об удачной поездке). Наконец, необходимо решить, как быть с текстами, представляющими собой квазилитературный монолог о городе в рамках его организменной или антропоморфной метафоры: об улицах-венах или о Питере-франте. Обычно в них не содержится мифологической информации, и текст представляет собой лирическое обобщение городских впечатлений. Ряд подобных текстов рассмотрен в главе №3 «Город как обобщение».

В итоге было решено относить к материалам исследования те тексты и практики, которые удовлетворяют следующему критерию:

город в исследуемом тексте представляется целостным образом, единой персонифицированной сущностью, которая обладает личной волей, направленной на объекты, находящиеся на подвластной ей территории .

Эта общая формулировка включает в себя целый спектр конкретных и более частных вариантов:

город представляется целостным одушевленным образом, единой персонифицированной сущностью; город обладает определенными человеческими/звериными качествами; город способен передавать

информацию о своем настроении, состоянии, отношении; город может менять собственное пространство; город влияет на события в жизни человека; город посылает человеку какие-либо предметы; город посылает знаки через тексты, находящиеся в нем: афиши, граффити и т.д.; город посылает знаки через слова прохожих, песни и звуковую рекламу; город дает знать о своем отношении через психологическое и эмоциональное состояние человека; город слышит и понимает человеческие поступки/речь/мысли; город обладает знанием о будущем/прошлом человека; город может принять или не принять человека; город может удерживать кого-то против его воли.

Установка на достоверность.

Отношение самого информанта к его тексту (юмористическое или серьезное, вызывающее его смущение и т.д.) нами отмечалось, но не являлось определяющим для решения о включении текста в выборку. Следует оговориться, что в случае с нашими текстами никакой общественной конвенции по отношению к ним у самих информантов быть не может. Вера, равно как и культурная идентификация, в постиндустриальную эпоху информационного взрыва складывается у разных людей в сугубо индивидуальные «букеты» из множества дискретных представлений, не контролирующихся коллективом одного сообщества, как это, возможно, было во времена до постулируемого современным гуманитарным знанием *распада традиции*. Исходя из этого, ожидать установки на достоверность текста от носителя часто не приходится — неуверенный в том, что собеседник разделяет его представления (как это было бы в традиционном обществе), информант будет говорить не только о реальной вере в произошедшее, но и о «странном совпадении», «приколе», «игре» и т.д. Такие тексты я тоже включала в выборку, опираясь как на вышеприведенные умозаключения, так и на факт совпадения мотивов в рассказах, поданных с сомнением, и в текстах, позиционирующих изложенный опыт как истинный. На

ослабление установки на достоверность в интересующих нас текстах могли повлиять еще два фактора. Во-первых, примат рационального, верифицируемого опыта в современном культурном и интеллектуальном климате, на который информанты ориентируются как при рефлексии над собственными представлениями, так и над восприятием их собеседником (существенная часть моих информантов — научные сотрудники). Во-вторых, могли сыграть роль богатые литературные корни представлений об одушевлении города. Тексты принадлежат явно книжной среде, апеллируют к другим литературным произведениям и за пределами «читающих» сообществ (см. раздел о материалах и методах) их зафиксировать не удалось. Таким образом, одушевление города как действительная практика может оказаться вторичным образованием по отношению к литературной традиции, что тоже может сказываться на ее статусе в картине мира информантов. Однако этот вопрос уже находится за рамками данного исследования.

Апробация результатов исследования

Завершая введение, следует отметить, что тема данной работы разрабатывается мной уже некоторое время. Промежуточные результаты исследования апробировались на конференциях и фиксировались в следующих публикациях: «"Москва, Москва, отпусти меня": власть города над человеком в нарративах приезжих» [Малая 2015]; «Гадание на городах: современные мантические практики, основанные на одушевлении города» [Малая 2016]; «"Меня ленинградит": Аспекты власти города в представлении приезжих» [Малая 2016b], «Перевод с городского на человеческий: коды коммуникации с персонифицированной урбанистической средой» [Малая 2015c], «Мифологический рассказ о городе: жанровые маркеры и оценки вариативности» [2016d].

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

1.1. Выбор объекта исследования

Исследование мифологических текстов об одушевленном городе началось с интервью, записанного 25 ноября 2014 года в Москве. Интервью было незапланированным (мы познакомились с информанткой на презентации книги) и первоначально касалось вопросов совершенно иной тематики (фантомного сенсорного опыта, сонного паралича и его интерпретаций). Однако материала по этим вопросам информантка дать не смогла, превратно поняв мой исследовательский интерес. Впрочем, сведения, которыми она со мной поделилась, оказались нетривиальными: решив, что меня интересуют тексты о слуховых галлюцинациях, девушка рассказала о своей детской жажде *«зова откуда-то оттуда»*, откуда *«к тебе придут и скажут, что ты избранный или что-то такое»*, и заберут в иное пространство, *«откуда ты такой придешь весь просвещенный»*. Отметим семантику личного роста и качественного преобразования вследствие попадания в иной мир, которого ждала ММ в детстве. Напрашивается параллель между описанной ею сюжетной схемой и нарративной логикой жанра подросткового фэнтези.

После описанного ММ детского желания стать главным героем фантастической истории, она продолжила говорить в следующем ключе: *«мне часто казалось — или в лесу когда находишься, или в горах особенно часто такая фигня бывает, что тебе кажется, что кто-то тебя... ну... то есть это даже не слуховое, не зрительное ощущение, а чаще всего просто как бы ощущение какое-то внутренне, интуитивное, что вот с той стороны вот тебя вот как бы тянет. И ты такой смотришь туда — а там ничего особенного»*. Чувствуя необходимость поддержать информантку, я подхватила ее речь, ссылаясь на свой опыт только что приехавшего в Москву новичка:

[Соб.:] *Но ты в ракурсе, да. У меня тоже такое бывает. Когда... не знаю там... У меня в Москве сейчас обострилось, когда ты идешь по улице и прям чувствуешь, что на тебя что-то смотрит. Что-то такое тебе прям...*

На мою рефлексию ММ откликнулась незамедлительно, перебив следующими словами: *ну это Москва смотрит. Москва просто живая абсолютно. Ну то есть... сто процентов. И когда ты находишься в ней... Такое ощущение, что с тобой рядом постоянно кто-то есть.*

К сожалению, потом информантка сразу же перешла на другую тему, пытаясь вспомнить какой-то пример слуховых галлюцинаций, и мне удалось вернуть ее к этому вопросу только полчаса спустя. Поговорив о сложностях работы в другом городе, мы вернулись к теме Москвы, и я поделилась своим впечатлением от культурного разнообразия мегаполиса:

[Соб.: Я могу идти, идти и на меня свалится куча книг, которые я искала. Она будет просто лежать в каком-нибудь уголке, где ничего, кроме рецептов нет, и вот среди этой всякой фигни, лабуды лежит, я не знаю, книга Тумаса Транстрёмера с кораблями на обложке.] *Офигеть. [И ты такой берешь в руки, открываешь... И думаешь: «всё, это моя книга [...] Надо брать».] Потрясающе вообще, да. У меня, на самом деле, со мной тоже в Москве всякие чудеса происходят постоянно, и... ты такой думаешь: «Господи... ваще... ты такая сумасшедшая, ваще, Москва». Не, классный город, вообще [мечтательно]. [Соб.: А много признаков этого, знаков?] Не знаю... Короче... не знаю, знаков – не знаков... **Во-первых, у меня постоянно какое-то добро происходит в Москве... то есть, во-первых, ко мне постоянно подходят люди с какими-то разными вещами... Во-вторых, открываются какие-то новые, не знаю, места... какие-то интересные штуки... неожиданные встречи там, и так далее. Вот. А в-третьих, в принципе, просто, ну... У меня был случай, вот, крайний раз, когда я приезжала в Москву, в октябре месяце, это был театральный фестиваль, я приезжала на спектакли, и, в общем... [...] Да, вот. Я на два спектакля приезжала, и, короче, и у меня был поезд... чё-то типа в два часа дня. Ну, или в два ноль девять, кароч чёт такое. И я... чё-то, а у меня б... я приехала в центр, и у меня час еще до поезда, и я такая думаю: чё делать, типа, чё я попрусь на вокзал, пой... ну, пошатаюсь-ка я по центру, короче. Гуляла-гуляла, вот тут как раз в районе Страстного бульвара, вот этих всех, короче, штук... вот.. ну, и короче, я поняла, что мне уже пора ехать, а... я не знаю, где метро, и, короче, ну то есть я... дико опаздывала. То есть... я никогда в жизни так не опаздывала на поезд. То есть... банально... то есть... время, допустим, у меня***

пять минут до поезда, да, до отправления, а я еще в метро. То есть... ну я уже приехала, но я еще в метро. А мне надо выйти, пойти на вокзал, найти путь, прийти в поезд, ну это пиздец, короче. [Соб.: Ну, почти да, нереально.] Ну, ну и... и я офигевала, ваще... вот. И я просто еду и понимаю, что... ну, я реально на грани оставания, а у меня... сто рублей. [Соб.: Ужас.] То есть, у меня нет вообще денег. Абсолютно. И... я, кароч, еду такая... и просто говорю с Москвой, ну я часто говорю с Москвой, потому что, когда я приезжаю, мне, ну... то есть, это лучшее, что я могу с ней... и я говорю с Москвой, говорю: «Слушай. Ну, блин, ну, я понимаю, что... ну, что ты... ты хочешь, чтоб я тут осталась...», потом говорю: «Ну слушай, я щас не в силах вообще.. тут остаться... давай, я обязательно к тебе приеду, ты же знаешь, что я приеду еще, и еще, и еще, и в конце концов скорее всего даже останусь...» и так далее, потом говорю: «Давай ты сейчас меня отпустишь, чтобы я смогла вырасти до тебя, и заработать денег, как бы... и приехать достойной тебя, вообще... давай, пожалуйста, я щас уеду в Питер обратно...». И я успела на поезд. Ты представляешь? Я-а просто охренела. Потому что, ну не знаю, у меня вообще не было шансов туда успеть, и я просто, я запрыгнула, ну короче, я запрыгнула в поезд, дверь закрылась – все, он поехал. [Соб.: Божественно.] Ты представляешь? [Соб.: У меня слов нет!] Просто, ваще!³ [ММ]

Полученный текст превосходил мои собирательские ожидания, и я не знала, как его классифицировать. Город явно представал в словах информантки как мифологический персонаж, однако я не могла напрямую ее расспросить – в силу неподготовленности к «нетипичным» персонажам городского фольклора (при работе с привычными ведьмами и домовыми собиратель обычно знает, какие сюжеты можно аккуратно напомнить информанту, или как с опорой на известные из других текстов функции персонажа поставить вопрос и т.д.). Здесь же я столкнулась с отсутствием аналогичных текстов, а кроме того — с собственными опасениями разрушить коммуникативную ситуацию небрежным вопросом «в лоб». Так, после рассказа об успехании на поезд повисла небольшая пауза — информантка как будто чего-то ждала, во всяком случае, у нас обеих, кажется, было ощущение незаконченности разговора. Подобная пауза напомнила

³ Расшифровка следует норме русского языка во всех случаях, когда произношение соответствует стандартным разговорным особенностям. Случаи использования сленговых и просторечных форм расшифровываются фонетически (в т.ч. слова-паразиты «кароч», «ваще»/«ваще» и др.). Фатические эмотивы расшифровываются фонетически точно; если информант членит звук на слоги, это отображается через дублирование звука через дефис («е-е-е»). Жирным шрифтом выделены особенно значимые для настоящего исследования фрагменты.

мне ситуацию рассказывания быличек, часто описывающуюся как агональную, когда континуум диалога требует постоянного подкрепления участниками коммуникации. При этом слушатель былички выступает одновременно как со-рассказчик, заканчивая историю за своего собеседника («отгадывая» персонажа) или рассказывая в ответ свою, тем самым подтверждая, что он понимает, о чем и о ком идет речь [Левкиевская 2008]. Поэтому после небольшого колебания я ответила на вышеприведенный текст рассказом о том, как однажды перед отлетом забыла паспорт в квартире друзей, у которых останавливалась в один из приездов в Москву. И как в тот же приезд захотела учиться в Москве (во время рассказа я подчеркнула, что в итоге так и случилось). Этот ответный текст оказался верным решением, т.к. наш разговор получил дальнейшее развитие, ММ восприняла мой рассказ через фильтр «воли Москвы» и озвучила еще несколько ценных с исследовательской точки зрения текстов:

Ну, вот на самом деле, да! Я, просто, когда... У меня было день рождение, в том году... то есть у меня в ноябре день рождение, недавно. И я в том году приехала тоже, короче, на один спектакль. Подарю себе на день рождения поездку в Москву. Я, кароч, приехала, посмотрела спектакль, а спектакль был шестнадцатого числа, а у меня день рождения семнадцатого, а поезд у меня там был че-то в час... с хреном... И я, значит, такая понимаю, что я успею, короче, как бы из театра выйти, дойти до Красной площади, короче... послушать, как часы отбивают двенадцать. [Соб.: О да, встретить свой...] встретить свой день рождения, и спокойненько добраться до Комсомольской, сесть просто и уехать. Вот. И я тут просто... И я, реально, я шла ну как бы вот вдоль Кремля, я шла к Спасской башне и вот так шла вдоль Кремля, и просто, ну, не знаю, и вот так вот говорила с Москвой. Просто... ты идешь и понимаешь, что ты можешь щас вот говорить чуть ли не вслух, и... и как бы не чувствовать себя идиотом, потому что как бы да. [Соб.: Вот это кайф, да.] Да, и вот просто как бы вот ты понимаешь, что это абсолютно естественно, и то, что говоришь сейчас — это твое естественное желание, и это так странно... у меня только так с моим родным городом, ну с Барнаулом, я с Алтая. Я с Барнаула, и как бы именно у меня по Барнаулу, когда я хожу у меня как бы тоже такое желание, то есть, как бы просто говорить ему что-то, и тут у меня такая же фигня. [Соб.: А в Питере не бывает?]⁴ Нет, в Питере нет. Ну, нет, часто... ну, у меня бывает такое что, короче... Питер он

⁴ Сейчас ММ живёт в Санкт-Петербурге.

такой странный, господи... ну то есть Москва — она там сумасшедшая, странная, тоже безумная и так далее, но у нас с ней какой-то прям коннект сразу, а с Питером наоборот, то есть Питер делает все наоборот, все абсолютно зеркально, то есть... [Соб.: Как ты там живешь?] [общий смех] Сама не понимаю. То есть не, щас уже нормально, у меня тут куча друзей, у меня почти все друзья туда перебрались и щас гораздо комфортнее, чем в первый год, потому что в первый год тогда было мясо. [Соб.: Ты поступила?] Нет, мне надо было уехать из Новосибирска, и я уехала просто вот в никуда. Вот, короче. И как бы... первый год... ты просто, ну, и до сих пор эта фигня работает, что как только ты говоришь: «Питер, ты бесишь. Ты вообще раздражаешь меня, не нравишься мне, и я из тебя уеду, честное слово, вот как на духу», и он сразу такой он — и делает все, как ты хочешь, вот. То есть он... моментально все становится хорошо. [Соб.: Клево как.] Как только ты думаешь: «Господи, Питер, какой ты прекрасный, какой ты замечательный, может мне все-таки не уезжать из тебя, и... какой ты клевый вообще можешь быть» — он говорит мне: «На, сука, получи». И ты такой, короче, думаешь — ага. И чё. Вот. И как бы... и я... ну, то есть... и постоянно там вот такие перепады... то есть если тебе щас супер-хорошо, это значит только... [Соб.: Молись!] Да, вот что тебе скоро будет супер-плохо. А опять же, с другой стороны, если тебе щас супер-плохо — это значит только то, что тебе скоро будет хорошо. И может быть это всегда так в жизни, но вот в Питере это очень сильно ощущается, я не знаю почему [ММ].

Существенная ошибка меня как собирателя в этом разговоре заключается в том, что я не задала главного в сложившейся ситуации вопроса — о чем именно ММ говорила, когда считала, что говорит с Москвой. В этом меня может оправдать только тот факт, что тема, с которой я столкнулась, была для меня совершенно нова и вызывала совершенное удивление. Кроме того, это было мое первое самостоятельное интервью, что тоже сказывается на ведении беседы.

Однако в последующих интервью я регулярно получала рассказы о разговоре с городом, и там «главный вопрос» задан был. Чаще всего содержание таких «разговоров» касается событий, происходящих с человеком в городе, реже — в жизни в целом. Чаще всего это вопросы о нынешнем положении дел или о будущем (иногда просьбы послать то или иное событие). Город наделяется в таких случаях или гносеологическим всемогуществом (знает больше человека о происходящем с ним), либо онтологическим (определяет/посылает события).

Подробный разбор практик вербальной коммуникации с городским пространством приведен в главе, посвященной содержательным ядрам разговора о городе, особенно в её подразделе о мотивном блоке №9 (город способен слышать слова/мысли человека).

Вернемся к тексту интервью. В нем явно выделяются некоторые нарративные ядра. Так, например, ММ утверждает, что у нее в Москве *«какое-то добро происходит»*, *«какие-то чудеса постоянно»* и т.д. В работе подобные фрагменты текста рассматриваются в рамках анализа «событийного кода» городских высказываний, мыслимых информантом. В таком случае рассказам об исключительно хороших событиях, происходящих в том или ином городе, будут соответствовать тексты о сплошных бедах и неприятностях, «посылаемых», например, Москвой одному из информантов. Сюда же относятся и рассказы о конкретных событиях, происходящих с человеком, с помощью которых город изъясляет свою волю. В вышеприведенном интервью такой фрагмент тоже есть — это история об опаздывании на поезд, в котором свое успевание ММ связывает с действием «услышавшей» ее Москвы.

В базе материалов, на которых строится данная работа, присутствуют тексты с разными примерами реализации одной и той же идеи — способности города удерживать в себе человека путем влияния на события, происходящие с ним. Например, город «удерживает» информанта ЖК с помощью массовой демонстрации, помешавшей работе транспортной сети; не дает уехать, посылая человеку патологическое количество дел, или, наоборот, любовную историю и другие приятные моменты, призванные заставить человека остаться.

Представление о способности города контролировать жизнь человека, живущего в нем, проявляется и в другом фрагменте нашего разговора с ММ: когда она рассказывает о *«коннекте»* с Москвой и о странной закономерности отношений с Санкт-Петербургом: *как только ты говоришь: «Питер, ты бесишь. Ты ваще раздражаешь меня, не нравишься мне, и я из тебя уеду, честное слово, вот как на духу»*, и он сразу такой оп – и делает все, как ты

хочешь, вот. То есть он... моментально все становится хорошо. Как только ты думаешь: «Господи, Питер, какой ты прекрасный, какой ты замечательный, может мне все-таки не уезжать из тебя, и... какой ты клёвый вообще можешь быть» — он говорит мне: «На, сука, получи».

К некоторым фрагментам этого интервью мы еще вернемся в следующих разделах работы. Пока что продолжим общий комментарий, касающийся объекта исследования и методологических рамок.

Долгое время интервью с ММ было единственным в своем роде среди хранившихся в моем личном архиве. Ситуация изменилась, когда я стала искать тему доклада для заявки на летнюю школу-конференцию Центра типологии и семиотики фольклора. Школа была посвящена антропологии власти, и материал из интервью интересным образом соответствовал этой тематике. Так я пришла к сбору текстов о власти города над человеком. Дальнейший поиск привел меня к новым информантам и новым методологическим проблемам.

Главной из них была сложность выявления как потенциальных носителей интересующих меня представлений, так и точек бифуркации в диалоге, в которых может происходить переход к разговору об одушевлении города.

1.2. Методика сбора материала

Поиск информантов осуществлялся методом снежного кома, когда те, кто уже принял участие в интервью (вне зависимости от того, продуцировал человек интересующие меня тексты или просто рассказывал о своих путешествиях), делились контактами своих знакомых, которые казались им подходящими на роль новых информантов. Помимо прямого обмена контактами, многие участники интервью по его окончании размещали в социальных сетях сообщение о проекте, делились собственным опытом произошедшего диалога (по моей просьбе не сообщая о конкретных вопросах интервью) и рекомендовали меня как интересного собеседника. Так ко мне приходили новые люди и делились затем уже своими связями с новыми звеньями потенциальных

информантов. Первыми моими респондентами были знакомые и знакомые знакомых (FOAF, friend of a friend в терминологии Я. Брунванда [Brunvand 1999]), на которых я опробовала опросник (см. Приложение). Кроме того, на определенном этапе сбора информации я создала группу «Болтовня о городах» в социальных сетях (Вконтакте, Facebook), где написала о том, что для дипломного исследования мне нужны рассказы людей о городах, в которых они побывали. Никакой информации об интересующей меня теме их «одушевленности» в текстах объявлений не было. Сообщение перепостили около пятидесяти раз, в каждую группу добавилось чуть больше сотни участников. Я стала получать предложения разговоров. В целом я провела 51 интервью, но успешными в плане интересующего меня материала оказались только 23. Еще пятнадцать были записаны мной до создания группы. Итого на момент написания работы я располагаю 38 устными интервью, содержащими в себе материал о раскрытой в той или иной мере теме одушевления города.

Для проведения интервью использовался авторский опросник. Его вопросы были составлены таким образом, что прямых указаний на интересующую меня тему — города как осмысленного персонажа — в них не содержалось. Они касались опыта путешествий и описания посещенных городов, впечатлений приезжего, реакции на попадание в новую среду, просили рассказать о родном городе информанта и его основных маршрутах в нем. Однако при ответах некоторые из опрашиваемых инспирировали развернутые тексты, аналогичные тем, которые были записаны от ММ. Интервью было полустандартизированным, таким образом, несмотря на наличие опросника, я как собиратель следовала ему не строго, позволяя разговору строиться в зависимости от информационного и культурного поля самого информанта. Вместе с тем, ключевые вопросы, наиболее эффективно провоцирующие рассказ об одушевленном городе, задавались во время каждой беседы. Часто интересующие нас тексты появлялись в ответах на вопросы о приезде и отъезде. Например:

[Соб.: Когда ты уезжаешь из города, ты акцентируешь внимание на моменте отъезда? Он для тебя значим?] *Я сама всегда э... в последнее время просто, ну, завела себе такой ритуал. Э... прежде чем из города окончательно убраться, или, там уже летя в самолете, уже едя в поезде, или... отъезжая от города в сторону аэропорта... вот посмотреть на него... э... окинуть его взором, ну и как бы попрощаться, сказать ему «спасибо», типа. За то, что я вот в этом городе была, я там испытала какие-то прекрасные чувства — и вот, «спасибо». Ну, это как бы закрепляет такое воспоминание с приятными чувствами и закрывает геитальт. Ну вот, что я не просто так вот: «а-а», внезапно оказалась в другом месте, а вот я [с нажимом] побывала, поставила сувенирчик на полочку, всё, спасибо, ты был хороший сувенир [СБ].*

Иногда интересующие меня тексты появлялись в ответ на просьбу описать тот или иной город:

[Соб.: А какой город ты считаешь родным? Ну, ну в смысле, какой город у тебя ассоциируется с детством?] *Ну... Сложно сказать. Мое детство прошло в переездах, и тот город, который связан с моим самоопределением — это все-таки Симферополь. Мое самоопределение и становление проходило в Симферополе. [Соб.: А можешь Симферополь, в таком случае, описать? Таким, какой он казался тебе.] Симферополь — это, не... опять же, маленький городок, со своими, своими хара... со своими характерными особенностями... своими характерными особенностями. [...] Он похож на... субъективно, он похож для меня на большого зверя. Тепло и пушистого. Чем-то похожего на кота, но не кота, а кого-то более фантастического. Который свернулся и спит. То есть можно услышать его урчание. [...] В местах, когда тихо, есть чувство, когда, знаешь, когда тонкая-тонкая грань между городом и не городом, его можно было услышать. [ИГ]*

В ряде случаев тема одушевления города «выплывала» из посторонних тем — из рассуждения об общей загруженности и усталости (которые, как выяснилось в последствии, связывались информантом с сознательным влиянием города — «он меня изживает»), или, например, из нарратива о родине, который внезапно перешел в рассказ об одушевленном Петербурге. Приведу крупный фрагмент последнего с тем, чтобы продемонстрировать конструирование интервью и смену нарративных блоков в нем. После вопроса о любимом городе (на который был дан нераскрытый ответ «Киев»), информантка ЛМ перешла к рассуждению о любимых и родных — городах и людях, акцентируя разницу между этими понятиями («любимого» и «родного»). Отдельно подчеркнула ценность малой

родины. И без какого-либо плавного перехода начала говорить о коммуникации с Петербургом, о его способности показывать лучшие точки для фотосъемки (ЛМ увлекается фотографией), открывать разные места, о том, что он «дается или не дается в руки» и т.д. После текста о Санкт-Петербурге ЛМ рассказала об отношениях с Москвой, которая в ее восприятии — «город-шкатулка», в котором стоит только свернуть не туда, и ты придешь к каким-то чудесам (особняку XVII века, скворцам, вместо голубей живущих на площади и т.д.). Санкт-Петербург ЛМ метафорически рисует как коллегу по работе, а Москву — как гостеприимную русскую бабушку, которая «ругается-ругается», но «у нее всегда припасена для тебя конфетка». Для удобства чтения ключевые моменты выделены жирным шрифтом.

[Соб.: Скажи, насколько для тебя актуально вообще понятие любимого города? Мыслишь ли ты вообще вот в этих вот категориях?] *Есть... Есть. Есть любимый город. Киев.* [Соб.: Киев?] *Киев.* [Соб.: Ух ты.] *Ну... тут некая очень четкая разница. Это город, который я люблю за что-то. А есть понятие «родной город». Я его люблю — просто так.* [Соб.: Петербург?] *Да. Он вот... Он просто есть. Когда-то я была более, да, снобистской девочкой. Когда меньше путешествовала. Я считала, что мы вершина мира. Нет. Мы не вершина мира. Когда я была на Алтае, нас везли, по-моему, с Горно-Алтайска [...] Село Топучее — Горно-Алтайск — Барнаул. [...] Нас подвозил какой-то совершенно прекрасный мужчина, который долго и упорно рассказывал про свои родные места. Что вот эта река Катунь! Что вот это вот образы Шукшина! [...] И был момент... И это с такой любовью к месту! Такой вот... вот-вот-вот у него река. Катунь! У него река... Пий. **И, наверно, на этом моменте где-то до меня дошло, что такое родина. Малая родина. Это место любимое вот — вне зависимости от. Это. Твоя. Родина.** Ты можешь любить что-то еще. Но твоя родина будет здесь. Ты в нее врос. **И Питер для меня — это город, вот... это город, с которым я ассоциируюсь.*** [Соб.: Саму себя?] *Ну да. Вот я — четко отсюда. Это родина. И поэтому моя любовь к чему-то другому — ну я же люблю вот... то, что я люблю маму, как-то вот априори. Если я выйду замуж, понятно, что я не буду любить мужа так же, как маму, ну.* [Соб.: Ага, это разные вещи.] *Да, это разные вещи. **Вот это то, что мне дано априори. А не то, что я выбрала. Это вот... навсегда. При этом я работаю в ГИОПе... подведомственной организации...*** [Соб.: Это защита памятников?] *Да. У нас есть комитет по охране памятников, а я работаю в подведомственной организации, мы там бумажками занимаемся. Ну.* [Соб.: То есть лично ты не ходишь памятники оценивать?] *Хожу, хожу. Я... у нас*

есть некая обязательная процедура, мы, когда выдаем документы, при подготовке документов мы выезжаем на объект. Поэтому — да, я очень люблю подвалы, да, как бы. [Соб.: Это сарказм?] [общий смех] Ну, как бы... Мы ходим, нет, и по парадным помещениям мы тоже ходим. Но у нас часть работы требует, реально, подвалы, чердаки. И на них очень много документов. И ты перестаешь этого бояться, и город я вижу чере... и таким. Таким тоже. Это вот тоже причина, почему у меня романтический Питер вот напрягает. **Я его вижу вот...** [Соб.: Ты понимаешь, что на самом деле стоит за этим.] **Вот! Живым. Очень таким разным. Очень... ну разным. И поэтому как-то черного пса⁵ я не понимаю. По этой вот причине. По этой он... [шепотом] ужасно. [Нрзб] но он с чувством юмора такой город. То есть... с чувством юмора. Он же над тобой реально стебётся.** [Соб.: Например?] Ну он... есть... *цас тебе будет...* [ищет фотографию в телефоне]. *И... надо вот это вот как бы все... он разный. И в... э... момент я поняла, что у меня есть некие коллеги. Там. Из разряда Света-Наташа. Саша. И у меня есть... еще один коллега. Которому триста лет. И ты понимаешь, ему вот больше трехсот лет. Твоему коллеге. Ты продолжаешь с ним работать. Он живой. Он настоящий. И он на тебя немножко иногда посматривает. Как-то вот... идет на контакт. Дается в руки, не дается в руки. Подсказывает места для фотографий, показывает шкатулочки. Вот, вот, взаимодействует. Такой... Дюк-люк⁶ просто.* [Соб.: А когда, э... у тебя, тебя... ты стала его таким ощущать, когда стала работать там?] Да, когда стала работать. **Он коллега! То есть это вопрос коллегиальный. То есть... у меня есть просто... в ГИОПе есть сотрудник!** [смеется] Бред. [смушенно смеется]. Который и создает нам обычно максимальное количество работы. **То есть это да, это... Причем это ощущение живости города — оно всегда есть. Чем больше город, тем веселее. Допустим, опять же, с той же Москвой. Мы... с Москвой прикольно.** [...] С Москвой у меня обычно впечатления очень странные. Которым никто не верит. [...] В метро, если вы очень долго спорите над картой, не понимая, куда вам надо ехать, к вам подходят женщина метрополитена и спрашивает: «А куда вы хотите попасть?»... **Это какое-то странное место, где живут дрозды.** [...] Вся площадь в скворцах. Да. Вся площадь Трех вокзалов вместо голубей — там реально стая. Красавцев! Красавцы. *Щас покажу. Красавцы, красавцы. Москва — это город-шкатулка. Это вот реально город-шкатулка. Знаешь, когда вот... тринки-ти-та. Бывают такие особые бабки, которые на тебя ругаются-ругаются, но... дают конфетку. У них всегда припасена конфетка. Вот. Бывает русский тип. Что вот эта вот гостеприимность...* [нрзб] **Вот есть. Это город-шкатулка, потому что... Ты идешь по улице. Ты сворачиваешь не туда. И вдруг у тебя особняк семнадцатого века.** [Соб.: Особняк

⁵ Имеется в виду образ «черный пес Петербург» из одноименной песни группы ДДТ.

⁶ ЛМ имеет в виду одесскую практику смотреть на памятник Дюку (Ришельё) с определенного люка: при этом ракурсе «открываются» незаметные прежде детали.

семнадцатого века?] *Да. Вот он так между одной улицей и другой. В него можно зайти, только если ты случайно перейдешь вон тот странный забор и найдешь эту дырку-калитку. То есть забор-забор-забор, потом тыходишь во двор... и там у тебя особняк семнадцатого века. Особняк семнадцатого века. Знаешь, вот какая Москва. [...] И таких вот... как-то ответвлений Москвы — их везде много. То есть их надо просто как это... быть к ним готовым. Потому что тут вот у тебя, да, калиточка, потому что тут у тебя какая-то там пышечка. Еще что-то. То есть... все-то у тебя будет, все будет... только надо, как это... просить, просить [ЛМ].*

Как видно, четкой формализации процесс извлечения текстов об одушевленном городе не поддается. Как было сказано выше, это оказалось одной из методологических сложностей, с которыми я столкнулась во время интервьюирования. Несмотря на то, что некоторые вопросы «срабатывали» с большей или меньшей степенью надежности, выход на интересующую меня тему мог осуществляться через совершенно посторонние темы. В половине же случаев «не работали» никакие вопросы, и устное интервью оканчивалось безрезультатно (с позиции ценности для именно данного исследования). Информанты, реагируя на объявление или на рекомендацию знакомых, рассказывали ценные с точки зрения урбанистики или антропологии города сведения, однако текстов о городе как о персонаже среди этого материала не было. Так, проведя 66 устных интервью (15 до объявления и 51 после), фактически я располагаю всего лишь тридцатью восемью записями разной длительности.

Стоит также отметить еще некоторые особенности стратегии интервьюирования.

1.3. Влияние собирателя на поле

Во время доклада на одной из конференций между мной и модератором секции Н.В. Петровым завязалась дискуссия о зависимости исследуемых текстов от личности собирателя. Мой оппонент утверждал, что во многом развернутость и качество текстов зависят от моего собирательского энтузиазма и харизмы,

которые заставляют информантов сообщать мне более развернутые и более «яркие» тексты, чем те, которые присутствуют в естественном бытовании.

В связи с существованием этой дискуссии в устном формате, мне кажется важным перенести ее на бумагу — в том числе и потому, что она касается фундаментальных вопросов фольклористики и других гуманитарных наук, зависящих от полевого сбора материала.

Отечественная академическая рефлексия по поводу коммуникативной ситуации интервью мне представляется в общих чертах следующей. Определенный тон задает остающаяся до сих пор провокационная статья А.А. Панченко «Инквизиторы как антропологи, антропологи как инквизиторы» [Панченко 2001], вызвавшая живую реакцию. Иногда ее упоминают в связке с работой Т.Б. Щепанской. В статье «Полевик: фигура и деятельность этнографа в экспедиционном фольклоре» Татьяна Борисовна обратила внимание на «воинственную» внутреннюю лексику этнографов и их нередкое осмысление своей деятельности в метафорах боя [Щепанская 2003] (на ее разработки, видимо, на тот момент еще не опубликованные, опирается и сам Панченко в своей работе, опередившей Щепанскую на два года). Влияние работы Панченко оказалось очень широким, что подтверждается в том числе заимствованием метафор, концептуализирующих интервью: так, например, в своё время А.Б. Мороз выступил с довольно пространной статьей «Заметки инквизитора: к вопросу об этике полевой работы» [Мороз 2007]. Заголовок статьи отсылает к статье Панченко, в теле статьи есть апелляция к работе Щепанской, а постановка вопроса, как признается сам автор, частично заимствована из дискуссии пятого выпуска журнала Антропологический форум (2006) [Антропологический форум 5 2006]. На страницах номера представлено обсуждение этических проблем полевых исследований, здесь во множестве присутствуют высказывания, эксплицирующие ту же идею насилия над информантом, с которой неотъемлемо связан собирательский опыт. В подборке ответов АФ присутствует текст Ж.В. Корминой [Кормина, Антропологический форум 2006].

Она абсолютно справедливо поднимает вопрос об обратном насилии — информантов над собирателями, о власти реципрокности, психологического давления на совесть антропологов и т.д. Однако для исследуемого нами вопроса важнее другой аспект — Кормина, с опорой на А. Гупту и Дж. Фергюссона [Гупта, Фергюссон 2013], касается очень важной проблемы, а именно необходимости снятия извечного противопоставления «информант-антрополог», приближения поля к исследователю и о нахождении общего культурного опыта собирателя и респондента, который определяет не экспансию антрополога на чужие территории, а совместное освоение культурного пространства. Исследователи, стоящие на позициях, подобных взглядам Корминой (в подборке АФ сходные взгляды высказывает также М.Л. Лурье и др.), вполне соглашаются с насильственным и искусственным характером стандартной стратегии интервьюирования, но при этом предлагают принимать не меры по защите информанта, как советуют их оппоненты (требование официального согласия на запись, юридических гарантий соблюдения прав респондента), а коренным образом менять парадигмальные установки самих антропологов. В этом ключе интересна статья Ксении Федосовой [Федосова 2012], в которой убедительно доказывается на подробных примерах, как инициатива собирателя в диалоге и видение им интервью как озвученного опросника проигрывают перед эмотивным разговором или эмпатичной беседой, в которой информант и антрополог обладают равными статусами. Федосова анализирует стратегию поведения новичков в поле (лицеистов-первокурсников), и отмечает, что отсутствие у них стратегии доминирования очень выгодно сказывается на информационном обмене — но не потому что, как утверждает А.Б. Мороз, они представляются «понятной» ролью студентов на практике, вызывающей жалость, а потому что приоритетом для них является не информационный, а эмоциональный контакт с первыми информантами. Благодаря ему информанты чувствуют себя комфортно и раскованно, насильственной экспансии в информационное поле не происходит, и интересующие собирателей сведения

проявляются в своем естественном бытовании, во всем многообразии своих бытовых контекстов.

Интересно, что методологические работы не фольклористов, но антропологов практически лишены этой риторики об экспансии и скорее направлены на выяснение степени включенности антрополога в среду, определение принципов этики в различных провокативных ситуациях поля и обсуждение вопроса личной самореализации в рамках роли, примеряемой при включенном наблюдении. Вероятно, причина в том, что антропологическое интервью, в отличие от фольклористического, проистекает из исследовательской парадигмы, по которой собиратель аксиоматически обязан стать «своим» для информанта: быть принятым в среду, разделить, хоть на время, ее нормы и ценности. Для фольклористов это, к сожалению, не всегда очевидно.

Стоит отметить работу, которая помогла мне в настоящем исследовании отразить собственные методологические принципы — это ульяновско-московский сборник ВШЭ «Полевая кухня» (и особенно статьи «Как измерить поверхность Земли, или к вопросу о техниках триангуляции» [Омельченко 2004], «Можно я буду дружить с Вашей дочерью?» [Доброштан 2004] и «Метод участвующего наблюдения в изучении «скрытых» практик молодежных компаний» [Костерина, Шарифуллина 2004], опирающаяся на теоретические выкладки Р. Голда [Gold 1969]).

1.4. Коммуникативная ситуация интервью о восприятии городов

В своем исследовании я стояла на позициях, чаще оказывающихся базой для включенного наблюдения, чем для «классического» фольклористического опроса (как его описывают сами фольклористы) — во время каждой встречи с информантами происходил активный процесс культурного сближения и узнавания себя в другом. Я постоянно демонстрировала общность нашего культурного опыта и принадлежность к одной среде с информантами.

Это было не так уж сложно — в силу моих личностных особенностей и собственного культурного поля я действительно производила впечатление человека, относящегося к тем сообществам, в которые чаще всего входили мои информанты. Так, тексты об одушевленном городе я записывала от ролевиков, автостопщиков, наивных и профессиональных поэтов, исполнителей авторской песни, представителей субкультур, восходящих к хиппи, любителей рок-музыки, художников и научных сотрудников разных возрастов. В половине случаев я действительно знала среду изнутри, хоть и не так хорошо, как это казалось информантам. С ММ, моей первой информанткой, меня познакомил наш общий друг, который сразу отметил, что ММ приехала из Петербурга «стопом». На это я сказала, что тоже практикую этот вид путешествий, и при ответах на вопросы обрадовавшейся ММ сильно зависла и километраж, и свой опыт, который на самом деле никогда не выходил за пределы соседних населенных пунктов. В результате ММ прониклась ко мне уважением, как к равному ей представителю своей субкультуры, и после разговор стал складываться крайне успешно. Это видно и на той его части, которая фиксируется на записи: все время разговора происходил процесс взаимной идентификации и активное обнаружение точек культурного соприкосновения. Средства, которыми собиратель и информант в данном разговоре достигали «узнавания», были описаны мной на докладе в рамках учебного курса Е.Е. Левкиевской по прагматике фольклора в Центре типологии и семиотики фольклора. На протяжении всего интервью иллокутивной целью (в терминах оксфордской лингвистической школы Дж. Остина и Дж. Сёрля [Сёрль 1986]) была уже многократно упомянутая выше общность культурного поля собирателя и информанта, на подтверждение которой были направлен целый ряд высказываний с обеих сторон. Приведем два примера — самое начало целенаправленного интервью после включения диктофона — и отрывок, располагающийся между двумя обращениями к теме живого города.

[Соб.: А можно еще твою фамилию?] [ММ называет] [Соб.: Этого не будет, мне просто отметить файл] *Без проблем, как хочешь. Можешь, хоть... на заборе написать* [смеется]. [Соб.: На заборе? Отлично, [смех] я рисую на заборах немножко.] *О, ты граффити занимаешься? Отлично вообще. Блин, приезжай к нам в Питер, там для тебя там поле... просто непаханное.* [Соб.: Приезжай к нам в общагу, у нас стены разрисованы и вообще!] [общий смех.] *Е-е, в следующий раз, вот, я знаю, с кем связаться.* [ММ Обращается к А., присутствующему при разговоре, общему знакомому ММ и собирателя] *Ты, кстати, давным-давно просишься мне в фейсбуке, и в друзья, я просто чё-то всё забываю тебя добавить. Надо тебя добавить.* [Соб.: О, вот, так мы и сконтактимся. Сконтактимся, сфейсбучимся.] *Договорились. Вообще.* [Соб.: О. кстати, а Питер-Питер. У тебя есть вписка в Питере?] *Да, конечно. ну, в смысле... э... как бы...* [Соб.: Если вдруг, э-э, я застряну в Питере, тебе можно писать?] *Да* [уверенно]. [Соб.: Круто.] *У меня есть комната и там как бы огромный диван, и если тебя не страшает спать с другим человеком...* [Соб.: Боже, Маша, ты чудесна!] [общий смех]. *Да чё уж там* [улыбается] [общий смех] [Соб.: так, ладно, подожди, подожди... давай ближе к теме...] [общий смех] *Я, правда, не в центре живу, но это ничего.* [общий смех] [Соб.: Так это же даже лучше!] [общий смех]. [ММ]

В этом тексте все говорит о культурном сближении. Этот фрагмент можно было бы пересказать кипплинговской фразой: «Мы с тобой одной крови, ты и я». После «признания» в общей культурной практике граффити (опыт автора в ней, как и в автостопе, сильно ограничен) начинаются взаимные приглашения в гости, обещания добавить друг друга в социальных сетях и продолжать общение. Экспликация идеалов, близких коммуне хиппи и далеких от комфорта, тоже ведет к нивелированию дистанции между исследователем и информантом: «У меня есть комната и там как бы огромный диван, и если тебя не страшает спать с другим человеком... [Соб.: Боже, Маша, ты чудесна!] [общий смех]. *Да чё уж там* [улыбается] [общий смех].

Общие проблемы, мыслящиеся тоже как культурный маркер — сидение по ночам, работа за полночь, — озвученные в тексте информанта, находят мой собирательский отклик в следующем тексте. Там же выражена наша с информанткой солидарность по поводу богатой фантазии:

Ну да ... ну, короче, чаще всего... как правило... это бывает, когда я... мало сплю. Ну, то есть... часто бывает так, что я не высыпаюсь... капитально. Капитально, тотально... [смех] [Соб.: Да, вот я сегодня спала три часа... а... а вчера не спала вообще.] [...] А у меня часто в детстве такое бывало, но мне кажется, это... просто, короче, плоды неумной фантазии моей. Ну у меня фантазия очень хорошо развита. Воображение там, все дела. [Соб. пожимает руку ММ] E-e-e! [Общий смех]

В разговоре с паркурщиком я завоевала его безоговорочное доверие, сказав, что дружу с юношей, занимающимся паркуром (хотя в действительности наше знакомство с последним измерялось несколькими часами). При беседе с ролевиками достаточно было признаться, что у меня есть самошитый плащ и несколько контактов с кузнецами и мастерами фэнтези-антуража, что как раз было чистой правдой. Однако зачастую степень моей включенности в сообщество информанты домысливали за меня.

Огромное значение играли общие музыкальные вкусы. Информант СД, процитировав мне несколько строчек из песни Вени Д'ркина «Нибелунг» и услышав в ответ продолжение, полностью перешел на дружеский режим общения и через несколько суток позвонил с просьбой о вписке в Москве на два дня. На мое некоторое колебание он сказал следующую фразу, записанную мной в дневник: *«Не, у меня есть еще варианты, но у тебя должно быть охренеть как по-свойски, Дыркина поюем, Зимовье, баек порассказываем, ты ж свой человек»*. Отмечу, что этот вывод он сделал на основании интервью, так как раньше мы не были знакомы.

Во время записи со мной делились любовными переживаниями, просили советов по поводу учебы и работы, активно расспрашивали о моих внеаучных увлечениях, показывали свои коллекции (самодельных кукол, сувенирных котов), демонстрировали другие свои хобби, цитировали стихи и песни и были требовательны к моему узнаванию их. Масла в огонь при погружении в этот дружественный дискурс подливал тот факт, что одной из «затравочных» тем интервью был разговор о «детских» и любимых местах в городе, о дороге в школу и летних выездах из города на дачу. Кроме того, теплый климат

обеспечивал собираемый мной для другого исследования материал о детской игре в страну-мечту, который иногда «выплывал» из рассказов о наиболее освоенных пространствах города или двора. Это тоже резко повышало степень близости между собирателем и рассказчиком.

Я стою на позициях, согласно которым эксплицируемая личная симпатия, эмоциональный контакт и постулируемая принадлежность среде информанта — этичные и корректные средства для сбора материала, облегчающие проникновение в мир собеседника. При этом, естественно, я следовала им со всей полнотой своей собственной эмоциональной реакции, о чем готова говорить в рамках рефлексии над методом или автоэтнографического комментария.

Итак, эмпатия, осмысляемая в рамках методологического основания, привела меня к таким условиям беседы с информантами, при которых мы были наделены равными статусами, а я как собиратель воспринималась как «своя». В результате применения этой стратегии мне удалось получить развернутые тексты, редко выводимые в публичный дискурс и относящиеся, вероятно, в некотором роде к категории сокровенного. Показательно в этом ключе высказывание информантки ЮС по итогам интервью: *«Хорошо поговорили как. Абы с кем о таком не говорят, это очень личное»*, или фразу информанта МС *«Это что-то совсем из глубины, из области «рассказать — не поверят», круто, что ты это все сечешь»*. Возможно, при использовании других стратегий получение таких текстов требовало бы больших усилий. Но подобное утверждение требует более серьезного подкрепления, поэтому утверждать превосходство описываемой стратегии над другими рано. Однако даже если превосходства нет, репрезентативность полученных материалов в любом случае не ниже, чем у текстов, полученных при интервью, которые меньше апеллируют к личным качествам собирателя и строятся на классической дихотомии «информант-интервьюер».

Любой собиратель является фактором изменения среды, и получить поле в «чистом виде» мы не можем в силу действия обеих теорем Гёделя о неполноте формальных систем определенного рода, отсутствия универсального критерия истины и невозможности исчерпывающе оценить систему, будучи включенным в нее. Уместно закончить это рассуждение следующей цитатой из одной из дискуссий Антропологического форума на тему позиции антрополога: «Сам наблюдатель является «инструментом исследования», привнося большие или меньшие отклонения в описание объекта за счет своего опыта, развитости, темперамента и увлеченности. Но и при этих учитываемых допусках гуманитарии стремятся найти прочную основу описательного понимания людей» [Ансберг, Узунова, Антропологический форум 2008].

1.5. Интернет-источники

Завершая тему сбора материала, напомню, что помимо устных интервью, я располагаю 14 письменными ответами по пунктам опросника, а также 64 письменными интернет-текстами, собранными мной в социальных сетях (Вконтакте, Facebook, ЖивойЖурнал). Письменные ответы мне прислали те информанты, которые очень хотели поучаствовать в очном интервьюировании, но не смогли по какой-либо причине. Большая часть из них — жители других городов (Екатеринбург, Воронеж, Новосибирск и др.). Интернет-тексты были найдены с помощью внутреннего поиска по ресурсу «ЖивойЖурнал» с использованием запросов «город говорит», «город принял», «город живой» и др. Полученный список ссылок на каждый из запросов просматривался вручную, и с помощью контент-анализа из него выбирались тексты, соответствующие критериям материала для данной работы. Поиск по ресурсам «Вконтакте» и «Facebook» в таком объеме невозможен, поэтому тексты оттуда извлекались спонтанно, по мере столкновения с ними в соответствующих группах: «Интересный Питер», «Это Питер, детка», «Москва Икс: Клады-Мистика-Призраки-UFO-Заброшки», «Ночные города», «Мостовые Echo», «Переулки

Лиссабона» и т.д. Поиск был сложно формализуемым в силу специфичности искомого и огромных объемов страниц в социальных сетях, в которых нужные тексты могли «затесаться». Кроме того, поиск был многократным и часто опирался на группы, в которых состояли сами информанты (вдохновенное творчеством Макса Фрая сообщество «Сказки старого Вильнюса» и другие, не привязанные к теме городов так крепко: «Чаепитие в графстве Чешир», «Чердак», «Маги шутят» и др.).

Кроме того, при свободном серфинге по страницам социальных сетей — или при поиске, направленном на другую информацию — также встречались ценные с исследовательской точки зрения тексты. Некоторые коллеги после моих выступлений на конференциях начинали пересылать мне те тексты, которые встречались им. Некоторые коллеги оказывались впоследствии информантами — очными или заочными. См. нижеприведенный текст:

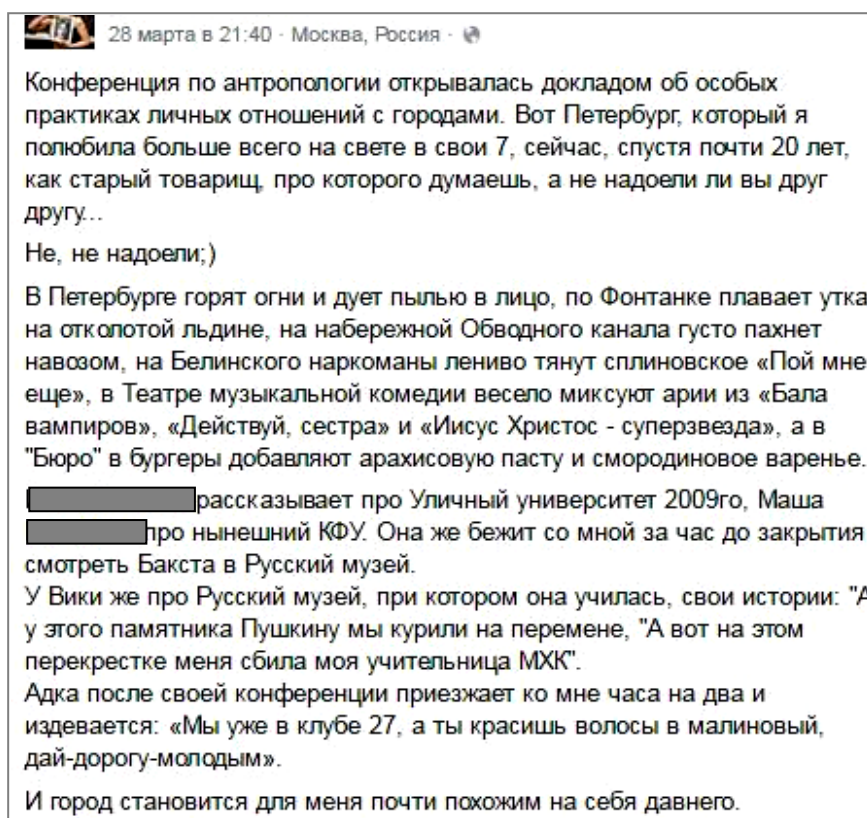

Рис.1. Скриншот «поста» в социальной сети Facebook, апеллирующего к моему докладу на конференции молодых ученых «Антропология. Фольклористика. Лингвистика», организуемой факультетом антропологии ЕУСПб (25-26 марта

2016 г.). На первом кофе-брейке после моего доклада автор поста подошла ко мне со словами: «У меня то же самое, что вы изучаете. Некоторые города для меня совсем живые» [КР].

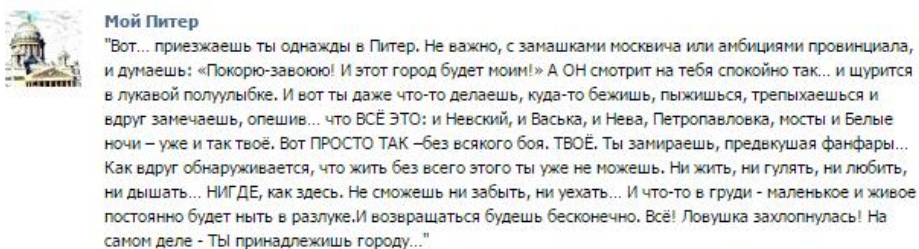
Интернет-тексты, естественно, обладают меньшей объяснительной ценностью, чем устные интервью, зато открывают явление в его естественном бытовании. При исследовании текстов социальных сетей мной анализировались также комментарии к ним.

Естественно, что тексты, распространенные в пабликах социальных сетей, отличаются по ряду признаков от текстов ЖивогоЖурнала. Самой очевидной отличающейся характеристикой является авторство:

Пример текста с ресурса «Интересный Питер»:

Рис. 2. Скриншот от 26 января 2016 г. (пост создан 25 января)

Тот же текст в другом паблике на три года раньше:

Александра Катаева

Рис. 3. Единственная разница между этим текстом и предыдущим, помимо постулируемого авторства, — в выделении ключевых слов строчными буквами.

Наконец, рассмотрим пример использования этого же текста для описания индивидуального визитерского опыта пользователем ресурса Instagram и обратим внимание на соотнесение образа любимого мужчины и любимого города в авторской приписке ниже:

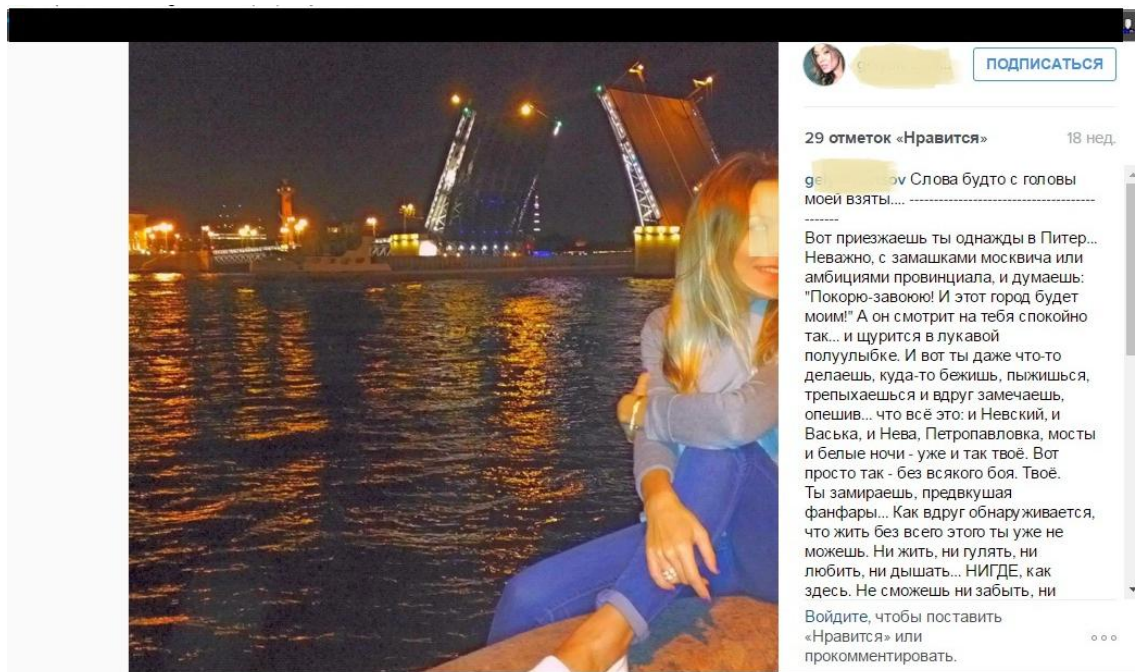

Рис. 4. Скриншот записи, созданной 27 ноября 2015 года. На скриншоте текст обрезан, но при прокрутке записи становится ясно, что он скопирован полностью. Текст предваряется комментарием хозяина аккаунта: «Слова будто с головы моей взяты...». Под текстом — черта из дефисов, ниже — снова текст личного авторства: «Ну и добавлю от себя! Я очень тоскую по моему любимому... Эта взаимность навеки в моем сердце. Никогда не подумала бы раньше, что можно так свихнуться и пустить по вене любовь, в этом городе, к этому городу, с этим городом... #любовькгороду #любовькмужчине #мосты #крикичаек #музыка #Питер #Петербург #Saint_Petersberg #love #neva #Нева #джаз #вино #любимые люди #морской воздух #счастье #music #nightjazz #бары #кличным музыканты #Цой жив как никогда в Ленинграде #Ленинград #град Петров #Набережная #белые ночи #whitenight #dreamsity balloonspb Крыто! podushka_hostel Very best!»

Пример с трансляцией одного и того же текста о власти города над человеком явно показывает особенности бытования текстов в пабликах и группах социальных сетей. Впрочем, авторские тексты встречаются и там — на личных страницах пользователей.

Большее количество индивидуальных рассказов об одушевленном городе представлено в Живом Журнале и на других серверах «интернет-дневников».

Прагматика подобных ресурсов направлена на фиксацию индивидуального жизненного опыта и во многом повторяет традицию бумажных личных дневников. Благодаря этому часть текстов об одушевленных городах, найденных среди текстов интернет-дневников, оказалась по содержанию и форме близкой к записям интервью. Другая часть скорее приближалась к произведениям наивной литературы.

ЖАНР МИФОЛОГИЧЕСКОГО РАССКАЗА О ГОРОДЕ

Описав процесс сбора материала, приступим к анализу самих текстов. В первую очередь следует остановиться на записях интервью, так как одной из задач данного исследования является изучение устной традиции одушевления городов. Таким образом, бытующие в Интернете или полученные в письменном виде ответы на вопросы в данном случае обладают меньшим доказательным весом и служат скорее для проверки данных, полученных из анализа устных интервью.

Устные интервью были расшифрованы, и из них были выбраны фрагменты, содержащие в себе тексты об одушевлении города. Вопрос, встающий перед нами при их рассмотрении, касается их однородности. После разбора текстов и подтверждения их типического сходства напрашивается вывод о возможности рассматривать их как варианты одного и того же жанра. Для этого необходимо очертить круг содержательных и формальных признаков этого жанрового образования, если оно существует, а также доказать их эффективность в сепарации предполагаемого жанра от общего континуума речи.

На самом деле, эти вопросы отправляют нас к одной из центральных проблем современной фольклористики — проблеме жанровой классификации. Жанровая номенклатура и ее соотнесенность с типами речевых актов, темами высказываний, сопроводительными практиками и особенностями речи (спонтанностью и регламентированностью, произвольностью и формальностью, лексическим набором и речевыми оборотами) остается открытым вопросом. Особенно остро он ставится в исследованиях постфольклора или современного городского фольклора — во-первых, в силу сравнительной молодости этих понятийных рамок, а во-вторых, из-за сравнительной молодости самих явлений, скрывающихся за ними. Это проблема как не до конца сформированного языка описания, так и собственно языковой и семантической действительности, находящейся в периоде становления. Благодаря подвижности и

неоформленности этих двух систем, регулярно происходят «открытия» новых жанров, прятавшихся до этого в языковой магме. В свое время так были выявлены советские «страшилки», которые сейчас, видимо, трансформировались в другой жанр [Трыкова 2001]; так была обнаружена игра в «страну-мечту» [Лойтер 2001, Гладких 2015]; выделены из «кухонных» разговоров ламентации о «лихих девяностых», описанные Нэнси Рис [Рис 2005]).

Возможно, одним из подобных жанров (или поджанров) может оказаться мифологический рассказ о городе, выделение которого опирается на ряд содержательных и формальных признаков.

2.1. Содержательные признаки.

Итак, в результате анализа текстов были выделены повторяющиеся семантические ядра (их можно назвать мотивами, элементарными сюжетами и т.д.). Полный перечень содержательных элементов, по факту наличия которых текст можно отнести к выделяемому жанру, выглядит следующим образом:

- Город представляется целостным одушевленным образом, единой персонифицированной сущностью;
- «живость» города прямо озвучивается рассказчиком;
- город обладает определенными человеческими/звериными качествами;
- город способен передавать информацию о своем настроении, состоянии, отношении;
- город может менять собственное пространство;
- город влияет на события в жизни человека;
- город посылает человеку какие-либо предметы;
- город посылает знаки через тексты, находящиеся в нем: афиши, граффити и т.д.;
- город слышит и понимает человеческие поступки/речь/мысли;
- город дает знать о своем отношении через психологическое состояние человека;
- город обладает знанием о будущем/прошлом человека;
- город может принять или не принять человека;
- город может удерживать кого-то против его воли;

Посмотрев на список внимательно, можно легко убедиться в том, что перед нами частные проявления одной общей идеи — субъектности города. Проще говоря, информанты позиционируют город в качестве агента, а также наделяют его способностью направленно действовать (меняя пространство, события, управляя текстовым континуумом города) для реализации его личной воли.

Разбор каждого содержательного компонента будет представлен в четвертой главе. Пока же я продемонстрирую выделение этих элементов из конкретного фрагмента интервью для иллюстрации принципов выявления жанра.

[Соб.: А можешь рассказать про Новгород?] *Про Новгород. Ну а что тебе рассказывать про Новгород? Это такая вещь, что ее очень сложно рассказывать. Новгород — ... живой, да. Новгород — это такой город, который вот есть до сих пор и, несмотря на прошедшее огромное количество времени, он сохраняет некие свои черты, которые были ему присущи, ну, как бы в двенадцатом веке, да, в одиннадцатом веке, то есть какие-то вот, какая-то какое-то отношение, вот, какая-то порядочность, да, некое вот, отношение к слову, да, и к договору, что-то вот такое вот, неевропейское, безусловно, но и не то, что у нас есть сейчас вот в Москве вот той же самой, в России, и так далее. Ну, вот что-то такое вот, вот древность, да, она безусловно чувствуется, и это очень здорово, и это вот показывает — ну, не показывает, но ты вот чувствуешь, что город есть, да, и город жив. И поскольку он жив, да, то он некое такое существо, ну, по крайней мере, я его воспринимаю как некое такое вот, да, что вот Новгород — и я, да, Новгород — и мы, да. И он как бы и принимает, и может и не принять, и каждый раз вот когда ты вот приезжаешь, ты находишься с ним в каких-то таких очень сложных каких-то, очень глубинных отношениях... ну, по крайней мере у меня так. Вот, но думаю, может, не у меня тоже. Что вот, скажем, ты ходишь, и... и, не знаю, я, конечно, так не делаю, но иногда бывало, что... такие мысли, что, вот, поговорить с городом, да, вот хочется. Ну, обычно говорят там с Богом, там, не знаю, каким-то, не знаю, с кем-то еще, а вот говорить с городом тоже типа вот «что ты делаешь, там, почему вот так вот у меня щас все складывается, почему вот так все наперекосяк, или, наоборот, не наперекосяк». [ЕЩ]*

В этом тексте есть, помимо явной экспликации «живости» города (*Новгород — ... живой, да.*), позиционирование его в виде единого образа и приписывание ему определенных качеств человека (*какая-то вот, какие-то вот, отношения, какая-то порядочность, да, некое вот, отношение к слову, как к договору, и*

что-то вот такое, вот, не европейское, безусловно), выражается мысль о том, что город способен слышать, говорить, любым способом принимать и передавать информацию, общаться (когда ты приезжаешь, ты находишься с ним в каких-то очень сложных каких-то, глубинных отношениях; ты ходишь, и... и, не знаю, я, конечно, так не делаю, но иногда бывало, что... такие мысли, что, вот, поговорить с городом). Наконец, в тексте фигурирует идея о том, что город может «принять или не принять». Все эти мотивы являются типичными для текстов, составляющих выборку и объединенных в жанр. Ср., например, другие реализации первого содержательного маркера («прямое заявление о «живости» города»):

У меня есть... еще один коллега. Которому триста лет. И ты понимаешь, ему вот больше трехсот лет. Твоему коллеге. Ты продолжаешь с ним работать. Он живой. Он настоящий. И он на тебя немножко иногда поглядывает. Как-то вот... идет на контакт . [...] Причем это ощущение живости города — оно всегда есть. [МЛ]

Москва смотрит. Москва просто живая абсолютно. Ну то есть... сто процентов. И когда ты находишься в ней... Такое ощущение что с тобой рядом постоянно кто-то есть. [ММ]

Что я еще могу сказать про Москву... Она... Она достаточно живая. Она взаимодействует с тобой. [ТИ]

Или, например, различные экспликации представления о том, что город может принять или не принять человека:

Могу сидеть, куда-то прислониться спиной и говорить просто что-то там... «Что было? Как дела? А... что видел?» [...] Мне нравится представлять, что там... что становится теплее, например. Ну, складывается... Поэтому я говорю, что город принимает, условно, потому что мне всегда... [ДГ].

По незнакомым городам я перемещаюсь почти всегда пешком, это чаще всего проявляется в том, как ощущаются расстояния и происходят перемещения (по карте вроде далеко, а дошел легко и быстро — значит, принял; а если вроде недалеко, но как-то утомился по пути или, еще хуже, заблудился — а у меня с ориентированием в пространстве по жизни очень и очень хорошо — не принимает город [ЕА].

Итак, приняв список содержательных элементов за маркеры, определяющие границы жанра мифологического рассказа о городе, рассмотрим его языковые и структурные признаки. В противовес содержательным они названы в данной работе формальными.

2.2. Формальные признаки.

Формальные признаки текстов описываются с помощью трех параметров: стилистических характеристик текста, синтаксических и вытекающих из них семантических (последние не равны вышеописанным содержательным, рассматриваемым нами отдельно; кроме того, семантические маркеры практически полностью коррелируют с синтаксическими, поэтому мы, на самом деле, говорим о двух параметрах). Каждый из них удобно представить в виде шкалы, на полюсах которой будут находиться крайние формы. См. схемы:

Рис.5. Шкала стилистической вариативности жанра

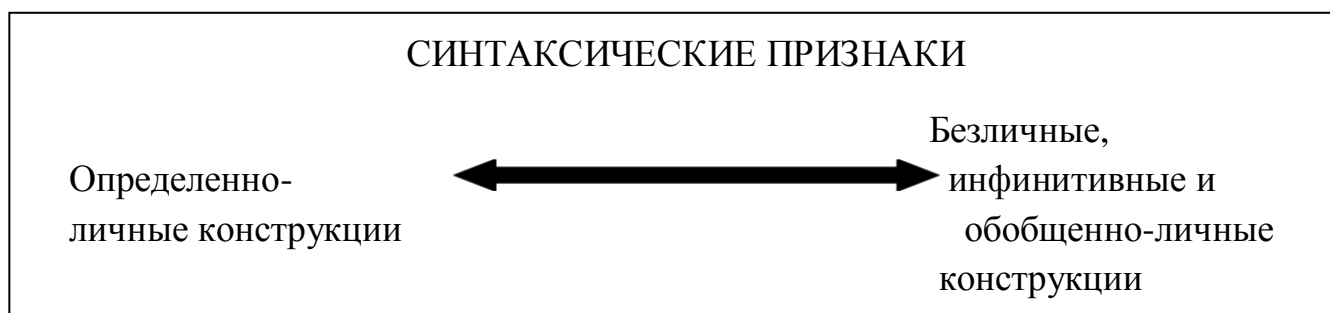

Рис. 6. Шкала синтаксической вариативности жанра

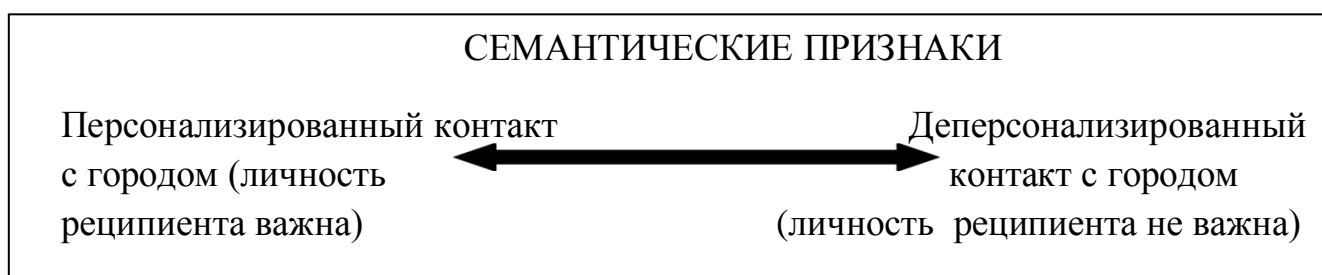

Рис. 7. Шкала семантической вариативности жанра

2.2.1. Формальные признаки. Стилистика.

Рассмотрим стилистические параметры мифологического рассказа о городе. Все тексты, определяемые как искомый жанр, варьируют в границах между нейтральной разговорной речью и квазилитературным образованием, полным клише и поэтических стилистических фигур. Кроме того, при озвучивании рассказов, относящихся к крайнему правому полюсу шкалы, некоторые информанты переходят на другой речевой регистр. Рассмотрим все эти стилистические признаки на конкретных примерах.

*М... Очень часто... Ну, не то, чтоб в самом начале, ну вот, наверно, год был курс второй, третий, [даже знаешь] и сейчас даже иногда такое происходит, на самом деле боле... больше бессознательно, но тем не менее, я выходила на улицу, а... вот отсюда, с общежития, и... как бы... **вручала свою судьбу Москве в надежде, что она-таки приведет.** И... знаешь, как бы так а... проговаривала, что **я буду следовать тем знакам, которые ты... на которые ты мне укажешь.** [СМ]*

Жирным шрифтом выделены нетипичные для разговорной речи выражения, отсылающие к литературным образцам. Не требует особых подтверждений предположение о том, что выражение «вручать свою судьбу кому-то» не является распространенным в живой устной речи (ноль вхождений по Национальному корпусу русского языка, подкорпус устной речи). Однако в письменном языке в целом и в художественной литературе в частности эта конструкция широко распространена. Вот что говорит о ней Активный словарь русского языка под ред. Ю.Д. Апресяна (раздел, посвященный слову "вручать", 2 значение):

вручать 2, перен. книжн.

Но так и быть! Судьбу мою / Отныне я тебе вручаю (А.С. Пушкин).

ЗНАЧЕНИЕ 'Лицо А1, от которого зависит человек или нематериальная сущность А2, передаёт контроль над А2 человеку или высшей силе А3'.

УПРАВЛЕНИЕ.

А1 * ИМ.

А2 * ВИН: *вручить свою судьбу <свободу, бразды правления>*

А3 * ДАТ: *вручить ей (свою судьбу).*

 Конституционный режим, вручая власть буржуазии, предоставляет ей, под покровом формальной политической свободы, экономическую власть над народом ("Народная воля", 1879). Отец простоял на коленях всю службу. Молился, вручая свою судьбу Господу (М.Распутина). Вручаю твоему опыту и бдительному оку молодую, но уже не лишённую хорошего опыта особу Грачика (Н.Шпанов).
СИН: *вверять, доверять; АНА: передавать; завещать.*

[АСРЯ 2014]

Использование информанткой СМ конструкции «вручать свою судьбу Москве» полностью соотносится с описанным в словаре книжным (!) применением конструкции «А1 вручает А2 некому А3», где Москва занимает место «человека или высшей силы А3» по словарной формулировке. Важно обратить внимание на приведенную в самом начале статьи цитату из письма Татьяны Онегину — присутствие конструкции в пушкинском тексте, причем в том, который поколения советских и постсоветских школьников учили наизусть⁷, дает ей практически неограниченные возможности для распространения и наделяет мощнейшим ореолом «литературности»⁸.

Следующий пример сочетает в себе и интра-, и экстралингвистические признаки «литературности». Помимо клишированной лексики в нем есть поэтическая анафора (выделена подчеркиванием), а также переход на другой, более высокий речевой регистр. При озвучивании этого текста информант менял тембр речи в сторону темных обертонов, которые, видимо, должны звучать

⁷ Письмо Татьяны Онегину СМ действительно учила в школе (собиратель специально уточнил этот вопрос во время написания параграфа). Кроме того, информант признаётся, в том, что «*это одно из немногих стихов, которые я помню наизусть*».

⁸ О Пушкине как об одном из ключевых элементов идеи «литературности» см. [Неклюдов 2001; Саморуков 2006; Князева 2014]

загадочно, а также насыщал речь многозначительными сознательными паузами. При анализе звукового файла наблюдается плавный тональный переход между синтагмами, а интонационный контур строится как идущая сверху вниз диагональ — голос словно растворяется к концу фразы⁹. Обратим внимание на лексику — она, как и в предыдущем фрагменте, отличается от повседневной. Причем показательно, что переход к словам «высокого штиля» осуществляется одновременно с переходом в принципе к произнесению слов в полной форме, т.е. перед нами системное речевое явление. Важно отметить, что момент перехода совпадает со сменой темы и началом рассказа о городе — сначала ИГ говорит практически на сленге («Зуб есть?», «*щас сопряжемся*»), а потом начинает использовать выражения, которые чаще можно встретить в художественной литературе: *место, где живет тишина; тонкая грань между городом и не городом*.

[Речь идет о сборнике стихов андеграундной поэтессы] [ИГ.:] *Могу совершить акт кражи авторских прав и отправить его тебе, хочешь?* [Соб.: Хочешь!] *Зуб есть?* [Соб.: Э...] *Синий который.* [Соб.: Кто-кто?] *Синий зуб есть? Ну, блютуз¹⁰. У меня есть.* [Соб.: А... Есть.] *Э... поищи меня. Я называюсь Леново Ко семьсот восемьдесят, щас сопряжемся... Щас, я его... еще не взял... А ты вообще те... с Тенью сталкивалась раньше? С которой... Тень, которая Давыдова? Ну посмотри. Во.* [ИГ пересылает файл собирателю.] [...]. [Соб.: А можешь Симферополь, описать? Таким, какой он казался тебе.] *Симферополь — это, не... опять же, маленький городок, со своими, своими хара... со своими характерными особенностями... своими характерными особенностями. Это именно тот маленький городок, у которого уже есть свое лицо, своя история, потому что — ... ну, тоже, когда по общим рассказам... в ряде случаев... Он похож на... субъективно, он похож для меня на большого зверя. Теплового и пушистого. Чем-то похожего на кота, но не кота, а кого-то более фантастического. Который свернулся и спит. То есть можно услышать его урчание. Иногда. [...] Его нужно было слушать. Так как в местах, когда тихо, есть чувство, когда, знаешь, когда **тонкая-тонкая грань между городом и не городом**, его можно было услышать. Например, в нем были места, в которых без повода страшно. Были места, в которых без повода грустно. Это чувствовалось в тех*

⁹ Методы анализа смены речевых регистров взяты из учебника Черемисиной-Еникополовой [1999] и из работы Дугласа Байбера [2012], опирающегося на программную работу Фергюссона о диглоссии [2012]

¹⁰ Bluetooth (от слов англ. blue — синий и tooth — зуб) — устройство для беспроводной передачи файлов между электронными носителями (в т.ч. телефонами).

местах, в которых передается настроение города... [...]. [Есть] легенда о башне. Башня, которая возле психиатрической больницы. [...] [Соб.: Это ты от кого слышал?] [ИГ усмехается.] А... это был безымянный... мне везет на **безымянных безумцев**, которые подходят ко мне и начинают рассказывать истории. Это была одна из них. [...] И... разделение между диким, диким парком, который особенно **ночью теряется во тьме** и становится чем-то странным — и местом... и освещенным шумом дороги. И еще есть **место, где живет тишина** — это место возле моста... мост возле автовокзала [...]. Особенно под этим мостом... Ну... жила тишина. Пугающая... пугающая тишина, которая чувствовалась всегда. Особенно, опять же, как обычно, ближе к сумеркам, ближе к вечеру, чувствовалось, что **это место, оно окружено тишиной**, а вокруг нее продолжает жить и шуметь город [...]. Оганер — он еще... почему он не **мертвый город, а именно город-призрак**, потому что в нем еще чувствуется что-то, он обижен. Он обижен и расстроен. Потому что когда он давал приют, давал жизнь, когда к нему... Когда он принимал самолеты, когда прилетали люди, когда он был перевалочным пунктом — он был всегда был рад, с него начался Норильск, с него начинались товары. А сейчас — он маленький, брошенный, и... и забытый. Потихоньку умирающий. Он обижен за то, что все его бросили умирать. Он очень расстроен и очень обижен, но он ничего не может сделать с этим. [Соб.: А из чего это можно понять?] Из чего это можно понять? А... По том, как... по тому, как шумит ветер, как шумит, как, как он завывает, по тому, как по домам плавно идут трещины, как дома — они не рас[ыпаю]тся, они стоят, и потихоньку бетон трескается, трескается, трескается, **змеящиеся трещины** поверхности дома как... машины проезжают, начинают проезжать быстрее, когда едут мимо него, потом как... видят, как маленькие снежные смерчи в нем зимой... потом, как он трещит летом... слышен шум, и потрескивание, и шорох, как... который воспринимается как голос города, как... ворчание обиженного ребенка. Потому что Оганер — это правда город-ребенок, и по ощущениям он крохотный, и по времени жизни он жил совсем-совсем чуть-чуть, и сейчас он уже не нужен. И... вот оно, лицо Оганера, как лицо брошенного ребенка. Вот. Очень четко выраженное ощущение у Санкт-Петербурга. Это... как город — **огромный Левиафан. Исполн.** Нечто, как животное, как прекрасное животное, выбравшееся... даже нет, даже несколько компонентов. **Это город — каменный цветок. Который вырос, а в центре вокруг него обвился некий такой, некий огромный исполин, обвился и уснул.** [...] Вот, примерно таким мне видится Санкт-Петербург. [ИГ]

В этом фрагменте текста жирным шрифтом вновь выделены литературно-зависимые выражения — вероятно, их можно найти еще больше, но некоторые являются совершенно очевидным «литературизмом» и не могут не обращать на

себя внимание. Человека, рассказавшего ИГ городскую легенду, тот называет *безумным безумцем*, а не психом или сумасшедшим. Обращение к национальному корпусу русского языка и частотному словарю, основанному на нем, показывает, что в устном корпусе слово «безумец» не встречается вовсе, в то время как в художественном находится 353 вхождения. Выражения вроде «обвившийся исполин», «каменный цветок», «змеящиеся трещины» рисуют ту же картину: поиск по ним во всех падежных и временных вариантах показывает то же соотношение между разговорной и литературной речью: словосочетания отсутствуют в устном и присутствуют в письменном художественном корпусе. Причем, что тоже показательно, словосочетание «змеящиеся трещины» в устойчивом двусложном виде встречается в современной литературе не самого высокого уровня (детективы Д. Донцовой или региональная патриотическая проза М. Божаткина), в то время как в более сложных комбинациях (при более широком расстоянии между словами — с 2 и 3 промежуточными лексемами) бытует в литературе XIX в. То есть, видимо, словосочетание, когда-то обладавшее определенной семантической валентностью и емкостью, сейчас стремится к превращению в клише и перемещается в пространство массовой литературы — и наивных представлений о литературе.

Выражение «город-призрак» тоже является несомненным клише, распространяемым по большей части в развлекательных и мистически ориентированных ресурсах. Для краткого подтверждения своих слов приведу скриншот первых десяти ответов поискового ресурса google.com по запросу «город призрак».

МЁРТВЫЕ ГОРОДА / ГОРОДА-ПРИЗРАКИ (Список городов стр.№1)
[goroda-prizraki.narod.ru/goroda.html](#) ▶ Перекласти цю сторінку
Такое сообщение услышали жители города Припять 27 апреля 1986 года. Сейчас это город-призрак с населением 0 человек, но с возможностью ...
Кадыкчан – Детройт – Хальмер-Ю – Старая Губаха

Покинутые населённые пункты — Википедия
[https://ru.wikipedia.org/.../Покинутые_населённые_пункт...](#) ▶ Перекласти цю сторінку
Покинутые города, города-призраки (англ. ghost towns) — категория географических объектов, бывших населённых пунктов, покинутых жителями по ...
Киджондон – Киламба – Сесенья

Планета мертвых зон. 25 самых известных городов-призраков ...
[neobuchno.com/.../planeta-mertryx-zon-25-samyx-izvestny...](#) ▶ Перекласти цю сторінку
6 січ. 2010 р. - Причины, по которым многотысячные поселения превращаются в города-призраки, бывают разными. Но судьбы жителей очень похожи ...

Город-призрак в Подмосковье
[mosregtoday.ru/neizvedannoje.../gorod-prizrak/](#) ▶ Перекласти цю сторінку
26 бер. 2016 р. - Наш Подмосковный город-призрак имеет интересное ... Еще с дороги, ведущей в город, первое что бросается вам в глаза - огромный ...

Топ-10 «городов-призраков» России | РИА ФедералПресс
[fedpress.ru/.../1401433987-top-10-gorodov-prizrakov-rossi...](#) ▶ Перекласти цю сторінку
30 трав. 2014 р. - На карте современной России остается множество таких городов-призраков, особенно на Дальнем Востоке и на Крайнем Севере.

Город-призрак на Курилах: Жизнь военного городка на острове ...
[https://meduza.io/galleries/2016/01/19/gorod-prizrak-na-kurilah](#) ▶
19 січ. 2016 р. - Военный городок Горное в заливе Касатка на Курильских островах был построен в начале 1980-х годов и заселен семьями ...

ОРБИТА - ГОРОД ПРИЗРАК - YouTube
[https://www.youtube.com/watch?v=fJ07q-HMULk](#) ▶
10 жовт. 2013 р. - Автор видео Tomasz Gawel
Несуществующий город спутник , продукт советских космических амбиций и фантастических планов военного масштаба.

ТОП 10 Городов-призраков - YouTube
[https://www.youtube.com/watch?v=XzKET4D1sf0](#) ▶
29 трав. 2013 р. - Автор видео НОТОР10
10 наиболее крупных и известных городов-призраков, в разное время и по разным причинам покинутых жителями.

Затерянные города-призраки США Фото| Достопримечательности ...
[russianusa.tarima.org/ghost-towns-lost-usa.html](#) ▶ Перекласти цю сторінку

Рис. 8. Первые десять вхождений по запросу «город-призрак» в русскоязычном кластере Google.com.

Мы рассмотрели тексты, находящиеся на правом полюсе шкалы стилистической изменчивости жанра. Вспомним схему:

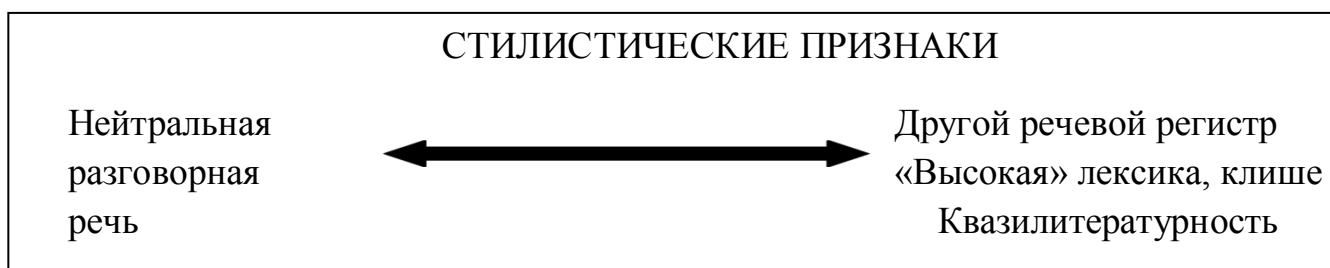

Рис. 9. Шкала стилистической вариативности жанра

С левой стороны находятся высказывания, выраженные в нейтральной разговорной речи. Например:

Я бежал по метро и просил у Москвы, чтобы я уехал. Во-первых, силы прибавлялись, чтоб бежать. Уверенность была, что... я успею. [Соб.: Лично просил, обращался?] Да. Я думал про... потраченные усилия, про то, что если я не успею, то будет плохо, скаж так, словом — жопа. Притом что я представил, что регистрация закончится, и мне придется плохо, ну, все вопросы решать, эт самое. На самолет, нет, не, не опоздал, но пришлось бы очень нервно, ваще. Я думал про машиниста, чтоб его задержало, или чтобы ждали, что все люди сядут — ну, ма-аленькая... Задержка. Ну и да, я просил, просил. В любом случае это работает, видно... Я думаю, что нельзя слишком часто просить, а то не сработает. [Ты именно у города просил?] Ну... да... Это ведь я из нее, из Москвы пытался. Ну, я просил, чтобы меня отпустили. [СД]

Обратим внимание и на нецензурную и в целом сниженную лексику, и на оборванные предложения, слова-паразиты, предложения с опущенными словами: «из Москвы пытался» [уехать, улететь]. В противовес предыдущим информантам, для СД неважен его речевой продукт как автономное текстовое образование — значение для него имеет, видимо, только содержательная сторона.

Таким образом, стилистическая вариативность жанра располагается между нейтральной разговорной речью и квазилитературным текстом, насыщенным «высокой» лексикой и подаваемым с особым вниманием к его произнесению (переход на другой речевой регистр, игра с интонациями и т.д.). Образцами для подобной озвучки, вероятно, могли послужить литературные или кинематографические примеры изложения сакрального знания и рассказывания таинственных историй. В этом случае, очевидно, фантастическое содержание рассказа подкрепляется характером его воспроизведения.

Рассмотрим теперь второй формальный параметр жанра — синтаксический.

2.2.2. Формальные признаки. Синтаксис.

По этому параметру тексты делятся на две группы. Примеры из первой группы содержат в себе описание универсального опыта, выраженного в безличных или неопределенно личных конструкциях. Вторая группа объединяет тексты с определенно-личными конструкциями и описанием индивидуальных практик. Рассмотрим каждую из них подробнее, учитывая, как уже было сказано выше, что синтаксические модели программируют и семантику предложений.

Тексты 1 группы.

*Что я еще могу сказать про Москву... Она... Она достаточно живая. Она взаимодействует с тобой. [Соб.: А как?] Говорит. То есть идешь-идешь, идешь-идешь. Тут Москва резко такая тихо-тихо-тихо, а потом резко начинает шуметь. И ты понимаешь, что она с тобой говорит. И ты перестаешь слушать себя и начинаешь слушать Москву. Н-ну... не знаю, как объяснить. Она действительно очень осязательная. Очень... смешная. А... еще Москва очень клёво замещает тебя. Звучит странно, но... Опять-таки, когда колбасит когда, как-то не очень хорошо — очень **прикольно снять наушники и начать бродить по центру**. В час пик, просто слушая гул, который очень-очень нарастающий, очень-очень сильно похоже на море. В целом Москва — она очень часто похожа на море. Если слушать ее. Но не смотреть [ТИ].*

Вышеприведенный текст содержит довольно типичную констатацию живости города, а также описание практики коммуникации с ним. Однако посмотрим на то, как ТИ это проговаривает. Обращают внимание на себя глаголы, с помощью которых выражается действие собеседника Москвы. Все они, выделенные в расшифровке подчеркиванием, образуют неопределенно-личные конструкции с обобщенным значением¹¹: «ты идешь», «ты перестаешь слушать себя». С одной стороны, ТИ описывает свой опыт, с другой — экстраполирует его на слушателя, подразумевая универсальность описанной ею стратегии контакта с городом.

¹¹ При выделении определенно-личных, неопределенно-личных и безличных конструкций в своей выборке я обращалась к монографии Осиповой Э.Н. [Осипова 2009], особенно к главам III раздела, а также к консультационной помощи коллег-социолингвистов: А.А. Сомина, сотрудника Института лингвистики РГГУ, и А.А. Поляя, учащегося этого же института.

Интересна также безличная конструкция «прикольно снять наушники и начать бродить по центру» — это описание практики в чистом виде, инфинитив, спрятанное в потоке речи поверье. Причем перед нами инфинитив от итеративного глагола, подразумевающего повторяемость и потенциальную многократность действий, — т.е. их универсальный характер и эффективность в любой момент, в который, как говорит ТИ, человека начинает «колбасить» и когда ему «не очень хорошо». Кого именно «колбасит» и кому «не очень хорошо», информант не уточняет — но для подобной конструкции это и не нужно, перед нами мифологическая закономерность, в теории работающая у всех. Впрочем, возможно, границы ее действенности совпадают с границами мыслимой информантом группы «своих» (см. первый раздел, посвященный методике сбора и параграф 4.6. об информантах как об эмоциональном сообществе), и в таком случае универсальность практики ограничена группой, разделяющей мировоззрение респондента.

Рассмотрим тем временем другой фрагмент, уже фигурировавший в тексте ранее. В нем можно увидеть те же синтаксические характеристики, что и в тексте ТИ:

*Его нужно было слушать. Так как в местах, когда тихо, есть чувство, когда, знаешь, когда тонкая-тонкая грань между городом и не городом, его можно было услышать. Например, в нем были места, **в которых без повода страшно**. Были места, **в которых без повода грустно**. Это чувствовалось в тех местах, в которых передается настроение города. [...] Например, легенда о... ее еще Кнопа любит, это... э... Кнопа занялась поиском городских легенд по Симферополью... тоже из... Легенда о башне. Не слышала, которая?.. Башня, которая возле психиатрической больницы. Обращала на нее когда-нибудь внимание?[ИГ]*

Обратим внимание на количество безличных конструкций. «Его [Симферополь] нужно было слушать» — инфинитивное построение в прошедшем времени, универсальное в своей действенности для всех потенциальных слушателей. Кому нужно было слушать, не уточняется, т.е. подразумевается, что мог услышать любой, у кого было на это желание. То же самое мы можем сказать о

местах, в которых страшно и грустно — кому? Субъект действия в этих конструкциях исчезает, расширяясь до всеохватности. Грустно — каждому, страшно — всем.

Интересно, что уже известный нам ИГ после введения в текст универсального субъекта окончательно лишает повествование индивидуального режима взаимодействия со средой, обращаясь к коллективному опыту освоения города — к легендам. Эта апелляция к общему знанию, к разделяемому опыту горожан неслучайна. Все тексты 1 группы на синтаксическом уровне проводят идею универсального способа взаимодействия с городом, одинакового для всех потенциальных контактеров. Вернемся к схеме:

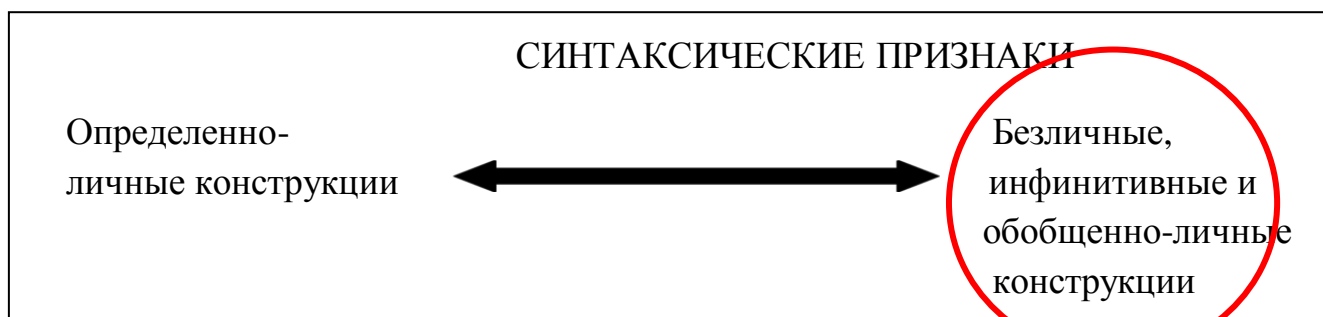

Рис. 10. Тексты первого типа на шкале синтаксической вариативности жанра

Несмотря на то, что тексты правого полюса порождены яркими личностями и сохраняют авторскую специфику, предлагаемые в них практики освоения города и стратегии считывания его одушевленности универсальны и не подразумевают индивидуального мистического опыта. Семантика, проистекающая из описанных синтаксических особенностей, отражена на схеме ниже:

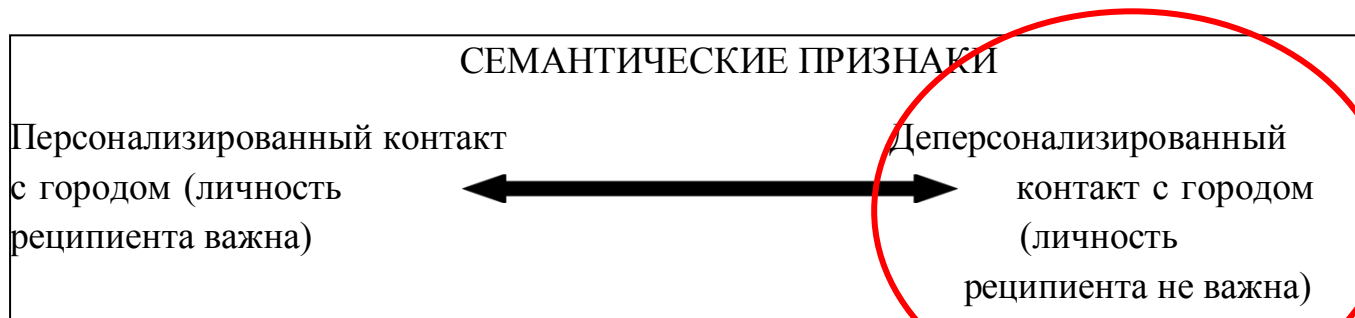

Рис. 11. Тексты первого типа на шкале семантической вариативности жанра, проистекающей из синтаксических признаков.

Тексты 2 группы.

В то же время, в противовес рассмотренным текстам, в выборке содержатся рассказы, построенные с помощью определенно-личных синтаксических конструкций, эксплицирующие в связи с этим совершенно конкретную, индивидуально окрашенную стратегию взаимодействия с городом. Например:

Приперлись на ж/д вокзал, и я в очередной раз думала о том, что "господи, Краков, как же я тебя люблю, услышь меня, пожалуйста, я тебя очень люблю", и в ответ мне донеслось э-э-э... совершенно внезапно, на вокзале почему-то какая-то такая джазовая песня годов двадцатых, где мужчина и женщина пели. И я п... я п... совершенно четко поняла для себя, что это вот было мне. Что это тоже в ответ, и что меня услышали, это было очень круто. Вот. Ну... и такое, на самом деле, часто бывает. [НТ]

Посмотрим на глаголы. Все они даны в определенно-личной форме, за исключением фразы «такое, на самом деле, часто бывает», обобщающей изложенный опыт. Более того, часть глаголов дана в совершенном виде, что ярко контрастирует с итеративной и безличной формой прошлого типа. Очевидно, что опыт, изложенный здесь, имеет четкую локализацию, конкретное время происхождения, и, наконец, необходимо признать, что речь идет об исключительно персональном образе коммуникации с городом. В предыдущих текстах были описаны практики контакта с Симферополем/Москвой — и это действительно были **практики**, т.е. алгоритмы действий, при выполнении которых, по логике информантов, каждый мог получить мифологическую информацию о городе (о его настроении, состоянии и т.д.). В последнем же тексте об универсальной практике говорить не приходится, т.к. контакт, описанный в нем, является узко персональным опытом: «я поняла, что это вот было мне». Город в тексте НТ слышит ее посыл и отвечает встречным, индивидуально ориентированным, сообщением. Таким образом, мистический

опыт оказывается вписанным в персонализированный контекст и не экстраполируемым на других людей.

Разница подобных подходов к контакту не является особенностью субъективации исключительно города. Разделение способов коммуникации со сверхъестественной силой на личностные и безличные достаточно разработано в работах по психологии религии. Шкала Р. Яворского [Яворский 2012], разработанная для оценки религиозности личности, подразумевает как раз два варианта восприятия иррациональной (в его случае божественной) силы: **персональный**, подразумевающий личный контакт с богом и его участие в судьбе человека, способность посылать знаки именно ему — и вариант **безличный**, конструирующий бога как силу, не мыслимую в категориях контакта между «я» и «ты», не переходящую к личной коммуникации и являющую себя через маркеры, универсально считываемые всеми членами религиозной общины.

Конечно, четкая параллель между городом в рефлексии моих информантов и христианским богом (большая часть европейских и отечественных работ по психологии религии построена, естественно, на материале католицизма или православия) была бы слишком грубой, однако показательна сама возможность выявления одних и тех же механизмов конструирования контакта со сверхъестественным на таком разном материале.

Рассмотрим еще один пример, наглядно иллюстрирующий конструкцию текстов 2 группы:

*Снова к Москве. Я когда только **приехал**, оценил, сколько стоит проезд, и **попросил** мысленно город помочь с этим. О просьбе тут же **забыл**, скорее было шуткой. Я люблю такие шутки, я люблю говорить с неодушевленными предметами. Вечером, по пути домой, я **нашел** карточку проезда. Утром я ее **проверил**: пятьдесят четыре поездки, вы понимаете, пятьдесят четыре. На месяц. Я их даже не **потратил** все за неделю, а карточку потом долго как талисман носил в кошельке [ND].*

Выделенные жирным шрифтом определенно-личные глаголы совершенного вида безапелляционно помещают повествование в конкретный хронотоп и персонифицируют опыт информанта.

Таким образом, тексты второй группы построены по логике «Город X **со мной** взаимодействовал **в определенный момент** через Y» (в отличие от модели первого типа текстов: «Город X может взаимодействовать через Y»).

Разделение текстов о городе на два типа повествования об одном круге семантических ядер напоминает разные способы подачи информации в случае с поверьем и быличкой. Вот как об этом пишет Е.Е. Левкиевская в уже цитированной в данной работе статье «Быличка как речевой жанр» [Левкиевская 2008]: «Для былички же важно, что это — рассказ о личной форме познания “иномирного”, индивидуально переживаемом опыте такого контакта (даже если это не собственный, а чей-то чужой опыт, пересказанный со слов очевидца), репрезентирующем частную семантическую модель познания, в отличие от поверья, которое представляет собой суммируемый коллективный опыт, общественное знание о мифологическом явлении, опирающееся на общую семантическую модель. В основе былички всегда лежит личностное “Я”, которое познает, оценивает и интерпретирует происходящие с ним события (в том числе и столкновения с иномирным)». Весь процитированный текст можно легко использовать для описания двух типов рассказа о городе: обобщающего и личностно-ориентированного.

Кроме того, второй тип текстов очень напоминает рассказ о встрече с демоном (по структуре, выделенной М.Л. Лурье и И.А. Разумовой):

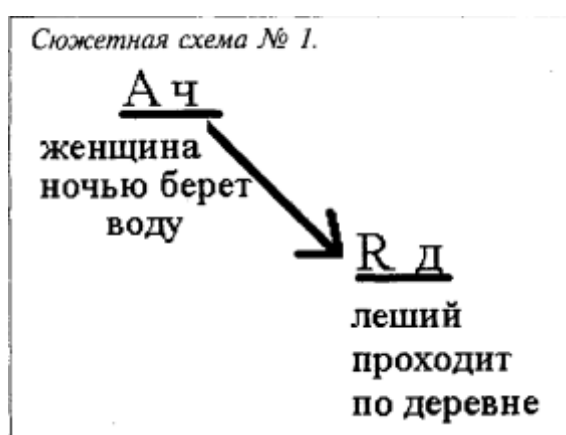

Рис. 12. Схема сюжетного ядра рассказа о встрече с демоном [Лурье, Разумова 2002]

По концепции этих исследователей, рассказ о взаимодействии с демоном (кем бы он ни был — чертом, лешим, домовым и проч.) строится по простой модели: действие человека провоцирует реакцию демона лично на него. В случае с нашими текстами второго типа их основным ядром тоже оказывается определенный «поступок» города, акт явления его личной воли, спровоцированный запросом человека:

- я в очередной раз думала о том, что "господи, Краков, как же я тебя люблю, услышь меня, пожалуйста, я тебя очень люблю", и в ответ мне донеслось...

*- оценил, сколько стоит проезд, и **попросил** мысленно город помочь с этим. [...] Вечером, по пути домой, я **нашел** карточку проезда.*

Таким образом, нарративная схема, лежащая в основе рассмотренных примеров, может быть представлена следующим образом (что полностью соответствует модели Лурье и Разумовой):

Действие человека (просьба, признание, вопрос)	→	ответное действие города
---	----------	---------------------------------

Кроме того, сюжетную коллизию может инициировать поступок города, на первый взгляд ничем не спровоцированный. Рассмотрим два примера:

1. *У меня очень сложно складываются отношения с Москвой. То есть, все мероприятия, которые проходят в Москве, они всегда вот... проваливаются. Ну, то есть вот вся моя судьба, начиная с семнадцати лет, то есть я... в общем... ну я была уверена, что я могу поступить, что в общем, мне может хватить... вот... [Соб.: Так ты поступала в Москву?] Я поступала в МГУ, вот. Но... я не поступила, причем там... ну, я очень странно не поступила. То есть я все экзамены сдала за восемьдесят, у меня было сто баллов за сочинение и... ну какие-то у меня были очень большие баллы, и там буквально была пара... ну то есть совсем-совсем чуть-чуть не дотягивала. Вот, я была уверена, что поступлю. А потом я не поступила в РГГУ еще [...]. Ну вот. В общем как-то вот так случается, что все, что с Москвой... оно как-то вот. Не складывается. Я просто уже перестала думать, что это все зависит от меня, и я думаю, что это зависит от чего-то... свыше. Ну и много еще всяких личных историй. [...] Этот город, он вызывает у меня какое-то... напряжение. [...] Ну просто вот, когда я еду туда, я чувствую что это будет*

эпик фейл. [Соб.: А Питер ты осмысляешь как эмоциональный такой текст?] Питер... Нет, Питер — это город, куда я приезжаю, и вот... ну вот, несмотря на там... все... ну, то есть много всяких, как бы... он вроде как тебе сопротивляется. То есть всем он сопротивляется, но вот мне он совсем не сопротивляется. Это вот ну как раз город, где я... у меня страшный топографический кретинизм, в Петербурге я им совершенно... ну как-то вот... Он сам меня выводит! Ну как-то вот, честно, это не мифология, но это вот, это вот так [АК].

2. Это я просто для контраста рассказываю, чтобы было нагляднее, что такое для меня Берлин. С первой же минуты — в июне — острейшее ощущение чужого мне города. привлекательного, восхитительного, многогранного, яркого, живого, веселого. Это такой... огромный радостный зверь, абсолютно неукротимый и непредсказуемый, он скачет вокруг меня гигантскими скачками и говорит: ну давай, давай, давай бегать и играть, давай я тебе покажу ещё вот это, а давай я тебя сейчас заведу-у вон туда-а!.. Например, какие-то дикие искажения пространства и времени. в карте вижу одно, в реальности — другое. [...] Или вот, например, в первый вечер поехала встречаться с Аней и Ильей и потерялась на станции Фридрихштрассе. бегала вниз-вверх; чувство такое, будто указатели вроде и есть, но я не могу понять! Звонила Денису и орала в трубку про неестественное метро. И вот, ровно после того, как прооралась и посмеялась, нужный переход нашелся, причем, было непонятно, как я его не видела все это время. И так почти всякий раз, стоит мне остаться с городом наедине [ON].

В этих текстах со стороны человека нет никакого запроса или сообщения. Город реагирует на него как бы немотивированно — причем информанты сами удивляются (в тексте №1 скорее неприятно, во втором — положительно) необоснованности этой реакции.

Таким образом, можно сказать, что действием человека, побуждающим мифологический персонаж (город) к действию, оказывается сам факт нахождения в нем.

Присутствие конкретного человека, его действие

→ получение личного сообщения от города

То есть город в данном случае выступает как субъект, наделенный личной волей и реагирующий на конкретный триггер.

Вернемся теперь к текстам первого типа. Как было сказано выше, контакт, описанный в них, характеризуется как универсальная практика, а город, хоть и позиционируется как живое существо, не переходит к персональной коммуникации с каждым конкретным человеком, являя себя через знаки, универсально считываемые всеми контактерами. То есть, по логике текстов первой группы, город обладает в каждый момент единым настроением и состоянием, которые может считать каждый.

Таким образом, в текстах первой группы (конструирующей универсальный контакт) информанты представляют себе город как личность, которую ты слушаешь, но которая не обращается к тебе лично и, соответственно, не считывает твой ответ (как радио). Тексты второй группы рисуют город как личность, с которой ты говоришь, т.е. находишься в полноценном двустороннем контакте.

2.3. Жанр мифологического рассказа о городе: выводы

Обобщая вышеизложенное, можно сделать вывод, что тексты первого типа, выделяемого по синтаксическим особенностям и их семантике а) являются экспликацией знания, позиционирующегося как обобщенное и универсальное; б) могут быть сопоставлены с поверьями и абстрактными описаниями магических практик; в) строятся по следующей схеме: Бывает... Если сделать так-то и так-то... г) т.к. эта синтаксическая конструкция подразумевает универсальный опыт контакта, то личность человека никак не влияет на сообщение от города или о городе, которое теоретически может получить каждый, кто исполнит определенный алгоритм действий.

В то время как тексты второй группы а) являются текстами об индивидуально переживаемом контакте с городом; б) их близким аналогом

могут быть названы былички; в) их структура может быть представлена в виде следующей простой схемы: У меня однажды было... г) т.к. эта синтаксическая конструкция подразумевает индивидуальный опыт контакта, то личность или запрос человека влияет на персональное сообщение, адресованное ему городом.

Визуализируя полученные данные с учетом содержательного и стилистического параметров, жанр мифологического рассказа можно представить в виде следующей схемы. Рассказ о живом городе изображен на ней в виде автономного образования, выделяющегося из общего континуума речи людей благодаря содержательным маркерам (мотивам), ограничивающим круглую (на схеме) ячейку жанра. А его внутренняя вариативность зависит от двух параметров, которые можно визуализировать как оси ОХ и ОУ — где ось ОХ отражает стилистические особенности (лексику, манеру воспроизведения, речевой регистр), а ось ОУ — синтаксические и вытекающие из них семантические характеристики текстов (личный или обобщенный характер контакта).

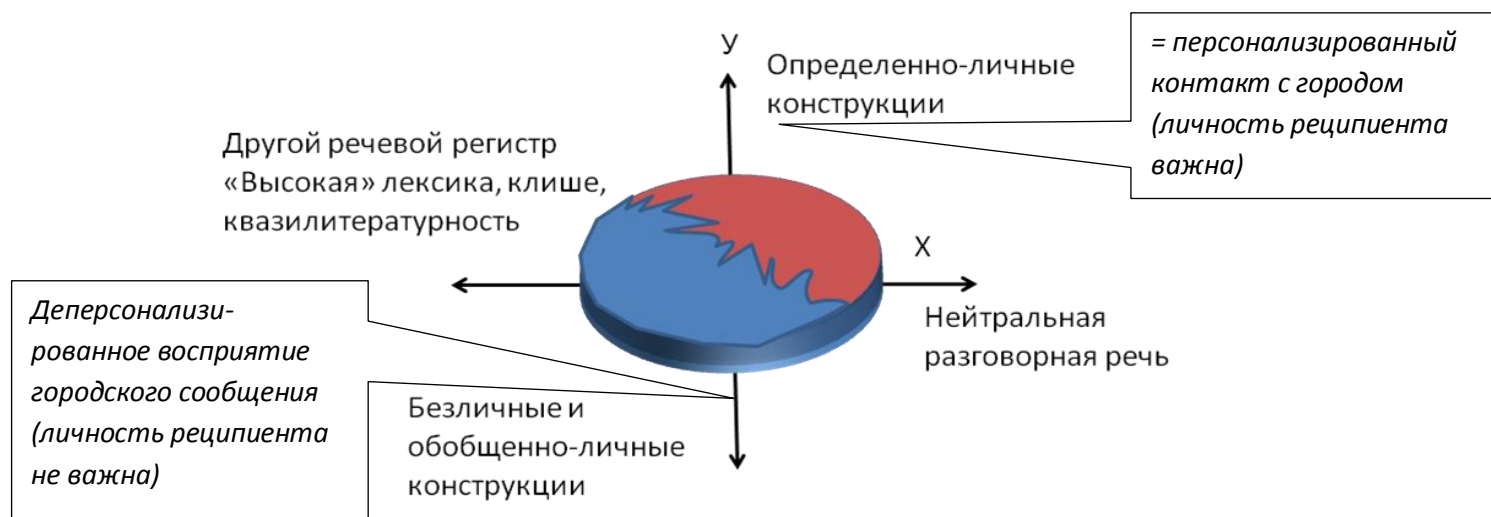

Рис. 13. Схема жанра мифологического рассказа о городе.

На схеме отображена также одна особенность текстов, требующая, однако, уточнения на большем объеме материала. На данный момент анализ выборки показывает, что истории, описывающие индивидуализированный опыт коммуникации с городом, чаще организуются как спонтанный, разговорный текст, в то время как «обобщенные» рассказы чаще излагаются с переходом на другой речевой регистр. Данная корреляция отмечена разными цветами (синим и красным полюсами).

ГОРОД КАК ОБОБЩЕНИЕ

Мы установили, что ядро рассказа составляет информация о поведении города как живого существа: человек описывает получение сигнала о его состоянии, настроении, удовольствии или неудовольствии и т.д. Посмотрим теперь, в какие рамочные конструкции это ядро может быть встроено. Например, главная составляющая текста (обоих типов) часто предваряется «зачином», заключающемся в обобщенном определении города:

Санкт-Петербург — огромный Левиафан. Исполн. Нечто, как животное, как прекрасное животное.

Новгород — ... живой, да. [...] Он сохраняет некие свои черты, [...]какая-то какое-то отношение, вот, какая-то порядочность, да, некое вот, отношение к слову, да, и к договору, что-то вот такое вот, не европейское.

Информанты словно дают дефиницию городу, метафорически его отождествляют с чем либо, и эта конструкция выглядит как «Город X = нечто Y» или «Город X — как нечто Y». Это важный элемент текста, содержащий в себе тот логический ход, который необходим для перехода к описанию мистического опыта контакта. Суть этого хода — в обобщении. Чтобы представить многофакторный, многообразный город как одушевленный субъект действия, его необходимо привести к одному знаменателю.

Отметим, что фактически город является принципиально неоднородным, избыточно сложным, полифоническим явлением, состоящим из несчетного количества объектов и их интерпретаций. Он непостоянен ни во времени, ни в пространстве, это огромная сумма сред, квантовый конгломерат, скрывающийся под единым термином. Однако человек, попадая в него и получая обилие разнородных впечатлений от массы объектов, неизбежно производит операцию обобщения — вычлняя ключевые для себя события и ощущения, конструируя причинно-следственные связи (как в собственном событийном потоке, так и в

видящейся ему общегородской реальности) и наделяя выделенные структуры статусом конституирующих признаков города. Так город оформляется в однородное явление, конденсируется в единый образ.

В интервью часто встречается развернутая рефлексия над «определяющими» чертами города (обычно определяют они не более чем личный опыт конкретного визитера, в т.ч. впечатления от ключевых туристических мест), предваряющая текст о собственно коммуникации с пространством:

Ммм... вот, выразительный город — Винница. Винница — это город... город-прямоугольник, город, построенный вокруг прямоугольника и фанатеющий от прямоугольничков. Он... по ощущениям он небольшой, веселый, игривый. И там везде прямоугольнички. Там действительно, там дома выложены маленькими кирпичами, вокруг кирпичей нарисованы прямоугольные круги¹², мостовая выложена прямоугольной плиткой, есть... то есть доминирующая форма — это прямоугольнички, да здравствуют прямоугольнички. То есть Винница — это город, который... который живет и любит прямоугольнички. С простым спокойным характером. Живущим. Николаев. Николаев — тихий, ск... тихий, скромный, прячущийся в тени деревьев. Он такой: иногда выглядывает, иногда поглядывает на тебя, но сам по себе он... тихий. Прячущийся. [Соб.: А как, почему это чувствуется?] Эм... [Соб.: Из чего ты складываешь этот вывод?] Из чего? [Соб.: Да.] Из чего складывается этот вывод... Стоишь... Опять же, нужно стоять, есть какое-то место, которое является центром... визуальным центром города. В нем очень четко чувствуется ощущение, нужно постоять, послушать. Послушать проезжающий шум машин, лейтмотив города, разговоры людей, темп движений, темп жизни. [...] Плюс, нужно идти от центра куда-то к периферии. И смотреть, [...] на каком этапе заканчивается его попытка казаться лучше, чем он есть, когда он начинает быть тем, кем он есть на самом деле. Знаешь, когда именно пропадает такая картина разукрашенной плитки, и начинаются разломы, потрескавшиеся дома. [...] Вот. И так вот можно почувствовать само ощущение. Ну опять же, слышать, слушать на разных местах, в разное время, слушать, как он живет. Какие истории о нем рассказывают люди. Всё это складывается в какой-то портрет города, какой-то образ [ИГ].

¹² Видимо, информант имел в виду «прямоугольные контуры».

Этот текст — продолжение рассмотренного выше рассказа ИГ об одушевленном Симферополе и обиженном Оганере. Его рефлексия, конечно, относится к первому типу текстов, не содержащему идеи двустороннего контакта между городом и человеком, когда сообщения первого воспринимаются как безадресные.

Пассаж про «прямоугольнички» является замечательным примером вычленения из ткани города какой-либо одной черты, дальнейшего выискивания ее во всех своих городских впечатлениях (с обязательным обнаружением — сложно не найти город с прямоугольными кирпичами и плиткой) и представления ее в качестве главной характеристики города. После этого ИГ безо всякого перехода начинает говорить о Николаеве — и здесь с «характеризующими признаками» уже сложнее. В этот раз его рефлексия строится на эмоциональных суждениях, в рассказе подаваемых без освещения той событийной базы, которая их породила. Вопрос собирателя о них, как видно из расшифровки, сначала ставит информанта в тупик — а затем он начинает отвечать на другой вопрос, подменяя ожидавшийся рассказ о конкретных николаевских впечатлениях инструкцией по считыванию «духа» города.

Текстом, типологически близким предыдущему, является описание городов, данное другой информанткой, ТИ. Ее рефлексия над обобщенными образами Будапешта, Вены и Москвы тоже обрамляет фрагмент, содержащий собственно мифологическую информацию (мы уже рассмотрели его отдельно на стр. 52):

Будапешт — это город трамваев, там совершенно бессмысленно пользоваться метро, поэтому ты пользуешься исключительно трамваями. Причем там есть прекрасный кольцевой трамвай, который ходит по Будапешту кольцами круглосуточно... Вот. Это чудесно. Вот. Ещё... ещё есть очень - вот, опять-таки, в тему оцущенческих - есть Вена. Ек младшая сестра Будапешт. И есть Москва — и младшая сестра Киев. Очень сопоставимо, потому что, что Вена, что Москва — они такие плоские, эклектичные, такие все богатые и так далее, вот, и, собственно,

Будапешт, который вся такая... весь такой гористый. Вот. И Киев, который тоже весь такой гористый. Они южнее, и в целом это очень-очень-очень стойкая ассоциация. Причём — чуть-чуть беднее, чуть-чуть спокойнее, чуть-чуть атмосфернее с точки зрения, опять-таки, специфика больших городов. Вот как-то... всякие атмосферные штуки прячут куда-то во внутрь, надо их искать... [Фрагмент о коммуникации с городом, см. стр.52] [Соб.: А расскажи про Вену?] Угу. Вена. Вот. С одной стороны мне хочется сказать, что я люблю этот город, потому что он похож на Москву [смеется]. То есть он действительно совершенно эклектичен, то есть есть такие... три клёвых эклектичных города. Москва, Вена и Берлин. [...] Вена тише Москвы. И действительно белая. То есть, когда солнце светит, она действительно вся вот такая. Там очень-очень много белых памятников, белых домов, белых улиц, она вся вот... какая-то такая. Причём, опять-таки... Москва — она эклектична достаточно агрессивно, да, достаточно агрессивно, а Вена — она как-то... ну, то есть ее эклектика не... не бьет тебя по ребрам. Не знаю, как это еще. Берлинская бьет [ТИ].

Обратим внимание на паремическую модель «X — это город У», где X — название города, а У — существительное во множественном числе в генетиве («Иваново — город невест»). Данная паремия используется для характеристики не только городов, но и более крупных образований: («Россия — страна контрастов»).

Следующий элемент текста ТИ — представление городов в отношениях родства. Это тоже очень распространенная архаическая модель — вспомним хотя бы выражение «Киев — мать городов русских». Кроме того, традиция восприятия городов как родственников зафиксирована на официальном уровне — формулировка «города-побратимы» является административным статусом, присуждаемым населенным пунктам. Но и без этого официозного приема рефлексия над городами в терминах родства невероятно широка. Подробно ее варианты разбираются в статье М.В. Ахметовой «Города как родственники» [Ахметова 2005]. Нас в данном случае интересуют братско-сестринские отношения. Ахметова пишет о логике конструирования этой родственной связи: советский дискурс превращает столицы республик в братьев и сестер Москвы, эта же категория используется для демонстрации преемственности между

старым городом и новым, наконец, что, самое главное, этот прием указывает на общие (исторические, культурные) черты двух населенных пунктов. Хотя литература может проводить родственную связь между городами и без действительных оснований культурной общности, а на базе одной только ассоциации автора:

Москва казалась сестрой Брюгге или Равенны, громадным мавзолеем, и только неожиданные отчаянные гудки автомобиля да лихорадочные огни в окнах штабов или комиссариатов напоминали, что это не развалины, но дикие чащи, что мы не засыпаемые снегом плакальщицы, а сумасшедшие разведчики, ушедшие далеко в необследованную ночь.

[Эренбург 1989 (1921)]

Важно, что сиблинговая связь лишена того объема властных коннотаций, которые присущи родительско-сыновьим и дочерним «отношениям» городов. Хотя указание на старшинство среди братьев или сестер все равно конструирует некоторую иерархию (как можно видеть и из фрагмента интервью с ТИ). При этом связь между городами в рассмотренном отрывке нетипичная — сестрами названы не подобные друг другу города, а занимающие места в своеобразной паре из «эклектичного и плоского большого города с одной стороны — и гористого и маленького с другой». Оба члена пары расположены в одном культурном регионе (австро-венгерском и славянском): *есть Вена. Ее младшая сестра Будапешт. И есть Москва — и младшая сестра Киев*. Кстати, показательно, что города для ТИ — именно сестры, а не братья. Может быть, это связано с экстраполяцией грамматического рода «старшего» города на младший — и Вена, и Москва женского рода, поэтому Будапешт и Киев могут оказываться им сестрами. С другой стороны, мы знаем крайне стойкую архаическую традицию осмысления города через женский образ [Неклюдов 2005; Топоров 1987], о которой подробнее поговорим ниже. Очень интересен фрагмент с описанием характера городской эклектики — так же, как рассуждения ИГ о Николаеве, он лишен конкретного набора данных, из которых делается вывод о разной степени агрессивности городского текста.

Наконец, пассаж о том, что «Вена — белая», и аргументы, приводимые в пользу этого ТИ, напоминают текст о «Виннице-прямоугольнике» (хотя, конечно, построены изящнее).

Завершая спектр примеров, иллюстрирующих логику обобщения города в рамках исследуемых текстов и их рамочных конструкций, рассмотрим последние два фрагмента. Первый из них близок рефлексии ТИ. К сожалению, он получен не в результате устного интервью — это письмо, пришедшее в ответ на вопрос рассказать о любимых городах. Разберем его фрагмент, чтобы убедиться, каких высот абстрактной концептуализации может достигать исследуемое обобщение городского опыта. Интересно, что, несмотря на его разное решение в отдельных текстах, ядерные элементы мифологического рассказа о городе остаются неизменными — информантка НМ, помимо вышеуказанной концептуализации, вводит в текст мотив принятия и непринятия городом человека, а также пишет о способности города влиять на события жизни его посетителя.

Да, любой из городов у меня так или иначе одушевляется, я воспринимаю его через понятия — теплый или холодный, цветовое сочетание, даже понятие — мужской или женский, хотя это если специально анализировать. Например — Киев — теплый, женский город, желто-коричнево-зеленых цветов, не знаю, почему так, это не имеет отношения к окраске самого города, это восприятие его просто. Севастополь очень люблю, с самого первого приезда туда — он звенящий, острый, скорее прохладный, но приятно прохладный, освежающий, белый, бело-синий даже, он надежный как стена, он свой, полностью, там я как дома, не знаю, как по другому объяснить. Он еще сине-вечерний, как сумерки. Тогда он теплый. И он мужской. Феодосия — женский город, зеленый, теплый, принимающий меня, но — в ней у меня вечно случаются какие-то происшествия, то я заболеваю, то еще что-нибудь, так что у меня странное отношение с Феодосией, как будто я с одной стороны полностью растворяюсь в ней, а с другой — она не до конца рада меня видеть [НМ].

Второй текст принадлежит солистке одной из молодых фолк-групп, случайно встреченной мной в неформальной обстановке. Несомненно, что ее текст более литературно ориентирован, чем текст ИГ или ТИ (хотя и в тех

явственно присутствует литературизм, о чем уже было сказано выше, в разделе о стилистике). Однако набор содержательных элементов в этом тексте вполне соответствует перечню, создающему границы жанра.

[ЕГ говорит о том, что сейчас временно находится в Москве. Соб.: Расскажи, и что Москва? Как ты ее воспринимаешь?] *Москва — это женщина тридцати... ближе к сорока даже лет такая... выдавшая виды, терпевшая все и действительно приобретшая некоторую стержовозность, то есть поначалу она была такой хорошей милой девочкой, как все, но потом ее так это все достало, что как бы она говорит — знаете что? Гуляю на все конем. Я не хочу этим заниматься. И вот поэтому она такая. Ну, то есть такая... тощая, ярко покрашенная, стержовозная... ну как бы... вот Новый год сильной независимой женщины¹³. Она завела кота, мне кажется, совсем недавно. Вот... ну это — она, она такая. [Соб.: А был у тебя период притирки?] Это сложный вопрос. Мне кажется, я до сих пор с ней не в ладах. У нее лежат мои вещи... я приезжаю к ней, переодеваюсь в чистое, меняю гитару, если мне нужна другая гитара, еду дальше. То есть я в Москве так и не прижилась, мне кажется. [...] Мне кажется, она со мной смирилась. В какой-то момент она просто подумала... ну, что делать, это как первая седина. Я — ее седина. Она в начале меня закрашивала, а потом плюнула, и вот, и теперь я есть. [Соб.: А как закрашивала?] Например, когда мы приехали в Москву впервые, первое, что я сделала — это потерялась в метро, конечно же. Когда мы приехали второй раз с концертом, у нас на концерте было ровно 5 человек. Ну и так продолжалось какое-то время. Все было ужасно, дорого, страшно, много людей. [...] все это было странно, ну а потом как бы... я привыкла, она привыкла — и мы успокоились [Соб.: А какой-то переломный момент успокоения был?] Нет, это произошло постепенно. Ну, как бы я такая туда-сюда ездила... мне кажется, я просто устала, точнее, она устала от моего мелькания, то есть я такая катаюсь-катаюсь и она такая: «Ну да хрен как бы с тобой» [ЕГ].*

Обратим внимание на реализацию классической модели «город — женщина». Ее исследованию посвящено огромное количество работ, и история этой метафоры уходит корнями, видимо, в древние мифологические представления о феминности занимаемой человеком земли, в матримониальные смыслы аграрных, особенно посевных работ, связывается с материнскими коннотациями плодородной почвы и т.д. [Фрейденберг 1978]. Затем эти смыслы

¹³ «Новый год сильной и независимой женщины» - интернет-мем, состоящей из картинки с множеством котов и названной подписью. Подразумевает, что кроме котов «сильная независимая женщина» никому не нужна.

переносятся на поселение и город. Посмотрев на традицию наименования европейских и ближневосточных городов, можно убедиться в обилии женских названий: например, Рим, Равенна, Афины и т.д. — женские «имена», иногда теряющие свой род при переводе на другие языки [Кондакова 2010 Неклюдов 2005]. Так же обстоят дела и с самим словом «город», которое в латыни, немецком, французском языках обладает женским родом. Самым известным примером этой лингвистической феминности является Иерусалим — и само его название, и слово «город» на иврите тоже относятся к женскому грамматическому роду. Это обстоятельство дает возможность представлять его (ее) в образе девы и противопоставлять блуднице-Вавилону в Откровении Иоанна Богослова (Откр. гл. XVII—XVIII, XXI—XXII), а также называть дочерью Сиона во многих ветхозаветных текстах: «Скажите дочери Сионовой: се, Царь твой грядет к тебе кроткий...» (Мф. 21,5); «Ликуй от радости, дочь Сиона, торжествуй, дочь Иерусалима: сей, Царь твой грядет к тебе.» (Захар. 9, 9), «Скажите дочери Сиона: грядет Спаситель твой...» (Исайя, 62, 11) etc. [Топоров 1987, Schmitt 1991, Jobes 1993]. Много написано о фольклорном восприятии вооруженного взятия города через метафору свадьбы или насильственного овладения женщиной [Бадаланова-Покровская, Плюханова 1989, Путилов 1971, Кравцов 1985, Неклюдов 1998, Возякова 2007]. Это же представление проникает и в литературу, например, "Война и мир" (III, 3, XIX) рисует нам, как Наполеон с Поклонной горы смотрит на Москву и видит в ней распростертую перед ним женщину: «Город, занятый неприятелем, подобен девушке, потерявшей невинность, — думал он [...] И с этой точки зрения он смотрел на лежавшую перед ним, невиданную еще им восточную красавицу" [Толстой 1962 (1869)].

К этому можно добавить только то, что и сегодня женская (и часто сексуальная) репрезентация города продолжает быть актуальной. С.Ю. Неклюдов описывает плакат, приветствующий посетителей Гамбурга, где въезд

в город располагается между ног женщины [Неклюдов 2005]. И, например, эротически окрашенными являются женские образы, в которых художник Алексей Соболевский представляет ветки московского метро:

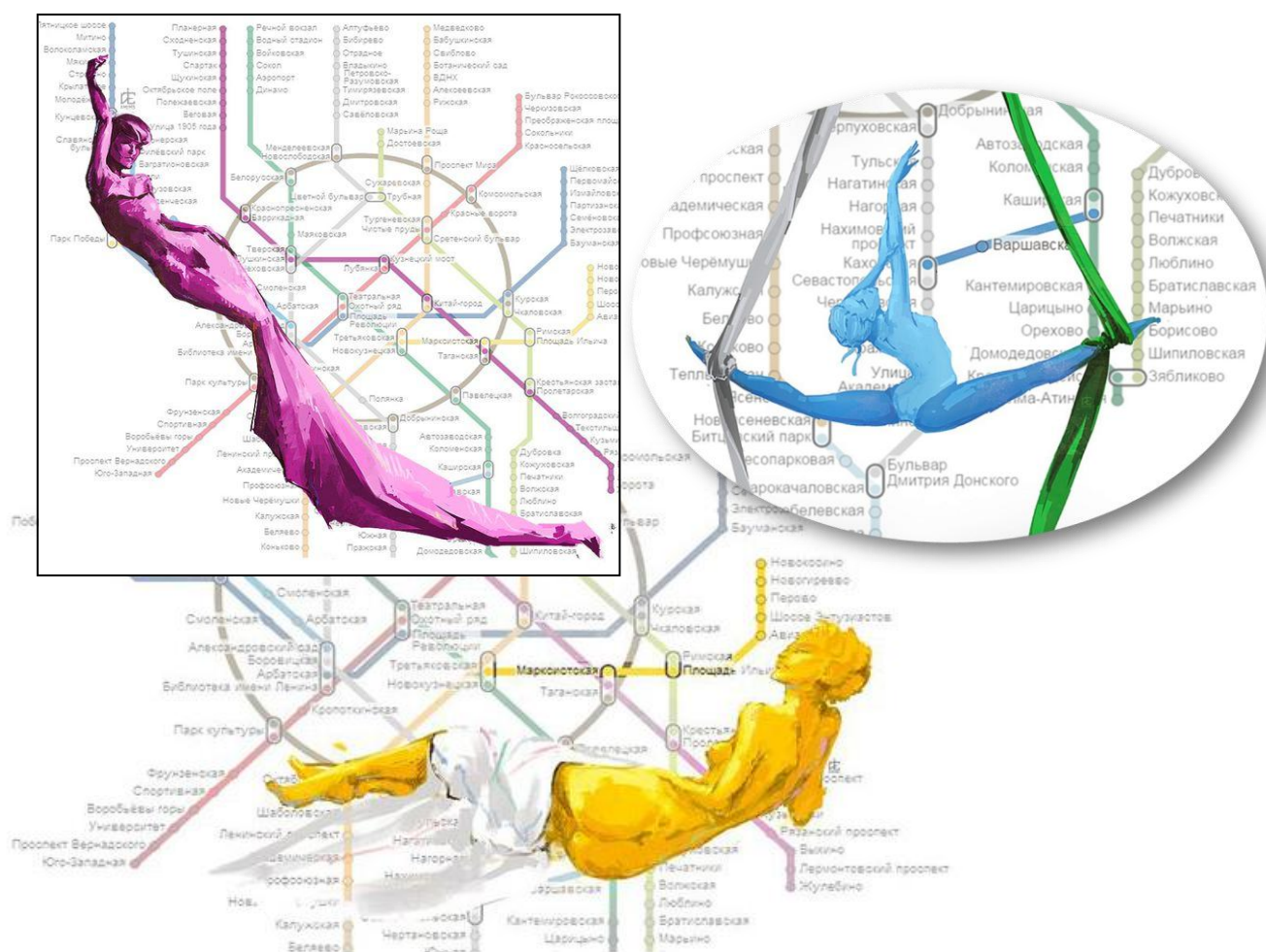

Рис. 14. Арт-проект «Метро Москвы», Алексей Соболев.

Вернемся к тексту ЕГ и обратим внимание на агрессивный характер изображенной ею Москвы: *ярко накрашенная, тощая, стержозная*. Интересно сходство этого образа с тем, который украшает афишу фильма «Москва, я люблю тебя» — обратим внимание на яркий макияж, худобу, а также томный взгляд и эротические коннотации приоткрытых губ.

Рис. 15. Афиша фильма «Москва, я люблю тебя», продолжающего серию «Париж, я люблю тебя».

Образ Москвы как *стервы* и *независимой женщины* в представлении ЕГ, видимо, является производной от общего стереотипа о москвичах как о снобах, деловых и прагматичных личностях, почти лишенных человеческих чувств. Это представление широко распространено и в фольклоре, и в авторских произведениях. Не ставя перед собой цель рассмотреть всю широту реализации этой

модели, приведем буквально пару примеров — фрагмент нетлорного текста «Двадцать признаков настоящего москвича» и цитату из социологической статьи И. Климова «Размышления о полево шоке», фиксирующую живое бытование этого представления.

Двадцать признаков того, что Вы — настоящий москвич:

[...]3. Считаете себя бизнесменом и настоящим яппи, хотя работаете агентом страховой компании или менеджером турбюро. Сами ничего никогда не начинали и думаете, что собственная фирма нужна солидным людям "для понта" или отмывания денег; в идеале — это должен быть бутик на Тверской.

[...]9. Считаете, что сам факт вашего рождения в Москве ставит вас гораздо выше остальных и позволяет вам относиться к другим высокомерно и пренебрежительно.

[...]11. Утверждаете, что знаете английский язык. Поставить правильно времена в условном выражении не можете, но никогда не думали об этом. "The Moscow Times" прочитать не сможете, но и не будете — это газета не для вас, а для экспатов.

[...]20. Вы злитесь, когда все это читаете. А то, что все это правда, вас просто бесит [20 признаков 2005].

- Светлана Гавриловна, а что, в Москве все молодые такие?

- Какие "такие"?

- Ну, типа Ксении Собчак? Или этих, ну, которые из "Дома-2"?

[Климов 2008]

На этом представляется уместным закончить анализ конструирования обобщенного образа города и перейти к следующей, заключительной части мифологизации города — собственно наделению его качествами действующего субъекта со всеми вытекающими из этого магическими и мантическими практиками.

ГОРОД КАК ЖИВОЕ СУЩЕСТВО

Итак, тексты об одушевленном городе в разных вариантах (см. содержательные признаки текстов) реализуют одну идею о том, что город является живым и действующим существом. Стержнем текстов является действующая личная воля города, с которой они сталкиваются: город может принять или не принять человека в зависимости от его поведения или своих личных предпочтений; город может удерживать кого-то против его воли, город может менять настроение, волноваться и т.д. Об этой воле люди узнают благодаря определенным сигналам о ее наличии и реализации: город *демонстрирует* свое неудовольствие, препятствуя планам человека, «подбрасывая» проблемы или запутывая дороги. Город *показывает* свое хорошее отношение, посылая человеку только приятные места по пути: магазины с нужными ему вещами, уютные кафе и т.д. Таким образом, нас, как для исследователей, должен интересовать вопрос о тех знаках, которые по логике информанта свидетельствуют об активизации города как мифологического персонажа. Обратимся вновь к списку содержательных признаков изучаемого жанра.

1. Город представляется целостным одушевленным образом, единой персонифицированной сущностью;
 - 1.1. «живость» города прямо озвучивается рассказчиком;
2. город обладает человеческими/звериными качествами;
3. город способен передавать информацию о своем настроении, состоянии, отношении;
4. город может менять собственное пространство;
5. город влияет на события в жизни человека;
6. город посылает человеку какие-либо предметы;
7. город посылает знаки через тексты, находящиеся в нем: афиши, граффити и т.д.; город посылает знаки через слова прохожих, песни и звуковую рекламу;

8. город дает знать о своем отношении через психологическое и эмоциональное состояние человека;
9. город слышит и понимает человеческие поступки/речь/мысли;
10. город обладает знанием о будущем/прошлом человека;
11. город может принять или не принять человека;
12. город может удерживать кого-то против его воли.

4.1. Семантические ядра представлений о живом городе

Единственный принцип построения этого списка — факт присутствия этих мотивов в тексте. Их статус неодинаков, и подчиняются они разным критериям выделения. Но в данном случае речь и не идет о классификации или составлении указателя — выявленный реестр служит исключительно для фиксации оттенков репрезентации в тексте идеи об одушевленности города и не претендует на соблюдение классификационных уровней. Опишем его подробнее.

Очевидно, что мотив **«город представляется целостным одушевленным образом, единой персонифицированной сущностью»**, то есть первый пункт — обобщающая категория, по отношению к которой все нижеследующие являются субъектами.

Пункт **«“живость” города прямо озвучивается рассказчиком»**, является уточняющей формулировкой первого, обобщающего мотива. Тексты, в которых одушевленность города прямо проговаривается и подчеркивается, составляют довольно внушительное количество внутри основной выборки. Вводя этот пункт, мы можем анализировать тонкости определения информантами своих ощущений — кто-то прямо называет город живым и тем самым объясняет свои практики, а кто-то просто боится ругать Москву, не уточняя даже для себя характер своих представлений.

Второй мотив **(город обладает человеческими/звериными качествами)** скорее, оказывается одним из вариантов рефлексии

информантов над теми "причинами", которые заставляют город вести себя так или иначе. Этот пункт обычно реализуется в виде антропоморфной метафоры, часто ею же и исчерпываясь. Чаще всего он содержится в рамочных конструкциях, текстах, предваряющих или завершающих собственно мифологический рассказ о городе. Вероятно, его можно было бы и не включать в список мотивов, но он очень близок центральному представлению, содержащемуся в текстах об одушевленном городе: его субъектности.

Третий мотив (**город способен передавать информацию о своем настроении, состоянии, отношении**) является также обобщающим — собственно, следующие за ним пять мотивов входят в него как подпункты, и описывают коды, с помощью которых осуществляется передача информации от города к человеку (в текстах первого типа) и в обе стороны (в текстах второго типа). Но одновременно они же могут существовать и в виде автономных высказываний информантов, не подразумевающих включение в более широкие сюжетные ядра.

4. **город может менять собственное пространство;** - пространственный код;
5. **город влияет на события в жизни человека;** — событийный код;
6. **город посылает человеку какие-либо предметы;** — предметный код;
7. **город посылает знаки через тексты, находящиеся в нем: афиши, граффити и т.д.; город посылает знаки через слова прохожих, песни и звуковую рекламу;** — вербальный код;
8. **город дает знать о своем отношении через психологическое и эмоциональное состояние человека;** — перцептивный код.

Девятый пункт содержит мотивный блок, возможный только в текстах 2-го типа. **«Город слышит и понимает человеческие поступки/речь/мысли»** — идея, возможная только при допущении двустороннего контакта с пространством. Забегая вперед, скажем, что этот

мотив запускает множественные практики разговоров с городами, просьб, благодарностей, приветствий и прощаний.

Десятый мотив тоже оказывается одним из мифологических катализаторов — **представление о знании городом будущего** какого-то конкретного человека запускает гадательные практики (просьбы открыть судьбу, послать желаемое событие и т.д.). А это возможно, в свою очередь, только при активации дополнительных мотивов — как минимум десятого и четвертого.

Одиннадцатый мотив (**город может принять или не принять человека**), как и двенадцатый (**город может удерживать кого-то против его воли**), касается прагматики городского сообщения. Реализовываться они могут на материале любого из «кодов» коммуникации (пространственного, событийного, вербального и т.д.). В случае с двенадцатым пунктом город будет «использовать» эти приемы, чтобы показать человеку уместность или неуместность его приезда, свое отношение к нему. В случае реализации тринадцатого мотива, человек будет видеть за своими неудачными попытками отъезда волю города, который удерживает его, применяя тот или иной код воздействия.

Рассмотрим вышеназванные сюжетные ядра подробнее. О первых двух мы уже говорили ранее¹⁴, поэтому на них останавливаться вновь не имеет смысла, так что начать разбор содержательных особенностей текстов стоит с третьего и девятого мотивного блока.

Они симметричны и описывают город с позиции отправителя информации (третий мотив) и принимающей стороны (девятый). Вместе с находящимися между ними в списке мотивами, описывающими коды, через которые город в принципе может быть воспринят человеком как

¹⁴ «город представляется целостным одушевленным образом, единой персонифицированной сущностью» — см. с.66-76, ««живость» города прямо озвучивается рассказчиком» — с. 43, город обладает определенными человеческими/звериными качествами — с. 44, 68-76

действующая сущность, эти семантические ядра определяют восприятие моими информантами города как коммуниканта.

Как уже было сказано выше, большинство текстов строятся вокруг простой связки: акции человека и реакции города, иногда встроенных в широкую описательную рефлексию на тему специфики различных городов. Поэтому 3 и 9 мотивный блоки (вместе с кодами реализации воли города) оказываются ключевыми для исследуемых текстов.

4.2. Город как собеседник.

При разборе интервью на основании семантико-синтаксических признаков выяснилось принципиальное различие двух типов текстов: рисующих образ города как отправителя информации, доступной каждому, (тексты 1-го типа) — и содержащих идею двустороннего межличностного контакта (тексты 2-го типа).

Тип, к которому относится тот или иной текст, влияет на мотивный набор, представленный в нем — так, тексты 1-го типа не могут содержать в себе 9 мотивный блок (касающийся восприятия конкретного человека городом, чтения его мыслей, понимания поступков и т.д.), т.к. не обладают идеей межличностного двустороннего контакта. В это же самое время 3-ий мотивный блок, связанный с производством информации, с ее отправкой потенциальным получателем, может развиваться на базе текстов как 1-го, так и 2-го типов. Например:

9 мотивный блок (восприятие городом информации, город как адресат) и его реализация в тексте 2-го типа.

Но чем мне понравился Город в этот раз — что бы я ни попросила, он выполнял мою просьбу в течение двадцати минут. Я сказала в сердцах: «Да боже мой, мне всего лишь нужны тетрадь и ручка!» За следующим поворотом оказался книжный магазин. [RF].

3 мотивный блок (отправка городом информации, город как адресант) и его реализация в тексте 2-го типа.

Ноженьки приводят меня в Стрмовку. Место, в котором навсегда останется кусочек моей души [...]. Это место очень резонирует с моей внутренней тишиной [...]. Встретились с Сашей на Národní třída, кофе попили. Хренота началась где-то там. Я упрямо трансовала, вот прям в несознаночку, ну да ладно — как-то потрепались, все такое, разошлись. На дворе было что-то около шести. Уйти оттуда я не могла пару часов. Прага, ты всегда так... географически нежна ко мне. Серьезно, я шел куда-нибудь, но все равно выходил в одно и то же место [ТЭ].

3 мотивный блок (отправка городом информации, город как адресант) и его реализация в тексте 1-го типа.

...специфика больших городов. Вот как-то... всякие атмосферные штуки прячут куда-то во внутрь, надо их искать... [Соб.: Надо их искать...] [общий смех] В тему Москвы, да. О наболевшем. Вот, собственно.[Соб.: А какие места в Москве ты... Какие атмосферные места Москвы находятся более-менее устойчиво?] Угу. Атмосферные места... Ы, устойчиво! В Москве! [Соб.: Вот да] [смех] По-моему, это очень сложно, то есть я, я... Я не знаю. То есть у меня сейчас очень печальное состояние, потому что, кажется, я очень хорошо знаю географию Москвы, в плане того, что всякие фигни смешные, дворики уже изведаны. Например, в районе Китай-города гигантское количество странных заброшенных дворов, и там есть... причем очень-очень близко к черте города такой заброшенный сад. То есть это стены-стены-стены, и внутри квадратов двадцать — заброшенный сад. Это очень клёво, потому что там солнышко, там очень тихо, и... это в Москве! [Соб.: Здорово как, слушай. Надо сходить.] Да, я не знаю, будет ли он в этом году, это вот, опять-таки, специфика Москвы. Во, опять-таки, если говорить про взаимодействие с Москвой, то... очень-очень много маленьких деталей, которые прячутся. Причём они прячутся и являются в совершенно рандомном промежутке времени, в рандомных местах, и... сказать, что Москва статична, наверное, нельзя. То есть примерно вообще никак нельзя [ТИ].

Разница реализации мотивов очевидна: в тексте ТЭ подчеркивается, что воздействие Праги направлено именно на информантку: *Прага, ты всегда так... географически нежна ко мне.* Это же представление проявляется и в других фрагментах ее авторства (тексты взяты из ЖЖ русскоязычной жительницы Праги): *...из Праги в свою теплую уютную*

постельку я вернулась пять часов назад. Лучший из городов по-прежнему ласков ко мне, и чуточку щемит внутри от этого. Наши отношения удивительно похожи на здоровые. Ну такие, знаете, с принятием и адекватными границами. Я люблю тебя.

В это же время ТИ говорит в выражениях, описывающих Москву и в целом – большие города, но в ее логике их поведение не зависит от ее личности: [большие города] *всякие атмосферные штуки прячут куда-то во внутрь, надо их искать; не знаю, будет ли он [сад] в этом году, это вот, опять-таки, специфика Москвы; очень-очень много маленьких деталей, которые прячутся. Причем они прячутся и являются в совершенно рандомном промежутке времени, в рандомных местах, и... сказать, что Москва статична, наверное, нельзя.*

Потенциальную невозможность найти нужное место в городе признают и ТЭ, и ТИ, но ТЭ связывает это с реакцией города на нее лично, а ТИ — со спецификой изменчивого городского полотна, трансформирующегося независимо от нее. В последнем случае город оказывается аналогичен замку Хогвартс из романов Дж. К. Роулинг, в котором лестницы меняли свое направление вне зависимости от того, кто именно ими пользовался.

Естественно, что девятый мотивный блок (о том, что город может слышать/читать мысли человека) возможен только на материале текстов второго типа, т.к. он является производным от идеи реакции города на личность (см. текст RF о Санкт-Петербурге, пославшем ей магазин в ответ на просьбу).

4.2.1. Коды коммуникации города

4.2.1. 1. Пространственный код коммуникации (мотивный блок №4)

Примеры, на которых строится вышеприведенное рассуждение, подобраны неслучайно: все они, помимо мотивов отправки и получения информации от города, объединены использованием городом одного и того же кода, а именно пространственного (четвертый мотивный блок). Иногда он служит для выражения более общей идеи (как в рассмотренных примерах), а иногда полностью исчерпывает емкость мифологического рассказа. В последнем случае порой даже невозможно сказать, какими свойствами наделяется город в представлении информанта — просто ли это обобщенная сила, работающая по принципу хогвартсовских лестниц или радио, или же полноценный собеседник, взаимодействующий с каждой личностью отдельно.

Этот город не отпускает, морочно выводит на другие выходы со станции метро, и за 12 минут до окончания посадки мы пугаем расспросами беременную девочку, дрожащего старичка, и только услышав мой мат, откликается проходящая русская старушка и правильно направляет нас [OM].

Человек делает вывод о настроении и отношении города, опираясь на свой топографический опыт. Значимыми информационными единицами в этой логике оказываются успех или неудача преодоления маршрута, факт блуждания или, наоборот, легкой ориентировки в пространстве.

Сложности достижения той или иной точки городского ландшафта человек связывает с волей или свойствами локуса.

И еще Старый город меня не отпускает))) Все те разы что я сознательно в него забредала, я пыталась сохранить чувство ориентирования, не отходила далеко от отеля, ориентировалась на телевышку, которую видно из любой части города, держала в уме, где набережная, но неизменно заблуждалась... Пара поворотов на улочках и - ГДЕ Я? Знаю, что гостиница где-то рядом, но выйти на нее сама - не могу))) [ML]

Т.к. по незнакомым городам я перемещаюсь почти всегда пешком, это чаще всего проявляется в том, как ощущаются расстояния и происходят перемещения (по карте вроде далеко, а дошел легко и быстро

- значит, принял; а если вроде недалеко, но как-то утомился по пути или, еще хуже, заблудился - а у меня с ориентированием в пространстве по жизни очень и очень хорошо - не принимает город)[...]. Иногда идешь по своему маршруту и натыкаешься на что-то (памятник, поворот на незнакомую интересную улочку, магазинчик, кафе, даже общественный транспорт), что уж так привлекает внимание, что не можешь не посмотреть/зайти/etc., при том что в целом я человек не очень склонный менять запланированные маршруты. Что характерно, нередко натыкаешься там на что-нибудь интересное. Я так в родном городе, вроде исхоженном вдоль и поперек, нашла улочку с жилой церковью (sic) при том, что поворот на неё до того проходила раз сто, а в совершенно незнакомом Стокгольме за бесценок купила редкий мерч любимой группы в задрипанного вида рок-магазинчике [...] Как-то в Питере дважды нужно было попасть в место, расположенное аккурат между двумя станциями метро (по карте разница была не больше 10 метров, и там и там почти прямая дорога). От одной из станций я шла 10 минут, от другой - больше получаса при одинаковом (по ощущениям) темпе [ЕС].

Можно предположить, что информант чувствует свою неспособность стопроцентного достижения нужного места в незнакомом городе, благодаря чего степень неопределенности его положения растет, и у него создается впечатление подвластности ненадежного, не поддающегося устойчивому прогнозированию перемещения не его воле, а некой другой силе, отождествляемой с местом блуждания.

Вильнюс со мной играл и кокетничал: путал, не давал пройти почти по прямой, угощал диковинками [ЮС].

Соответственно, когда, наоборот, вопреки опасениям заблудиться, не найти нужное место, потеряться в метро, человек легко достигает нужного места, это определяется им как знак благожелательного настроения города (мотивный блок №11, город принимает/не принимает):

[Когда город принимает —]общее ощущение. Возможность расслабиться, что ли, и почувствовать себя как дома. Возможность спокойно гулять по улицам, причем даже одной, безо всякого страха заблудиться. Ощущение, что я тут своя [НМ].

Выше мы оговаривали, что пять мотивов, описывающих «код» выражения городом его воли, являются составными элементами, кирпичиками, из которых может строиться более широкий нарратив о послании городом сообщения с определенным или неопределенным адресатом. Важно отметить, что эта идея сообщения не конструируется нами как исследователями, а зачастую озвучивается самими информантами. Они прямо высказывают представление о том, что город говорит с помощью игры с пространством, т.е. о том, что его трансформация является его языком:

Непринимаящий город не разговаривает, ну, не дарит интересных улочек и арок [ЮС].

Берлин — огромный радостный зверь, абсолютно неукротимый и непредсказуемый, он скачет вокруг меня гигантскими скачками и говорит: ну давай, давай, давай бегать и играть, давай я тебе покажу ещё вот это, а давай я тебя сейчас заведу-у вон туда-а!.. Например, какие-то дикие искажения пространства и времени. в карте вижу одно, в реальности — другое. [...] Или вот, например, в первый вечер поехала встречаться с Аней и Ильей и потерялась на станции Фридрихштрассе. бегала вниз-вверх; чувство такое, будто указатели вроде и есть, но я не могу понять! Звонила Денису и орала в трубку про неестественное метро. И вот, ровно после того, как прооралась и посмеялась, нужный переход нашёлся, причём, было непонятно, как я его не видела все это время. И так почти всякий раз, стоит мне остаться с городом наедине [ОН].

С первой цитатой все просто — текст построен так, что дарение улочек и арок оказывается уточнением формулировки «город разговаривает». Второй фрагмент устроен так же, хотя это менее очевидно: автор этого текста в интернет-дневнике сначала формулирует основную посылку «игривость и одушевленность города», выражая ее, в том числе, в виде якобы **прямой речи** города (*Берлин говорит*), а потом доказывает ее на конкретных примерах. Этих примеров два, они выделены подчеркиванием и оба касаются пространственных казусов: «в карте вижу одно, в реальности — другое» и потерялась на станции Фридрихштрассе. бегала вниз-вверх; чувство такое, будто указатели вроде и есть, но я не могу понять!; после того, как

прооралась и посмеялась, нужный переход нашёлся, причем, было непонятно, как я его не видела все это время.

Для нас крайне важно то, что ОН использует формулировку «город говорит» и прием «перевода» поведения города в прямую речь. Все это подтверждает наши предыдущие предположения о концептуализации информантами их городских впечатлений через идею диалога.

4.2.2. Событийный код коммуникации (мотивный блок №5).

Помимо изменения пространства, одушевленный город, по логике моих информантов, может являть себя через определенные события в жизни его жителей или визитеров. От воли города может зависеть удачный или неудачный исход дел человека, успех или провал начинаний, совпадения, «роковые» встречи т.д. ЕГ, текст которой мы уже разбирали в параграфе о женском воплощении Москвы, излагает ровно эти представления, связывая не только свое блуждание в метро (пространственный код, ср. вышеприведенный текст о Берлине), но и провал концерта, и какие-то еще неназванные неприятности с волей города:

*Мне кажется, она [Москва – Е.М.] со мной смирилась. В какой-то момент она просто подумала: «Ну, что делать?» Это как первая седина. Я — ее седина. Она в начале меня закрашивала [...] Например, когда мы приехали в Москву впервые, первое, что я сделала — это потерялась в метро, конечно же. **Когда мы приехали второй раз с концертом, у нас на концерте было ровно 5 человек. Ну и так продолжалось какое-то время. Все было ужасно, дорого, страшно, много людей. [...] все это было странно, ну а потом как бы... я привыкла, она привыкла — и мы успокоились [ЕГ].***

Моя первая информантка, ММ, как мы помним, эксплицировала очень развернутые примеры этого мотивного блока:

У меня, на самом деле, тоже в Москве всякие чудеса происходят постоянно, и... ты такой думаешь: "Господи... вообще... ты такая сумасшедшая, вообще, Москва". Не, классный город, вообще [...] Во-

первых, у меня постоянно какое-то добро происходит в Москве... то есть, во-первых, ко мне постоянно подходят люди с какими-то разными вещами... Во-вторых, открываются какие-то новые, не знаю, места... какие-то интересные штуки... неожиданные встречи там, и так далее [ММ].

[...] как бы... первый год... ты просто, ну, и до сих пор эта фигня работает, что как только ты говоришь: «Питер, ты бесишь. Ты вообще раздражаешь меня, не нравишься мне, и я из тебя уеду, честное слово, вот как на духу», и он сразу такой он – и делает все, как ты хочешь, вот. То есть он... моментально все становится хорошо. [Соб.: Клёво как.] Как только ты думаешь: «Господи, Питер, какой ты прекрасный, какой ты замечательный, может мне все-таки не уезжать из тебя, и... какой ты клёвый вообще можешь быть» — он говорит мне: «На, сука, получи». И ты такой, короче, думаешь – ага. И чё. Вот. И как бы... и я... ну, то есть... и постоянно там вот такие перепады ... [ММ]

В последнем тексте очень ярко представлена реализация девятого мотива (о восприятии городом слов человека) на основе пятого (событийного кода). В ответ на критику город *все делает хорошо*. Несмотря на нераскрытость понятия «все», очевидно, что речь идет о делах информанта и о событиях, происходящих с ним.

Если Санкт-Петербург прекращает вредить ММ после угрозы уехать — и в целом эксплицированного негодования, то Питер СГ, наоборот, не реагирует на подобные проявления слабости. Заметим, опять-таки, роль событийного кода, через который город выражает себя — именно с волей Питера СГ связывает свои неприятности и ссору с командой:

[...] Питер заставил меня поссориться с моей тогдашней командой. Мне было плохо так, как мало когда было в жизни. Я гуляла по кривым набережным, откидывая тяжелыми ботинками собачье дерьмо, которого тогда в Питере было почему-то на редкость много. Я просила город меня защитить, потому что больше меня защитить было некому. Но он дал мне понять, что не любит слабых, и что со своими проблемами мне придется справляться самой: ему и без меня хватает забот [СГ].

Следующая информантка тоже объясняет череду событий, мешающих ей уехать (отказ бабушек сидеть с детьми, предложения работы), волей города:

Город не отпускал, так всегда бывает, когда редко ходишь, город затягивает, держит крепко, вставляет палки в колёса, вырваться сложно. Дети устроили у бабушки небольшой погром, и она готова была отказаться с ними сидеть, а ведь итак еле-еле уболтали, одна-то бабушка сразу пошла в отказ, так-то мы бы ещё в июне сходили, да бабуля нас завтраками кормила, город не отпускал... когда редко ходишь, оно так, сложно вырваться, Саше подкидывали работу, не отказаться, то да сё, но тут надо было уже рвать когти, потому что надо! [AB]

В свою очередь нижеприведенные два фрагмента рисуют, наоборот, положительный образ города, который не отпускает человека из самых лучших соображений, посылая ему приятные события и впечатления:

Велик, егоровская поляна в тумане (чОрт!), мужчины с моим велосипедом, австралиец (будь он неладен :)) янка¹⁵ под гитару, самые красивые люди вокруг, море внимания и тепло по телу ото всего, что происходит и произносится. Это называется, я уехала из Зе))) вроде как я даже вещи собрала и увезла в горск еще в субботу утром. Но нет же - город не отпускает))) по-хорошему так не отпускает (за что ему отдельное спасибо). [DN]

Город не хотел меня отпускать – держал, ловил изо всех возможных сил – открытками, телефонными звонками, тюльпанами, поющими коровами, эльфийскими мальчиками, красной икрой, шампанским, ласковыми словами, шоколадными конфетами. Дружескими улыбками, внимательной начальницей, пушистым снегом, солнечным светом, любимыми людьми и (самое романтичное) простудой.

Но я все равно вырвалась – освободилась, успела на поезд – сонная, невыспавшаяся, простуженная, но довольная до невозможности. Ведь есть одна фишка – какой замечательной ни была бы Москва, Питер все равно [OM].

Обратим внимание, что в трех последних текстах одушевление города активизируется в связи с отъездом. Город может удерживать человека и,

¹⁵ Янка Дягилева — (1966-1991) советская рок-исполнительница, крупное имя в среде андеграундной авторской песни.

наоборот, отпускать — причем представление об этом конструируется через событийный код:

Меня еще помимо Москвы, держали следующие населенные пункты: Тура — там 3 дня сидели ждали вертолет в деревню [...] и Мадрид — где из-за того, что была забастовка, я уехала на день позже и смогла город увидеть — вот ради этого и задержал [ЖК].

4.2.3. Предметный код коммуникации (мотивный блок №6).

Возможно, это скорее описывает выборку, чем исследуемое явление, но тексты об одушевленном городе, собранные мной, практически не содержат примеров этого мотива. Иногда подобные элементы встречаются в общем перечислении знаков, посланных городом, но чаще они оказываются текстовыми носителями — вывесками, афишами или листовками, речь о которых пойдет в следующем пункте. Однако некоторое количество примеров привести можно. Первый из них рассказывает о найденной карточке с поездками на метро, мы уже рассматривали его раньше:

Снова к Москве. Я когда только приехал, оценил, сколько стоит проезд, и попросил мысленно город помочь с этим. О просьбе тут же забыл, скорее было шуткой. Я люблю такие шутки, я люблю говорить с неодушевленными предметами. Вечером, по пути домой, я нашёл карточку проезда. Утром я её проверил: пятьдесят четыре поездки, вы понимаете, пятьдесят четыре. На месяц. Я их даже не потратил все за неделю, а карточку потом долго как талисман носил в кошельке [ND].

Второй текст – о посланной Москвой книге:

В общем, был дождь, какая-то морось, короче, всё плохо, я только приехала, ну и вообще тяжко. И меня Дима тащит куда-то пиво пить. Очень сложносочиненным маршрутом. Через дождь и мряку. С заходом в книжные магазины. Правда, до полноценных книжных мы не добрались – зависли возле метро у какого-то ларёчка попсового, повторяюсь, холодина и мокро, прям на улице – чё его туда потянуло! И я вдруг, вот, я, перебирая заледеневшими пальцами книжонки а-ля «Как завести мужчину», упираюсь в плотный белый том шведских верлибров. И это было таким откровением! Я наугад лезу внутрь – и там стихи про миф и зеленое марево. И это так... правильно, так хорошо было, так облегчает

жизнь внешнюю и внутреннюю, что просто не передать. Как будто Москва по голове погладила, сказала, вот, всё в порядке, ты – всё ещё ты, всё ещё будет хорошо, я люблю тебя, ты мне нравишься. Я потом всем говорила, что мне Москва послала книгу. Самую мою [ЕК].

Представляется вероятным, что такие тексты, как и тексты обобщенного 9-го блока (о способности города слышать и воспринимать конкретного человека), возможны только в рамках второго семантико-синтаксического типа, т.к. подразумевают адресное послание предмета.

4.2.4. Вербальный код коммуникации (мотивный блок №7)

Чаще, чем на предметном языке, город говорит по-человечески, отправляя человеку вербальные послания. Причем отрывки интервью, иллюстрирующие это, могут строиться как тексты 1-го, так и 2-го типов. Вот, например, текст 1-го типа, в котором послание города универсально:

Этот город не для живых, а для мертвых. На каждом шагу здесь — «выхода нет», как предупреждение. Прямо по Сплинам¹⁶. И надписи «закрето». И граффити совершенно отпугивающие. И, блин, люди видят, читают — и прут всё равно, сюда, сюда, жить, жить, в столицу, ну [КК].

А вот текст 2-го типа, использующий тот же мотив для выражения идеи двустороннего контакта. Как видно, отношение МЭ к тем же объектам, граффити и текстам на табличках — совершенно противоположное. Равно как и адресность этих посланий, конструируемая в ее тексте:

Питер «подбрасывает» таблички с именами знаковых для меня людей и юморит вывесками и граффити с понятными мне скрытыми смыслами [МЭ].

Итак, информанты превращают анонимные тексты городской среды (афиши, граффити, объявления, листовки) в сообщения, описывающие

¹⁶ Имеется в виду культовая в определенной среде песня «Выхода нет» (1998) российской группы «Сплин»: «Скоро рассвет / выхода нет / ключ поверни — и полетели... / Нужно писать / в чью-то тетрадь / кровью, как в метрополитене: / «Выхода нет»“.

реальность города или выражающие его волю. Той же операции подвергаются и аудиальные тексты: звуковая реклама, песни, слова прохожих и т.д.:

В Екатеринбурге полно надписей на домах, порой я задавал им вопрос, когда был в каких-то поисках или страданиях, а потом шёл, пока не видел свою надпись [...]. Знаками обычно становятся случайные надписи. Реже - случайные люди и их реплики. А ещё песни случайные из супермаркетов. И может в лицо листовка прилететь, когда ты попросишь знак. Листовка причём какая-нибудь забавная, ТУТ такие любят: всё будет хорошо! И смайлик [ND].

Эта практика фиксируется не только в интервью или ретроспективных записях в электронных дневниках — в социальных сетях можно встретить ее живые примеры, см. рис.15.

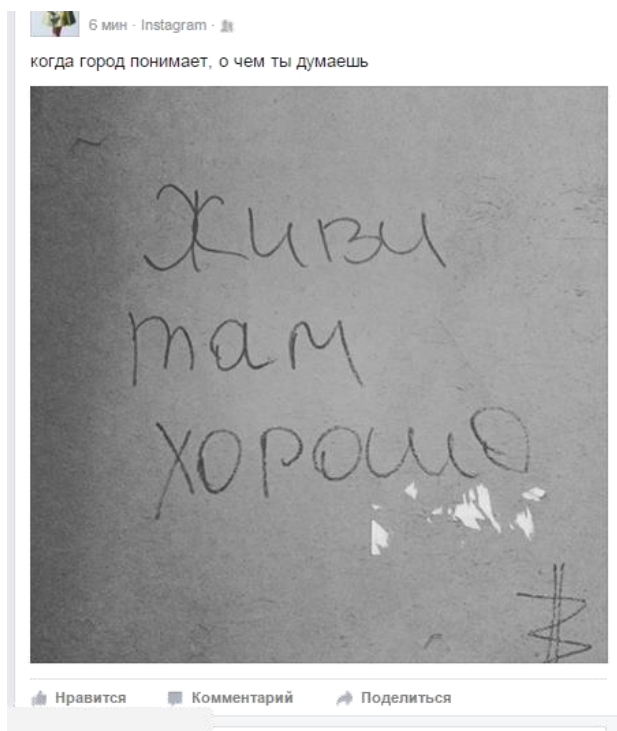

Рис.16. Скриншот записи в социальной сети Facebook, дублирующей пост на ресурсе Instagram. Автор публикует фотографию надписи на стене «Живи там хорошо», сопровождая ее подписью: «когда город понимает, о чем ты думаешь».

Рис. 17. Другой пример той же практики: фотография из окна трамвая надписи на заборе «Мамань не грусти» сопровождается следующей подписью: «как-то так #городговорит #streetart #streetrtmoscow»

Автор этой записи в Facebook воспринимает надпись на заборе на свой счет. Обратим внимание на первый хештэг — он апеллирует к целому интернет-движению, сложившемуся вокруг интересующей нас практики. Интернет-сообщества «город_говорит», «#городговорит» и т.п. специализируются как раз на фотографиях граффити и других вербальных «высказываниях» города.

Рис. 18. «Пост» из сообщества ресурса Вконтакте: надпись на фото: «Звоните чаще тем, кого любите». Фото сопровождается хештэг – «#Городговорит»

Впрочем, этот материал тоже требует критического отношения: администраторы одноименных групп в социальных сетях заинтересованы в раскрутке собственных ресурсов, поэтому, во-первых, целенаправленно подбирают интересующий их (и нас) контент (т.е. назвать его естественно бытующим уже нельзя); а, во-вторых, влияют на практику прямыми призывами к пользователям настроить свою оптику так, чтобы замечать подобные знаки города. В подтверждение приведем скриншот с подобным призывом:

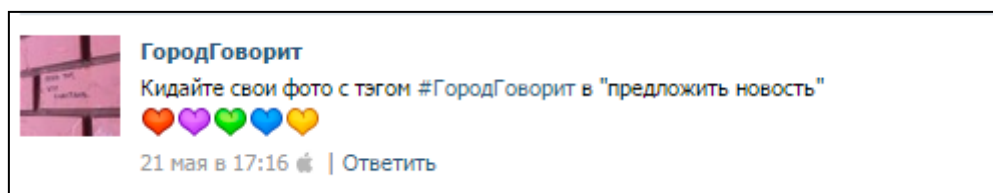

Рис. 19. Призыв администраторов группы к распространению практики.

Поэтому для качественного исследования имеет смысл пользоваться публикациями не в группах, а на отдельных страницах пользователей — так сохраняется гарантия того, что фотография и текст действительно отражают представления владельца аккаунта.

Рис.20. Подпись к фотографии: «#городговорит ясененько-понятненько всем?!) <смайлик> неизбежно <смайлик> <смайлик>

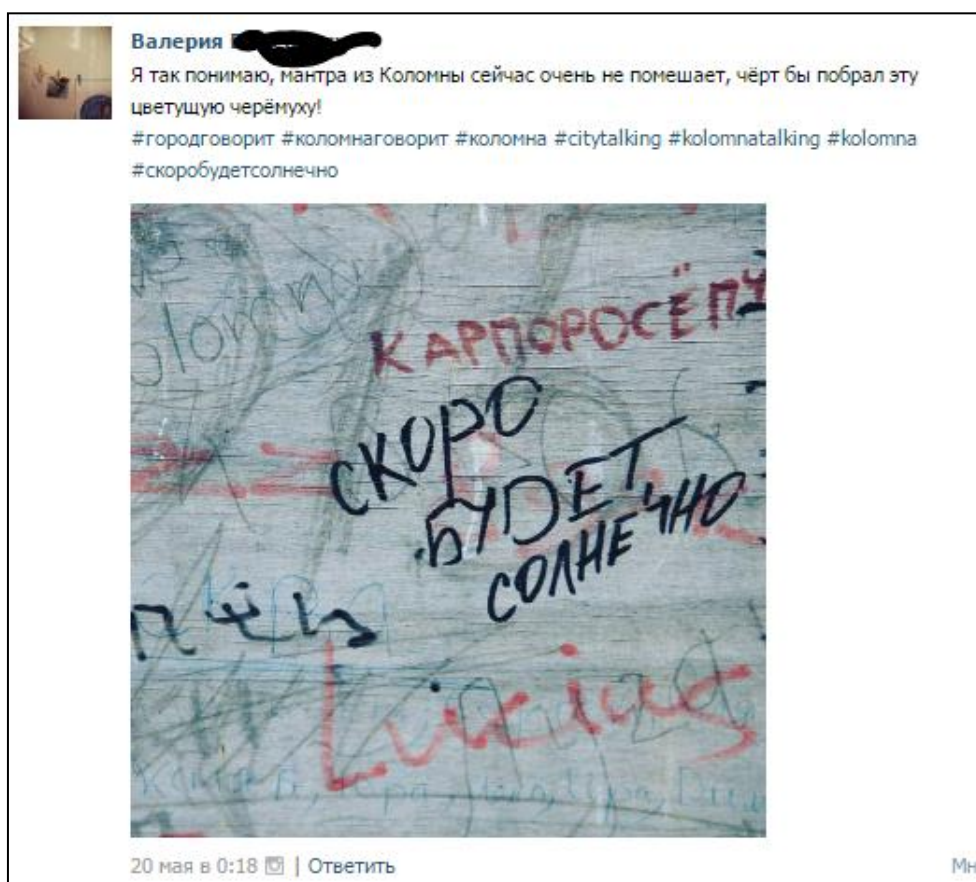

Рис. 21. Подпись к фотографии: «Я так понимаю, мантра из Коломны сейчас очень не помешает, чёрт бы побрал эту цветущую черёмуху! #городговорит #коломнаговорит #коломна #citytalking #kolomnatalking #kolomna #скоробудетсолнечно. Примечание: «скоро будет солнечно» — цитата из одноименной песни группы «Сплин».

Рис. 22.

Подпись к фотографии:
«#Город читает #мысли.
#спб #wallcantalk
#городговорит
#сверниспрямойдороги»

Восприятие надписей города как адресованных человеку фиксируется и в литературе. Не останавливаясь на этом целенаправленно (этот вопрос мог бы стать темой для отдельной статьи), приведем цитату из первого русскоязычного романа Набокова «Машенька», где описывается то же ощущение, видимо, присутствующее у моих информантов, читающих граффити и вывески как личные послания: *«Впрочем, черт его знает, что на самом деле играло там, в темноте, над домами, световая ли реклама или человеческая мысль, знак, зов, вопрос, брошенный в небо и получивший вдруг самоцветный, восхитительный ответ»* [Набоков, 1990 (1926)]¹⁷.

Основное различие же между фрагментом «Машеньки» и текстами моих информантов — в конструировании автора сообщения, стоящего за текстом вывески, листовки или граффити. Сообщество моих информантов

¹⁷ Подробнее об этой цитате см. статью Е.В. Антошиной «Культурологический аспект восприятия рекламы в произведениях В.В. Набокова» [Антошина 2009].

считает, что это город, в то время как по тексту Набокова такой вывод сделать нельзя.

Да, я помню, когда мы только вернулись из Лондона, и вот это ощущение страшной тоски, просто, просто гнело страшно, первую неделю, особенно, что ты на работу возвращаешься, хоть она у нас и клевая, но все-таки, это же работа, это не Лондон... Я помню, пошла на работу и думаю: «Ну м-м....»[жалобно мычит] «Лондон! Как же я по тебе скучаю!» Типа вот. И мимо меня проходит чувак в футболке типа там, типа "London loves you, baby" [НР].

Интересная аналогия вышеописанной практике видеть в текстах города послания нашлась в еще одном литературном произведении. Им оказалась серия постмодернистских литературоведческих романов о литтективе Четверг Нонетот, созданных Джастин Ффорде. Во второй книге серии Четверг преследует череда совпадений, вызванных падением уровня энтропии вокруг нее. Когда это происходит в городе, последствия начинают крайне настойчиво напоминать описываемую нашими информантами реальность, в которой надписи на стенах, вывесках и одежде — неслучайны:

[...] Но тут мое внимание привлекла куртка какого-то молодого человека. На Дальнем Востоке очень популярны куртки и футболки с английскими надписями. Порой они не лишены смысла, порой это просто набор слов, кажущихся молодым японцам столь же модными, сколь изысканными представляются нам иероглифы кэндзи. Мне попадались куртки со странными надписями вроде "100% Шевроле ОК летчик", "Эскадронный фильм Пратта и Уитни", так что я уже была готова ко всему. Но куртка, которая замаячила передо мной сейчас, превосходила все мыслимое и немислимое. Это была хорошая кожаная куртка с вышитой на спине надписью: "СЛЕДУЙ ЗА МНОЙ, МАЛЫШКА НОНЕТОТ!" Так я и поступила. Прошла за молодым японцем около двух кварталов и тут заметила вторую куртку с такой же надписью. За мостом мне попала на глаза куртка с надписью "ТИПА, сюда", а потом "Джен Эйр — форева!¹⁸" Я бросилась за "Плохим парнем Голиафом". Но на этом сюрпризы не заканчивались: словно следуя

¹⁸ «Джейн Эйр» - книга, знаковая для персонажа книги Ффорде. Точно так же все упоминающиеся далее имена и названия на футболках по сюжету обладают личной значимостью для главной героини, Четверг.

какому-то загадочному зову, все люди в таких куртках, кепках и футболках шли в одну и ту же сторону. [...] Плотность совпадений достигла максимума: все, кто только попался мне на глаза, щеголяли соответствующими надписями. "Майкротех", "Шарлотта Бронте", "Испаносуиза", "Голиаф" и эмблема воздушного трамвая "Скайрейл" виднелись на шляпах, куртках, зонтиках, рубашках, сумках. Я озиравлась по сторонам, отчаянно пытаюсь угадать, где находится эпицентр совпадений. И он нашелся. На пяточке посреди шумного рынка, по какой-то необъяснимой причине свободном, перед маленьким столиком восседал старичок, смуглый, как ореховая скорлупа, и совершенно лысый, а из-за столика у меня на глазах поднялась молодая женщина. Закрепленный на чемоданчике старика помятый лист картона на восьми языках сообщал, что его хозяин предсказывает судьбу и гадает. Английская надпись гласила: "У меня есть ответы на все ваши вопросы". [Ффорде 2007]

Естественно, что автор обыгрывает семиотическую практику, наделяя ее уже иными смыслами, чем люди, реализующие ее в повседневности. Однако литературный образ во многом совпадает с реальным положением дел, как его видят информанты.

Ну, часто бывает, вот я тоже писала об этом у себя как-то в дневничке, когда еще вела, что как-то мне было очень тревожно, я ехала в метро и меня терзали какие-то смутные сомнения, и э... короче, поезд остановился так, что мне было... от "Октябрьской" отрезалось все остальное, кроме "Ок". И я поняла, что это, в общем, все будет норм. Или там идешь в толпе и видишь какого-нибудь мальчику, у которого на рюкзаке написано "все будет хорошо", там вот это просто... [НТ].

Забегая вперед, отметим, что разработка этого мотивного блока информантами в подавляющем числе случаев приводит к мантическим практикам — гаданию на городах, как это было названо мной в соответствующей работе [Малая 2016]. Однако гадания мы рассмотрим несколько ниже, а сейчас оставим рассмотрение вербального кода коммуникации и перейдем к следующему.

4.2.5. Перцептивный код коммуникации (мотивный блок №7)

Еще одним кодом коммуникации города и человека в представлениях информантов выступает тот, который мы назвали перцептивным. Многие информанты эксплицируют представление о том, что *город принимает* в том случае, когда человеку в городе хорошо, приятно, психологически комфортно, когда он живет в каком-то особом состоянии восприятия реальности (или наоборот, распространены представления о том, что *город давит*, что информанту в определенном городе *всегда грустно*). К этому же присоединяются представления о том, что какие-либо города, районы или кварталы могут быть *живыми, одушевленными, настоящими*, в то время как другие — *пустыми, мертвыми, никакими* и т.п.

Это с трудом формализуемое представление касается рефлексии не просто над событиями или пространством, но и над собственным восприятием, и в некотором роде касается рефлексии над рефлексией. Имеются в виду практически не категоризируемые особенности рецепции городского текста, выражающиеся, например, в следующем тексте (и ему подобных):

[Говорит о приезде в Венецию после долгой подготовки поездки] *А тут [район] Сен-Поло. Он такой, самый никакой, пожалуй. У него нет... для меня, по крайней мере, никакой отличительной... там, не знаю... индивидуальности никакой. Там такие же стены, такие же эти самые... но вроде бы такие же, а души там за ними почему-то не наблюдается. Не знаю, почему [...]. И я по нему иду-иду... я понимаю, что я должна чувствовать там, не знаю, радость, восторг, все остальное, потому что [шепотом] блядь, это Венеция! Я! За нее! То-сё! И понимаю, что мне здесь... вот прямо здесь мне неуютно и не хочется. Мне... и... ну там... Вот здесь мне не нравится. И вот это ощущение — «блин, как это может быть, это же Венеция» — ну подумай, разуй глаза, это же Венеция, блин, где ты находишься! Вот это вот противоречие — что мне должно быть хорошо, а мне почему-то нехорошо, оно вот меня прям очень тогда накрыло. Оно еще добавлялось на вот это вот ощущение того, что я... вот там бедный гасконец, приехал э... вот... а меня [со смешком] отвергают. Она [Венеция] не хочет со мной разговаривать.*

Вот, вот... [...]. Этот вот момент начала, что ты пришел, а тебя [шепотом] не хотят... Ой. Вот это было прям ужас [ОВ].

Данная рефлексия часто выходит за границы собственно мифологического текста о городах и относится к более широкой категории, работающей с логическим шагом, предваряющим мифологизацию, т.е. просто с обобщением городских впечатлений.

За границей мне было жутко в городах Италии (Рим, Неаполь). [...] в Рим я тогда прилетела сразу из Белграда — ощущение было, будто свалилась с облаков. После дружелюбного Белграда (где было ощущение «если и упаду, подхватят») — страшный Рим («безвидный и пустой», враждебный). («Пустой» — и в первоначальном значении: «злосчастный», «проклятый».) [СЗ]

Я не так много пробовала городов, но когда задают этот вопрос, в голову всегда приходит один ответ – Рим. Для этого много причин: в нем я чувствую себя собой-но-немного-лучше, архитектура, топография, цвета как бы воплощают то, чего мне не хватает, чтобы чувствовать себя цельной. В других городах я нахожу то, что, если следовать мысли Бродского, является частью моего собственного состава в рассеянном виде (скажем, в Мадриде или в Вене), но в Риме есть этот недостающий кусочек. Я воспринимаю его как очень домашний. Я поняла это почти сразу, как приехала туда, когда вечером вышла на террасу отеля и услышала крик чаек [ЕЗ].

4.3. Город слышит и понимает человеческую речь/мысли/поступки (Мотивный блок №9)

В предыдущих разделах работы мы постоянно возвращались к идее двустороннего контакта, подразумеваемого текстами второго типа. Этот двусторонний контакт, выстраиваемый значительным числом информантов, показывает город не просто как существо, но и как существо, реагирующее на конкретного человека.

Среди записей много текстов, рассказывающих об «ответе», посланном городом.

Приперлись на ж/д вокзал, и я в очередной раз думала о том, что «господи, Краков, как же я тебя люблю, услышь меня, пожалуйста, я

тебя очень люблю», и в ответ мне донеслось эээ... совершенно внезапно, на вокзале почему-то какая-то такая джазовая песня годов двадцатых, где мужчина и женщина поют. И я п... я п... совершенно четко поняла для себя, что это вот было мне. Что это тоже в ответ, и что меня услышали, это было очень круто. Вот. Ну... и такое, на самом деле, часто бывает [НТ].

В этом тексте реакция города радует НТ, но иногда информанты ответа города, наоборот, боятся, что порождает помимо практик определенные мифологические запреты:

М... Очень часто... Ну, не то, чтоб в самом начале, ну вот, наверно, год был курс второй, третий, [даже знаешь] и сейчас даже иногда такое происходит, на самом деле боле... больше бессознательно, но тем не менее, я выходила на улицу, а... вот отсюда, с общежития, и... как бы... вручала свою судьбу Москве в надежде, что она-таки приведет. И... знаешь, как бы так а... проговаривала, что я буду следовать тем знакам, которые ты... на которые ты мне укажешь [...]. И, на самом деле, каждый раз, когда так получалось — знаешь, вот люди говорят «мне не нравится в Москве, мне тут вот как бы душно» и еще что-то, я никогда не говорила об этом... э... эксплицитно. Потому что я вот, я не знаю, на самом деле странное чувство, но мне казалось, что она услышит, что я отзываюсь о ней как-то негативно, и... за этим последует какая-то ее реакция. И это меня останавливало. [СМ].

Аналогичный текст я зафиксировала на вечере встречи с читателями популярной писательницы городского фэнтези Светланы Мартынчик (Макс Фрай):

[Запись в полевом дневнике:] *Фрай подписывала книги и одновременно отвечала на вопросы, передаваемые ей на бумажках толпой, занявшей весь пол «Додо». Один из вопросов был следующим (воспроизвожу по памяти): «Скажите, что нужно сделать, чтобы Москва стала креативным городом, как Вильнюс, например, о котором вы столько пишете?». Сначала Фрай говорила что-то урбанистически-сознательное (больше инвестиций в неутилитарное, больше молодежных старт-апов, в Вильнюсе, мол, один креативщик на десять человек, а в Москве — на 500, и это порядковая разница). А потом сказала, что есть еще такая штука, как суть (?) города, и вот тут уже простыми инвестициями не обойдешься, Вильнюс — он как бы предрасположен к творчеству, т.к. камерный, уютный и т.д. «А Москва?» — спрашивает Шаши (одна из*

ключевых фигур в «Додо»). Тут Фрай смеется и возмущенно говорит: «Вы что, хотите, чтобы я вам тут Москву ругала? Мне же еще три дня в ней жить, нет, спасибо, она же услышит». [ПДА]

Таким образом, мы можем констатировать наличие представления о способности города слышать человеческую речь и целенаправленно реагировать на сказанное и говорящего. Данное представление порождает зафиксированный запрет ругать город, в котором находится человек (и который осмысливается им как одушевленный и, вероятно, обладающий особенно мстительным характером).

Обратной стороной этого представления является идея, наоборот, сознательного разговора с городом. Эта практика широко представлена в собранных интервью.

И я тут просто... И я, реально, я шла ну как бы вот вдоль Кремля, я шла к Спасской башне и вот так шла вдоль Кремля, и просто, ну, не знаю, и вот так вот говорила с Москвой. Просто... ты идешь и понимаешь, что ты можешь щас вот говорить чуть ли не вслух, и... и как бы не чувствовать себя идиотом, потому что как бы да. [...] У меня только так с моим родным городом, ну с Барнаулом, я с Алтая. Я с Барнаула, и как бы именно у меня по Барнаулу, когда я хожу у меня как бы тоже такое желание, то есть, как бы просто говорить ему что-то, и тут у меня такая же фигня [ММ].

У меня бывает так, что я запарываюсь и... гуляю... и могу, там, не знаю, вести рукой по стене и разговаривать со стенкой... ну, условной. Или с домом. Бывает так, что-о... типа, ну, я даже не знаю... ну, какой-то такой диалог! Ну, я не знаю, как это сказать. Ну, то есть просто могу идти, ну и, там, с домом или с улицей разговаривать. И... там, могу сидеть, куда-то прислониться спиной и говорить просто что-то там... «Что было? Как дела? А... что видел?» Ну, и придумывать всё подряд. [Соб.: При этом ты ответ какой-то ловишь?] М-м-м... Да. Ну, мне нравится представлять, что там... что становится теплее, например. Ну, складывается... Поэтому я говорю, что город принимает, условно, потому что мне всегда... То есть я понимаю, что это больше в воображении, наверное... Я не хочу верить в это, ну я понимаю, что это скорее больше воображение, чем... действительность... Но... мне очень нравится так думать [улыбается]. У меня со Стокгольмом связывается так особенно [ДГ].

Последний текст во время разговора со студенткой-культурологом записан в Москве, и хорошей параллелью к нему выглядит письменное интервью с жителем Симферополя, который задает городу тот же вопрос: «Как дела?» и так же полусерьезно относится к этой практике.

Вот в том доме жила Люся, ты с ней мутил, а вот тут живет Костя. он отбил у тебя Олю из этого же дома. Оля давно где-то в Москве, а с Костей ты дружишь до сих пор, хотя и пришлось пару раз съездить по лицу. Ты выходишь на улицу из бетонной коробки дома и вдыхаешь воздух - "привет город. Как дела?" И идешь куда тебе надо или куда хочешь. Смотришь по сторонам и осознаешь - ты дома. Это ТВОЙ город. [...] Но это некий вид медитации. когда идешь по городу и болтаешь сам с собой и с "городом" как с неким существом. Буквально идешь и такой - "Йо, Симфер, а чего народ такой дурной, вот опять поломали скамейку, блаблабла, мельчает порода, блаблабла, бабу бы" [ЮЮ]

Обратим внимание также на просьбу, пусть в шутливой манере, но приводящуюся Ю в качестве примера его разговора с городом: *бабу бы*. Обращение к городу с просьбой о решении личных проблем фиксируется и в следующем тексте:

У меня были, знаешь, жуткая совершенно история с Сашей, фантазмагория кошмара, он только приехал в Москву, а я тут, понимаешь... в общем, я мутила с Медведем, не сильно, но все что-то так закрутилось. И тут приезжает Саша.

И я хожу и рыдаю каждую свободную минуту, потому что понятно же, что мы теперь не будем вместе, ну вапще понятно. Мы и до этого-то... Ну... И Медведя типа нельзя уже кидать. Короче, пат и ад, вапще.

И в итоге я ловлю себя на том, что иду куда-то под небом, мимо забора у нас там, на Южке. Снег. Январь — или декабрь? Все уже, ничо не помню. В общем, какая-то звенящая колкая синь, ночь, и небоскребы горят вокруг — совершенно нездешняя картинка. И я выговариваю в эту черноту, да, вот, со слезами, вот, да, вот, мол, «Москва, Москва, пожалуйста, пожалуйста, сделай так, чтобы я была с Сашей, больше ничего не хочу, только с ним, и все, разрули все это, пожалуйста, вот.» [Соб.: А почему именно...вот...Москве?] В смысле, почему не богу там, да? Ну не знаю, Москва — это точно про меня, а бог — это еще сильно не факт все, да и он какой-то уже... не знаю, там все сложилось, там надо знать как, и вапще. Темно, свечки, запах, не знаю. Попы, понты.

Серьезно все. Скучно. А Москва — это какое-то все мной открытое все, тонкое, звонкое, и всегда все можно в шутку все... Так подожди, главное, главное, самое главное — мы теперь с Сашей, вот. Понимаешь. Понимаешь, да? Совсем. И вот я вот не готова это как-то комментировать [смеется] [ЕК].

Этот большой текст очень ценен с содержательной точки зрения. Я как собиратель допустила промах, который оказался очень удачным — очень удивившись рассказу о своеобразной молитве городу, я задала плохо сформулированный вопрос, суть которого была как раз в этом удивлении. И ЕК рассказала мне, чем ее не устраивает традиционная религия, и каким запросам отвечает мифологизация города. Кроме того, интересно, что она тоже подразумевает возможность сведения своих отношений с городом к шутке или игре. Впрочем, подчеркнутый удачный результат молитвы показывает, что для ЕК все это, видимо, несколько серьезнее, чем она пытается показать.

Таковыми же «серьезными» являются три следующих текста, практически однотипных. В них выражается одно и то же представление о том, что город — во всех трех текстах Москва — может отпускать человека или удерживать в себе насильно. Здесь мы говорим о реализации девятого мотивного блока (о способности города слышать и воспринимать конкретного человека) в форме пятого (город определяет события в жизни человека) и двенадцатого (город может удерживать человека насильно).

*1. Я офигевала, ваще... вот. И я просто еду и понимаю, что... ну, я реально на грани оставания, а у меня... сто рублей. [Соб.: Ужас.] То есть, у меня нет вообще денег. Абсолютно. И... я, кароч, еду такая... и просто говорю с Москвой, ну я часто говорю с Москвой, потому что, когда я приезжаю, мне, ну... то есть, это лучшее, что я могу с ней... и я говорю с Москвой, говорю: «Слушай. Ну, блин, ну, я понимаю, что... ну, что ты... ты хочешь, чтоб я тут осталась... потом говорю: «Ну слушай, я щас не в силах вообще.. тут остаться... давай, я обязательно к тебе приеду, ты же знаешь, что я приеду еще, и еще, и еще, и в конце концов скорее всего даже останусь...» и так далее, потом говорю: «Давай ты сейчас меня **отпустишь**, чтобы я смогла вырасти до тебя, и заработать денег, как*

бы... и приехать достойной тебя, вообще... давай, пожалуйста, я щас уеду в Питер обратно...». И я успела на поезд. Ты представляешь? Я-а просто охренела [ММ].

2. Я бежал по метро и просил у Москвы, чтобы я уехал. Во-первых, силы прибавлялись, чтоб бежать. Уверенность была, что... я успею. [Соб.: Лично просил, обращался?] Да. Я думал про... потраченные усилия, про то, что если я не успею, то будет плохо, скаж так, словом — жопа. Притом что я представил, что регистрация закончится, и мне придется плохо, ну, все вопросы решать, эт самое. На самолет, нет, не, не опоздал, но пришлось бы очень нервно, ваще. Я думал про машиниста, чтоб его задержало, или чтобы ждали, что все люди сядут — ну, маленькая... Задержка. Ну и да, я просил, просил. В любом случае это работает, видно... Я думаю, что нельзя слишком часто просить, а то не сработает. [Ты именно у города просил?] Ну... да... Это ведь я из нее, из Москвы пытался. Ну, я просил, чтобы меня **отпустили**. [СД]

3. Я очень не люблю, когда поезда останавливаются в тоннеле. Вот. И я это настолько не люблю, что... я еще когда поступала, это был две тысячи второй год, это были взрывы на Тверской — я на Тверской каждый день ходила в институт. Выходила. И я панически боялась, но я себя уговаривала как-то... держать себя в руках, и... э... когда в метро поезд останавливался, я начинала что-нибудь обещать, там, что «Все, я уже послезавтра уеду», там, или что-нибудь еще, но потом... ну, в общем, потом мне сказали, и я поняла, что действительно так — что нужно сдерживаться, а то наобещаешь всяких невозможных вещей, а потом их выполнять придется. Но был такой момент именно разговора, именно в обраще... с обращением Москве... Вот, «Пожалуйста, **выпусти**», или... и... там, не знаю [ЕИ].

Из текстов следует, что Москва предстает в виде не просто существа, но властного начала, определяющего судьбу визитера, попавшего в нее. Интересен феномен обещаний (зароков?) дающихся городу: ММ обещает вернуться, если Москва ее отпустит, а ЕИ обещает, наоборот, скоро уехать и не надоедать столице. Несмотря на то, что последний текст подразумевает отпускание не из города, но из тоннеля (из лап смерти), типическое сходство налицо.

До каких же границ распространяется власть города? Последним рубежом, естественно, часто оказывается вокзал (вспомним, что именно там

Краков ответил НТ джазовой музыкой, и на вокзале же город «водил» ОМ, пока на ее мат — отметим роль обценной лексики в нейтрализации чертовщины — не откликнулась старушка и не показала нужный выход). Когда отъезд из города не связан с вокзалами и какими-либо междугородними рейсами, а просто подразумевает выход за границу городского пространства, то последней точкой власти оказывается линия демаркации города и не-города. В случае с Москвой это, конечно, МКАД:

Надо отсюда уползть. Город не отпускает, но мне все равно надо. [...] Вещи не влезают в рюкзак. мне придется тащить с собой материнскую плату от компьютера. в сумке. Во что ее упаковать??? Я хочу спать и всех ненавижу. Впрочем, это мое нормальное состояние в последние месяцы. Главное выползти за МКАД, а дальше все будет норм. я же уже знаю. Однажды все что я смогла за день - это доехать до домодедова. там и заночевала в лесу. а с утра все уже пошло хорошо [R].

Часто уезжающие или приезжающие каким-либо образом отмечают пересечение границы городской власти: здороваются и прощаются с городом, благодарят¹⁹ и т.д.:

Прилетая на новое место, я всегда прошу Город принять меня и помочь осуществить задуманное, улетая — я благодарю Город за гостеприимство и покровительство. Может быть, чушь собачья, но в моем случае — работает..)) [KR].

Питеру — да, просто тупо писала ему прощальные письма перед отъездом и оставляла в щелях старых зданий [МЭ].

Я благодарила Львов. [...] Я была счастлива, два дня проведя во Львове, гуляя там и мечтая жить. Уезжала оттуда в 23.32, слушала мелодию, отправляющую поезда, и благодарила со слезами на глазах. Шептала слова какие-то, уже не помню всех подробностей [ЛС].

Вышеприведенные тексты не так подобны друг другу, как кажется. Первый явно содержит в себе магическую практику, попытку запрограммировать будущее, привлечь удачу: *всегда прошу Город принять меня и помочь осуществить задуманное*, в связи с которой благодарность

¹⁹ Вспомним также текст со стр. 24 о благодарности городу как оставляемому на полке сувениру.

автора текста выглядит закономерным поощрением, одобрением хорошо выполненной работы. Прощание МЭ похоже на прощание с равным, подразумевающее дружеский интерес города к ее личности, его готовность читать письма и т.д. Благодарность АС не является реакцией на исполненную просьбу, по крайней мере в тексте об этом не говорится — наоборот, информант обращает внимание на изначально, видимо, не ожидаемое счастье, и подкрепляет мнение о его необычности, приводя мистически совпавшие цифры на часах.

Некоторым информантам кажется логичным адресовать городу приветствие или прощание в местах его наивысшего «сгущения», максимальной концентрации, рядом с ключевыми символами и главными достопримечательностями (вспомним, что ММ говорила с Москвой на свой день рождения, идя вдоль стены Кремля²⁰). Интересен в этом отношении текст, записанный от одного из научных сотрудников, после очередного моего доклада предложившей рассказать «как бывает у нее, потому что бывает вот так же»²¹.

А на этом моменте... на этом моменте наступает часть, которую я потребую от вас забыть. [улыбается]. [...] Короче, в какой-то момент, а именно, пять лет назад, в двести тысяч се... а, нет, уже больше, в двести тысяч седьмом году в Тарту поставили памятник Лотману. [...] Я когда этот памятник увидела, меня тошнило, как и всех тартусских интеллектуалов, все ворчали, что это просто оскорбительно, там, это ужасно. Потом мне этот памятник понравился. [...] И я по... поймала себя на том, что я сначала этот памятник ненавидела, потом я его полюбила, и я стала с ним разговаривать. И вот с этим памятником — я ему говорю: "Здравствуйте, Юрий Михалыч". И вот это вот я вдруг... И когда я это поч... отразила год назад, я потом все время думала, что надо вам об этом рассказать. Что я никогда в Москве вот... Москва для меня просто набор зданий, грубо говоря. Не является для меня никаким одушевленным объектом. Но Тарту — ! Является. И вот я, как сказать, всегда мысленно разговариваю, как-то вот... здороваюсь с

²⁰ См. стр. 98

²¹ Подобная ситуация с другими людьми повторялась еще несколько раз. Кроме того, свидетельством узнавания практики некоторыми представителями академического сообщества является пост в Facebook, приведенный в виде скриншота на рис.1., стр. 36.

ним, прохожу мимо там... Про себя, там как-то вот [...] выражаю, да, некоторую такую вот несом[нен]ную благодарность. К Лотману у меня вот как-то вот выразилось! Я чувствую, я поймала себя на том, первый раз в жизни, что я исполняю какой-то ритуал. Я как бы прохожу мимо него — я стараюсь пройти мимо него. Там — помнишь, миллион путей пройти вниз, можно пройти вот так, можно пройти вот так — ну там миллион путей. Но я прохожу всегда мимо него. Как-то вот оно... Ну мне вот как-то приятно, он как-то вот... внутренне испытываю желание, как говорит [фамилия], отдать поклон. Потом, кроме всего прочего, в Тарту у меня все удается [АС].

Интересно, что на протяжении большого фрагмента текста кажется неочевидным, что перед нами — мифологический текст о городе. АС вуалирует его под рассказ о своем отношении к памятнику — в вырезанном фрагменте содержится еще несколько развернутых высказываний об этой детали городского ландшафта. К тому же свое приветствие АС адресует тоже Лотману, а не городу в целом — иными словами, в более широких мифологических представлениях информантка старается не признаваться. Но в определенный момент происходит переход на уровень восприятия города в целом: *Москва для меня просто набор зданий, грубо говоря. Не является для меня никаким одушевленным объектом. Но Тарту — ! Является.* Причем триггером для подобной рефлексии оказывается именно мое исследование, что явно видно из предыдущей фразы: *И когда я это поч... отрефлектировала год назад, я потом все время думала, что надо вам об этом рассказать.* К сожалению, не совсем ясно, где происходит граница влияния меня как исследователя на поле — с одной стороны, за год до записи интервью я еще не занималась этой темой, поэтому АС могла отрефлектировать собственную практику независимо от меня (если она не ошиблась в оценке времени). С другой стороны, возможно, что практику она и отрефлектировала, но как раз в том виде, в котором описала в начале разговора — как приветствие памятника. А после моего доклада увязала ее, граничащую с личной приметой и касающуюся исключительно одного

объекта городского пространства, с идеей города в целом, разглядев в этом тот самый диалог с городом, о котором говорила я на конференции.

Как бы то ни было, последняя фраза фрагмента показывает, что определенный уровень мифологизации города у АС все-таки есть.

4.4. Город обладает знанием о будущем человека

(Мотивный блок №10)

В большинстве текстов город предстает существом, обладающим властью над человеком — он может его водить, путать, удерживать и т.д. Однако помимо «физической» власти города над пространством, информанты наделяют город властью «гносеологической», информационной — в том смысле, что городу ведомо то, чего человек сам знать не может: его будущее. Это представление эксплицируется в ряде текстов, а также реализуется в практиках, которые с некоторыми оговорками могут быть названы гадательными.

Каламита. Однажды я задала вопрос – город ответил в течение часа. Ответ верен до сих пор. Ну, понятно, что не город ответил, но картинка красиво сложилась [ДШ].

Человек явно или неявно задает вопрос о своем будущем, «вычитывая» затем ответ из суммы городских событий и артефактов. Перед нами классическая гадательная структура: восприятие «фильтрует» реальность, отбирая из нее те элементы, которые обладают потенциалом избыточной интерпретации, и представляет их как знаки, добавляя к ним, случайным по сути, дополнительный референт, скрытый смысл. Эта практика очень близка идее в целом послания городом сообщения (мотивный блок №3), преломленной через личный срез коммуникации с ним (город слышит вопросы, мотивный блок №9).

*Я утром когда еду на маршрутке — у нас улица такая есть... поворот, вернее, там весь город с горы виден. И я всегда... ну, не всегда, но иногда спрашиваю — ну, что-то типа «Что сегодня будет?», «Чего ждать?» Ну и смотрю. Что-то да произойдет. Ну, не обязательно сразу, но я увижу. **Надпись там, людей таких... особых.** В общем, блин, он найдет способ мне ответить. [Он – кто?] Ну, город, ну... [АБ]*

*В Екатеринбурге полно надписей на домах, порой я задавал им вопрос, когда был в каких-то поисках или страданиях, а потом шёл, пока не видел **свою надпись** [...]. Знаками обычно становятся **случайные надписи**. Реже - **случайные люди и их реплики**. А ещё **песни случайные** из супермаркетов. И может в лицо **листовка** прилететь, когда ты попросишь знак. Листовка причём какая-нибудь забавная, ТУТ такие любят: **всё будет хорошо! И смайлик** [ND].*

Обратим внимание, из каких элементов складывается ответ города. По большей части все они относятся к категории вербального кода коммуникации: надписи, реплики людей, листовки. Важно, что город посылает их не просто как ответную реплику на, например, прощание или признание в любви, а в рамках ответа на вопрос о будущем.

О надписях мы уже говорили выше, но для некоторого заключения по ним, используемым для гаданий, стоит привести следующую фотографию. Отвлечемся от того факта, что она опубликована в специализированном паблике, и рассмотрим ее не как высказывание в определенном сообществе, а просто как фиксацию граффити.

Перед нами явная апелляция к практике считывания надписей города как ответов на какие-либо вопросы, скорее всего, касающиеся будущего. Вывод о том, что ответы вычитывались тоже из надписей, опирается на предположение, что автор использует тот же код, что и город-собеседник, и пишет благодарность на том же языке уличных надписей, на котором диалог шел до этого.

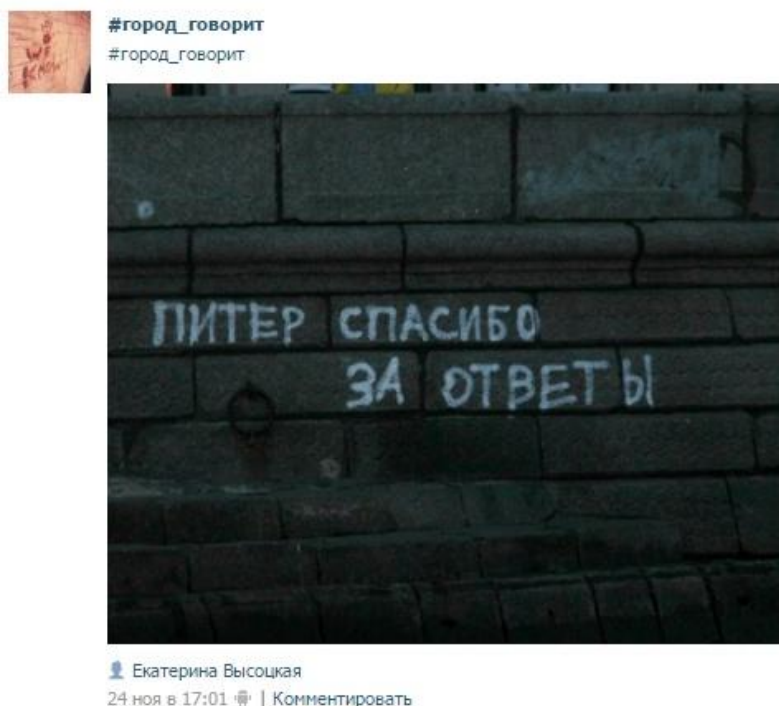

Рис. 23. «Пост» сообществе «#город_говорит» в социальной сети Вконтакте. На фотографии изображено граффити следующего содержания: «Питер спасибо за ответы».

Еще одной важной деталью является указание на *свою* надпись в тексте ND и потенциальную заменимость ее репликой прохожего или песней. АБ тоже говорит о том же разнообразии возможных ответов и изначальной неопределенности того канала, по которому они придут: *Ну и смотрю. Что-то да произойдет. Ну, не обязательно сразу, но я увижу. Надпись там, людей таких... особых. В общем, блин, он найдет способ мне ответить.* Это очень интересная особенность гадания на городах, как мне кажется, свидетельствующая об отсутствии устоявшегося языка практики и о слабости горизонтальных связей передачи мифологических представлений о городе.

Восприятие именно своей надписи (а не, например, первой увиденной) как послания среди хаоса городских объектов, говорит о примате содержательной стороны над формальной стороной гадания. Иными словами, человек, задающий вопрос, уже знает, каким должен быть ответ, чтобы его удовлетворить, и затем подбирает наиболее подходящую надпись

из всего потенциального многообразия. Такая подмена результата практически не рефлектируется информантами. Кроме того, надо сказать, что сам факт ее наличия очень показателен — такое положение дел возможно только при отсутствии системы жестких семантических маркеров, существующей, например, в традиции восточнославянского фольклора. Упрощая, можно предположить, что в вопросе о будущем гадающая деревенская девушка будет ориентироваться на жестко ограниченный традицией круг ответов (звук столярных работ/колокольчиков при зачерчивании, характер прикосновения домового при гадании в бане, критерии оценки ползника и т.д.). В свою очередь при гадании на городах человек волен выбирать подходящий ему ответ, закрывая глаза и на неудачный результат, и на единство кода, в котором ответ может быть выражен. Таким образом, мы можем констатировать наличие индивидуально устанавливаемых конвенций в вопросе расшифровки знаков города.

Неподходящая конкретному человеку надпись просто не будет воспринята им как пророческая, и никакое сообщество не сможет ему указать на нарушение гадательной логики и на произвольность ответа — по причине отсутствия явного сообщества. Мои информанты по большей части не знакомы между собой, а если и знакомы, то зачастую не обмениваются опытом мифологизации города. Методом снежного кома информанты часто рекомендовали мне своих знакомых как людей, которые могут *рассказать что-нибудь интересное про города*. В половине случаев, как уже было сказано в разделе, посвященном методике сбора, мифологической информации под этим не скрывалось. Но в тех случаях, когда люди эксплицировали интересующие меня тексты, я задавала вопрос о том, с кем информант обсуждал этот опыт. Обычно ответ был — ни с кем, иногда — с кем-либо из самых близких людей (не тех, кто советовал мне этого информанта). Часто подчеркивалось, что о таком вообще не говорят.

Мне кажется, что такое отношение к мифологизации города с одной стороны вызвано её в некотором роде несерьезным статусом в глазах информантов — или в глазах представляемых ими слушателей, а с другой стороны, парадоксальной сокровенностью этого опыта. Сочетание насмешливого отношения («такой большой, а в сказки верю») и скрытой веры создает довольно плотный барьер, препятствующий обмену мистическим городским опытом. Светлана Мартынчик (Макс Фрай), много пишущая о городах и являющаяся знаковым автором для некоторых моих информантов²², описывает это состояние серьезно-несерьезной веры следующим образом:

[Главный герой всюду видит надписи, «подписывающие» объекты городской реальности: «косматый» на футболке у лохматого человека, «мотоцикл» на руле у мотоцикла, «мутный» на запыленном стекле окна] - Все эти картинки и надписи в городе. Выглядит, как будто кто-то учит язык.

- Какие картинки?

Вкратце пересказал ей всё, увиденное за день.

- «Мотоцикл» - это особенно круто, - отозвалась Лина. – Ничего себе – картонка на руле! Совершенно необъяснимо. Остальное... Ну, даже не знаю. Все может быть. Если предположить, что простые слова – «дом», «дерево», «тротуар» и так далее – он же выучил... или она? А кто, собственно?

Пожал плечами.

- Понятия не имею.

- Мироздание, - усмехнулась Лина. – Верховное божество современных агностиков. Не знаем, кто у нас тут начальство, но смутно подозреваем, что оно все-таки есть. Потому что если нет, тогда совсем уж как-то бессмысленно.

Подхватил:

- Ну да. Именно. И вечно пристаём к неведомому начальству с просьбами: сделай то, прекрати делать это. Одна моя подруга вообще регулярно письма ему пишет – в своём дневнике. **Так и обращается: «Дорогое мироздание!» - прикинь. Как бы в шутку. Но при этом всякий раз очень рассчитывает на ответ.**

²² Стоит отметить, что её книги упоминают 10 из 38 моих информантов в устных интервью, а 3 из 14 приводят цитаты из её книг в письменных.

- Вот прямо берет и пишет? – восхитилась Лина. Ну надо же. А я-то дура, просто вслух говорю. Иногда... Слушай, это сколько же нас, таких неугомонных просителей, бродит сейчас по свету? [Фрай 2016, «Начальный уровень»].

В сборнике М. Фрая «Сказки старого Вильнюса», являющемся прецедентным текстом для ряда моих информантов, регулярно используется прием эксплицитного отрицания волшебства героем (не только при других людях, но и для самого себя) и, невзирая на это, постоянное возвращение на то место, где оно случается. По этой логике построены рассказы «Испорченный телефон», «Белый человек» и ряд других. В целом, видимо, Макс Фрай довольно точно передает тонкости мотивации моих информантов — нынешних и потенциальных. Описание отношения к мирозданию как к игровой альтернативе бога очень похоже на рассуждения ЕК о причинах, заставивших ее молиться Москве: *а бог — это еще сильно не факт все, да и он какой-то ужас... [...] Попы, понты. Seriously все. Скучно. А Москва — это какое-то все мной открытое все, тонкое, звонкое, и всегда все можно в шутку все...*

Среда агностиков, несмотря на свое непринятие традиционной религии и светское постклассическое образование, обладает определенным мистическим запросом, который может быть удовлетворен современной городской мифологией. Им присуще во многом холистическое мышление, объединяющее все факты биографии в единое целое, в сюжетный нарратив, увязывающий случайные события в общий замысел. Уровень обобщения при этом может быть разным — кто-то припишет этот замысел действительно гипостазированному Мирозданию, а кто-то останется на более «низком» уровне, мысля в категориях персонифицированных городов, или, например, одушевленных вещей и личных примет. Такие мировоззренческие схемы могут объединяться, не противореча друг другу: так, например, во время кухонного разговора одна информантка рассказала мне, что в целом верит в

бога, но мыслит его в действительных категориях и видит в законах природы. Кроме того, она внимательна к личным символам, которые *посылает ей мироздание*. И, наконец, она одушевляет Москву, т.к. с тех пор, как в нее переехала, явно видит причину многих удач и неприятностей, случившихся в городе, именно в нем.

Эклектичная картина мифологических и религиозных представлений современных секуляризованных горожан (особенно молодой интеллигенции) — очень плодотворная тема для исследования. На данном этапе и применительно к данной работе можно только сказать, что способности, которыми наделяется город в исследуемых текстах, естественно, могут приписываться широкому кругу сверхъестественных существ — как более или менее традиционному православному богу (со всем многообразием денотатов, скрывающимся под этим словом), так и к мирозданию (это понятие чаще распространено в кругах читателей экзотерической литературы).

Вернемся к гаданиям на городах. В приведенных выше примерах фиксируется еще одна интересная практика, о которой раньше речь в работе не заходила, а именно вычитывание воли города (или предсказания) из слов, бросаемых прохожими на улицах: *Знаками обычно становятся случайные надписи. Реже — случайные люди и их реплики.*

Принцип действия этого приема практически не отличается от восприятия граффити или надписей на футболках как городского послания. Люди в городе — масса незнакомцев, то есть людей, не обладающих в нашем восприятии индивидуальностью. Поэтому слова, сказанные ими, легко отчуждаются от адресанта, превращаясь в сказанные городом. Отметим, что с надписями и рекламами эта операция производится еще проще — они изначально анонимны и лишены видимого автора или производителя, поэтому к афише и вывеске несложно прирастить *говорящего*. Прохожие менее анонимны — они все-таки явлены как индивидуумы, и мы

предполагаем за их лицами личность. Однако операция отчуждения текста от носителя производится и здесь, отделяя фразы от авторов и контекстов, и встраивая полученный текст в логику личной биографии гадающего.

Литературных аналогий этой процедуре, видимо, можно найти много, но мы ограничимся двумя, относящимся к принципиально разным временам и средам. Первый текст полностью описывает гадательную практику, изображенную информантом ND — и, что показательно, это вновь цитата из рассказа Светланы Мартынчик (Макса Фрая):

[...] есть такая не то примета, не то просто городская легенда — если ищешь ответ на какой-то вопрос, хочешь узнать что-то важное или, скажем, совета спросить, иди на улицу Всех Святых, ходи по ней туда-сюда, думай свою думу и слушай внимательно, рано или поздно дадут тебе ответ человеческим голосом, главное не прохлопать, потому что повторять никто не станет [...]. И знаешь, что замечательно? Я всегда получала ответ. [...] А потом влипла в историю, вернее, в несколько историй сразу, одна другой веселее... Ой, да что я тебе рассказываю, ты же знаешь, за кем я была замужем. Короче, я сейчас даже не могу вспомнить — нарочно я тогда отправилась на Вису Швентую за советом или случайно мимо шла. [...] В общем, так или иначе, а свернула я на улицу Всех Святых и почти сразу услышала, как кто-то говорит: «Всего на три года уезжала, а вернулась — такие перемены, ничего не узнать». Вроде бы обычная реплика, да? Но я совершенно точно знала, что это было сказано только для меня. [...] Рано утром я уже была в Варшаве, откуда поехала в Германию автостопом. И как-то всё устроилось [...]. [Фрай 2016, «Все святые».]

Правда, отметим, что в логике Макса Фрая способностью предсказывать отличается не город вообще, а только определенное его место. Более того, в конце рассказа говорится о некоем *музыканте*, который играет свою мелодию ответов и предсказаний на этой улице, используя людей как музыкальные инструменты. Таким образом, хоть текст и относится к рассказам о магии Вильнюса, сам город воспринимается в этой картине скорее как действующее пространство, а не существо (вспомним употребленную мной выше метафору Хогвартса).

Второй текст — цитата из «Петербурга» Андрея Белого. В этом фрагменте Дудкин слышит, как Петербург голосами прохожих говорит ему о готовящемся покушении на Аблеухова. Несмотря на указание Б. Бугаевым на тот факт, что Дудкин сам «вычитал» сидящий в нем страх из слов толпы, перед нами та же мифологизация «голоса города», что и в текстах информантов. Тем более, что в романе присутствует персонификация города и с лихвой встречаются мистические сцены.

Протекала пара за парой: протекали тройки, четверки; от каждой под небо вздымался дымовой столб разговора, переплетаясь, сливаясь с дымовым, смежнобегущим столбом; пересекая столбы разговоров, незнакомец мой ловил их отрывки; из отрывков тех составлялись и фразы, и предложения. Заплеталась нельская сплетня.

– "Вы знаете?" -- пронеслось где-то справа и погасло в набегающем грохоте.

И потом вынырнуло опять:

– "Собираются..."

– "Что?"

– "Бросить..."

Зашушукало сзади.

Незнакомец с черными усиками, обернувшись, увидел: котелок, трость, пальто; уши, усы и нос...

– "В кого же?"

– "Кого, кого" -- перешушукнулось издали; и вот темная пара сказала.

– "Абл..."

И сказавши, пара прошла.

– "Аблеухова?"

– "В Аблеухова?!"

Но пара dokonчила где-то там...

[...]

А кругом зашепталося:

– "Поскорее..."

И потом опять сзади:

– "Пора же..."

И пропавши за перекрестком, напало из нового перекрестка:

– "Пора... право..."

Незнакомец услышал не "право", а "прово-"; и dokonчил сам:

– "Прово-кация?!"

Провокация загуляла по Невскому. Провокация изменила смысл всех слышанных слов: провокацией наделила она невинное право; а "обл... ейка" она превратила в черт знает что:

– "В Абл..."

И незнакомец подумал:

– "В Аблеухова".

Просто он от себя присоединил предлог в, ер: присоединением буквы ве и твердого знака изменился невинный словесный обрывок в обрывок ужасного содержания; и что главное: присоединил предлог незнакомец.

Провокация, стало быть, в нем сидела самом; а он от нее убежал: убежал – от себя. [Белый 1981]

Следует отметить, что гадание по своей логике практически не отличается от программирования судьбы [Христофорова 1998], так что довольно естественно, что тексты о предзнаменованиях, ниспосланных городом, соседствуют с текстами о его сверхъестественной власти над человеческой жизнью. Поэтому в ряде случаев информанты не спрашивают, а *просят* город о чем-либо (об удачном решении проблемы, о возвращении любимого, об отъезде из города, «удерживающего» человека против воли). Эти тексты уже были нами рассмотрены в предыдущем разделе.

4.5. Город как собеседник: проблема мотивного членения

Завершая раздел о мотивных блоках, реализующих представления о городе как о коммуниканте, приведем ссылки на те места, в которых мы уже говорили об одиннадцатом и двенадцатом блоке.

Одиннадцатый мотивный блок (город может принять или не принять человека) был нами рассмотрен при анализе пространственного кода коммуникации на с. 82-83 (город принимает, когда передвижение по нему осуществляется легко и без проблем, и не принимает, когда человек блуждает). Двенадцатый мотивный блок (город может удерживать человека силой) анализировался в параграфе, посвященном просьбам городам, особенно при разборе однотипных текстов об опоздании на транспорт (с. 85–86 и 100–101). Подробнее на них останавливаться не имеет смысла, т.к. они представляют оттенки тех ключевых мифологических представлений, о которых мы уже подробно говорили выше.

По-видимому, проблема нерасчлененности мотивов, их перетекания один в другой и активации сразу нескольких ментальных схем в рамках одной мифологемы связана с неоформленностью описываемых представлений и отсутствием коллективно проговариваемой традиции. Перед

нами сумма индивидуальных ответов горожан на одинаковый мистический запрос, сходных благодаря общности их культурного поля и круга чтения. Коллективной традицией одушевление города назвать нельзя — мы уже говорили выше о возможности сведения всего в шутку, защищающей мифологические представления о городе от опасностей экспликации их кому-либо. Кроме того, зафиксирован ряд признаний в том, что текстами, подобными рассказанным мне, принято делиться только с людьми, считающимися «своими», и то в рамках определенной коммуникативной ситуации. Публичного же канала реализации практик и озвучивания мифологических текстов у данной аудитории нет. Наконец, что очень важно, и в чем принципиальное отличие текстов о городе от традиционных быличек — они никогда не содержат личного опыта другого человека. То есть мифологическая информация о городе оформляется только как рассказ о собственном контакте с городом — или как обобщенное поверье, подразумевающее некий коллективный опыт. Но истории о друге, брате, бабушке с которыми говорил бы город, в выборке отсутствуют — и, видимо, они невозможны в принципе в силу отсутствия каналов обмена этим мистическим текстом.

4.6. Воображаемое и эмоциональное сообщество собеседников города

Однако я предполагаю, что, несмотря на это, имеет смысл говорить о моих информантах как о своеобразном сообществе — не социальном или антропологическом, подразумевающим их знакомство друг с другом и построение определенных межличностных связей, а скорее воображаемом или эмоциональном.

Понятие воображаемого сообщества введено в оборот американским исследователем Бенедиктом Андерсоном, занимавшимся проблемой национализма. «Воображаемое сообщество» оказалось удачным концептом

для определения феномена нации — Андерсон доказывает, что последняя мыслится ее адептами как некоторая априорная общность, распространяемая на коллектив незнакомых, но, по этой логике, изначально сходных людей. Эта экстраполируемая общность конструируется за счет определенных ментальных схем, сформированных, по гипотезе Андерсона, жанром романа, ежедневными универсальными газетами, общностью временного континуума (за счет распространения механических часов) [Андерсон 2001] и государственной переписью населения [Андерсон 2006]. Главное достоинство концепции воображаемых сообществ, делающей ее применимой не только к теории нации, заключается в доказательстве Андерсоном того, что человек считает незнакомых ему людей обладающими принципиальным сходством, проще говоря — своими. Андерсон называет это коллективной субъективностью, и это понятие полностью применимо к моему материалу.

Мои информанты пользуются категорией «своих», т.е. оперируют воображаемым сообществом им подобных, включая в него меня как собирателя:

*Дыркина поюем, Зимовье, баек порассказываем, ты ж **свой** человек [ДС]*

*Я сразу решил, что ты из **настоящих**. Ну, из... таких, читающих неформалов, что ли. В общем, что язык у нас с тобой **общий**. [МС]*

*Знаешь, мне так видится, что среди обычных людей — ну, всех этих менеджеров, управленцев, риелторов и всё такое, прости господи, иногда встречаются волшебники, ну, такие, на которых смотришь и понимаешь — вот твой человек, вот, чудак и маг, не приспособленец, бессребреник, фантазёр с книгами в рюкзаке — и у тебя как опознавательный маячок срабатывает: вот, мол, **свой**, такой же, ура, лови [ЕК].*

Кроме того, вспомним, насколько значимой для успеха интервью оказывалась моя частичная включенность в субкультуры информантов — ролевую, автостопную и т.д. Стоит отметить, кстати, что воображаемое сообщество «своих» в данном случае не равно сумме этих субкультур.

Видимо, его границы описываются скорее общим запросом к окружающему миру, заключающимся в поиске мистического и / или поэтического опыта.

Посмотрим на род занятий моих информантов — по большей части это люди творческих специальностей. Все они имели опыт юношеского стихосложения, большая часть из них в подростковом возрасте писала фантастические повести о «попаданцах» в другой мир (то, что Е.В. Кулешов описывает в статье «Приключенческая проза детей» [Кулешов 2001]) и играла в выдуманную страну («страну-мечту» в терминологии Лойтер [Лойтер 2001]). Все эти занятия свидетельствуют о существовании у информантов определенной жажды чуда, желания получить опыт столкновения с мистическим и волшебным, нивелировать границу между реальностью и ирреальным. Об этом же говорит ММ, когда рассказывает о желании *«зова откуда-то оттуда»*, откуда *«к тебе придут и скажут, что ты избранный или что-то такое»*, и заберут в иное пространство, *«откуда ты такой придешь весь просвещенный»*.

Все вышеизложенное позволяет, как мне кажется, говорить о моих информантах как о воображаемом сообществе, мыслящем себя как мечтателей, частичных маргиналов и современных романтиков, и как об эмоциональном сообществе (по факту наличия общего эмоционального запроса к миру, удовлетворяемого текстами о живом городе, осмысленном мироздании и т.д.). Действительно, здесь может быть применима концепция эмоциональных сообществ, созданная медиевистом Барбарой Розенвейн [Rosenwein 2002; 2006] для изучения специфики поведенческих моделей и особенностей эмоциональных реакций раннего средневековья. Анализируя специфику средневековой агиографии, автор обращает внимание не на содержательные или структурные характеристики текстов, а на постулируемые ими образцы переживания и стратегии выражения эмоций.

Здесь нам следует вновь вернуться к прецедентному тексту Светланы Мартынчик, упоминаемому десятью из моих пятидесяти двух личных

информантов. Все рассказы в сборнике «Сказки старого Вильнюса» предлагают вполне определенный ракурс восприятия реальности — подчеркнуто оптимистичный, уверяющий читателя в том, что мир прекрасен, как и главный герой, с которым читателю предлагается идентифицировать себя. Большая часть рассказов показывает людей в процессе обретения себя и личного счастья (любимого человека, любимого дела, любимого кофе и т.д.). Радость обретения в тексте всегда сосуществует с открытостью миру и ожиданием чуда, которое и позволяет человеку обрести самость, гармонию с реальностью и любимое кафе напротив дома. Макс Фрай описывает из раза в раз поведенческую схему примерно одного и того же героя: изначально несчастного человека, в какой-то момент устающего от этого, прозревающего и обретающего себя с миром во всем великолепии (после столкновения с каким-либо принципиально добрым мистическим явлением). Обязательное участие в прозрении играет хороший кофе, уютные кафе, прогулки по улочкам европейских городов и получение знаков от мироздания. Такова история архитектора из рассказа «Шесть комнат» и его истории любви с Вильнюсом и с собственным домом, такова история Янки, бывшей жены наркомана, которой помогло путешествие, кофе и улица Всех святых («Все святые»), по той же модели строится рассказ о разведенной Натали, которая учится быть собой и обретает волшебные часы и вкус к кофе («До луны и обратно»). Перечень примеров можно продолжать, однако их принципиальное сходство уже очевидно. Добавим к этому самую известную историю Мартынчик — о сэре Максе, попавшем в идеальный город-сон Ехо, и достигшего там высот внутреннего и внешнего благополучия (цикл «Лабиринты Ехо»).

Частота упоминания текстов Макса Фрая при разговоре о мифологизированном городе наводит на мысль, что этот текст обладает прагматикой, удачно отвечающей на запрос определенного сообщества его читателей. Последний, видимо, соотносится с общим желанием чуда в

обычной жизни, контакта с любящей тебя реальностью (в книгах все время подчеркивается феноменальная везучесть сэра Макса) и восторженным поэтическим отношением к окружающей действительности — эстетизация кофе в антуражных кафе и затяжных городских прогулок также отвечают определенному стилю жизни, близкому фланерству, описываемому Вальтером Беньямином [Беньямин 1997].

Особое внимание при описании этого предположительного эмоционального сообщества нужно уделить ожиданию чуда. Одна из моих информанток — ученица старшей школы, в которой я преподаю зарубежную литературу. В сочинении, завершающем тему «Магический реализм в латиноамериканской литературе», она пишет следующее: *«Мне близок магический реализм, потому что мне очень близка литература фэнтези, а они похожи. Мне близко соотношение реального и ирреального, наблюдаемое в нём. В одиннадцать лет я ждала письма из Хогвартса, и искренне была уверена, что оно придёт, ну и, на самом деле, мне до сих пор хочется чего-то такого»* [АД]. Не вдаваясь в разграничения направлений магического реализма и фэнтези, отметим, что они отвечают одному и тому же запросу АД.

В прошлом году в Уральском федеральном университете была защищена магистерская диссертация И.А. Назаровой, озаглавленная как «Роль фэнтези в формировании мировоззрения современного человека». Несмотря на избыточную широту формулировки («мировоззрение современного человека» как объект исследования), работа заслуживает внимания как поднимающая вопрос о прагматике жанра фэнтези. Часть информантов Назаровой говорят о желании ухода, и это очень похоже на тексты моих информантов, например:

[И: Хорошо, значит, получается, фэнтези – это некий способ уединения?]

О: По сути, я бы даже сказала, что это стимулятор ухода – с ним это

проще становится, чем если бы сам все придумывал [...] [Назарова 2015, с.145]

Эскапизм фэнтези-литературы исследуется в большом количестве работ [Мончаковская 2007; Губайловский 2002; Гусарова 2004; Костина 2010], но, к сожалению, все они остаются в границах литературоведения или культурологии, не обращаясь к методологическому аппарату антропологов. Поэтому плодотворным видится исследование корреляции между кругом чтения и мифологическими представлениями современных горожан.

Правда, подобную работу ждут те же методологические трудности, с которыми столкнулись мы при попытке найти источник мифологизации города среди литературных текстов.

4.7. Проблема поиска источников мифологических текстов об одушевленном городе

Главная проблема заключается в невозможности выявить тот мост, который соединяет объем прочитанной литературы, формирующий культурный багаж человека, и его активные мифопорождающие модели. Человек за свою жизнь вбирает не поддающееся подсчету количество текстов, в каждом из которых содержится та или иная нарративная схема, семантическое ядро, образ и т.д. Каким термином ни назвать элементы, используемые нами для концептуализации реальности, конкретные источники их заимствования в подавляющем большинстве случаев отследить невозможно.

Традиционная культура пытается частично контролировать этот процесс — так, ритуализированные практики передачи знания от конкретного родственника или наставника неопиту служат во многом ограничению возможного информационного «шума» и пресечению эклектики, опасной для сохранности знания. Но в случае с современным посттрадиционным культурным текстом контроль над каналом передачи мифологического знания невозможен — распад традиционной фольклорной системы в

городской среде, повсеместное распространение сначала радио и телевидения, а потом интернета создали ситуацию практически квантовой неопределенности — несчетного числа вероятных комбинаций культурных моделей, порождающих индивидуальные мифологические рисунки.

На данный момент невозможно представить тот методологический прием, который позволил бы вскрыть конкретные источники мифологических представлений современных горожан — и хотя бы с минимальной степенью достоверности установить конкретные тексты, породившие их.

Опора на называемые самими информантами источники, к сожалению, не представляется надежным ходом — объем воспринятых текстов (устных, письменных, кинематографических и т.д.), по-видимому, является нерелевантным информантом черным ящиком. Тот факт, что собеседник в разговоре упоминает Макса Фрая, не значит, что он не знаком с «Петербургом» Андрея Белого. И, например, возникает вопрос, оказала ли на его восприятие города влияние «Охранная грамота» Пастернака? Очень может быть, но проверить это невозможно.

«Итак, и меня коснулось это счастье. И мне посчастливилось узнать, что можно день за днем ходить на свиданье с куском застроенного пространства, как с живою личностью» [«Охранная грамота» II, 15].

С другой стороны, возможно, его представления сформировались под влиянием книг В. Крапивина:

На улице, так же как на аэродроме, пахло незнакомыми травами, а ещё почему-то — свежим тёплым хлебом. Горели редкие фонари, светились окна. Тени от листьев падали на белые заборы и домики. Они были похожи на мягкие серые крылья, эти тени.

Кто-то весело, не по-ночному, трещал в траве: то ли сверчки, то ли цикады.

"Какой ты хороший, Город", — одними губами сказал Славка [Крапивин 1982]²³.

Кстати, обратим внимание, как соединяются города Макса Фрая и Крапивина в представлении читателей — в качестве примера приведем

²³ Подробнее об образе Города у Крапивина см., например статью Сухих О.С. «Мотивы горьковского «Детства» в повести В. Крапивина «Трое с площади Карронад»» [Сухих 2014]

фрагмент переписки из социальной сети «ВКонтакте», развернувшейся под шапкой «Сны о Городе» в группе «Владислав Крапивин»:

А.У.: МОЙ Город почти целиком попадает под это описание... и я в нем живу.) молодой город-крепость, но уже со своей загадочной историей...

Л.Р.: А в моем городе всегда середина лета. Тихие улочки, деревянные дома за зелеными заборами, запыленная листва тополей, пустыри, заросшие лопухами. И тихо так, нигде ни души. Я брожу по этим улочкам, и мне все время кажется, что меня кто-то ждет, но я забыла адрес. А еще в моем городе есть качели. Высоченные такие, почти до неба! Знаете, как лодочки. Только вместо лодочки - доска. И на них нужно обязательно качаться вдвоем. Вот я пока и не покачалась, а так хочется! Обидно...

М.Б.: Я и не думал, что так много людей видели этот город. Но теперь я не сомневаюсь - он есть. На формирование этого Города оказал влияние не только Крапивин, но и Макс Фрай. И у многих писателей встречается подобный символ. Так что они просто чувствуют этот город на берегу моря. А если уж он снится стольким людям, то надо думать, дело здесь не в прочитанных книгах. То есть, не только в них.

Я смотрел на него сверху, пахло солью, было очень солнечно, и вниз, к подножью скал вела стертая лестница. Я не спустился в Город, потому что понимал - обратно мне уже не вернуться. А потом я много раз пытался его нарисовать. Вот, например:

А.Г.: Забавно - Фрая я до сих пор не читал. Но символ присутствует. Точнее даже не символ - архетип! Вопрос в том, кто его заложил.

Д.З.: А Фрая, Андрей, все-же прочитайте. Это более, чем забавно, искренне рекомендую! Тогда вам проще будет понять и согласиться с тем, что Город - это тоска о несбывшемся [Сны о городе 2010].

На представления ряда информантов могли оказать влияния тексты русского рока, например, песня группы «Белая гвардия», которую поют некоторые из моих информантов (ТИ, МС, ЕК):

*Питер, Питер...
Ты столько знаешь, ты много видел,
И всё, что я хочу сказать тебе – это только слова...*

*Я снова покупаю билет на поезд,
Чуть-чуть ревнуя и немного расстроившись
Провожает меня до вокзала ночная Москва...
[...]*

*Где-то, где-то
В любимых парках укрылось лето,
И мелкий дождик на Водосточной играет в трубе...
Нырнуло эхо в дворы-колодцы,
По старым крышам гуляет солнце,
И пахнет кофе, и все кофейни зовут к себе...
[...]*

*О, эти старые мостовые...
Они всё помнят, они живые!
И каждый каменный всадник по-прежнему верит в мечты...
А я стою незаметной тенью
В пальтишке ветхом под звёздной сенью,
В который раз, замирая, смотрю, как разводят мосты...
[Белая гвардия «Питер»]*

Обратим внимание опять-таки на описанные в тексте «прогулочные» образы дворов, набережной и кофеен. Информантка МЛ вспоминает другую прецедентную песню русской рок-группы «ДДТ», правда, отрицает взгляд на город, описанный в ней («Черный пес Петербург»). В то же самое время эта песня находится в плейлистах информантов СД, ЛС и ЕК (на их страницах в социальной сети Вконтакте).

*Черный пес Петербург - морда на лапах,
Стынут сквозь пыль ледяные глаза.
В эту ночь я вдыхаю твой каменный запах
Пью названия улиц, домов поезда.
[...]*

*Черный пес Петербург - я слышу твой голос
В мертвых парадных, в хрипе зонтов
Твои ноты разбросаны всюду как ворох,
Капли крови на черствых рублях стариков.
[...]*

*Черный пес Петербург - есть хоть что-то живое
В этом царстве облеванном временем стен?
Ты молчишь, ты всегда в состоянии покоя
Даже в тяжести самых крутых перемен.
[ДДТ «Чёрный пёс Петербург»]*

И сравним с другой песней того же авторства:

*Эй, Ленинград, Петербург, Петроградские,
Марсово пастбище, Зимнее кладбище!..
Отпрыск России, на мать не похожий,
Бледный, худой, евроглазый прохожий.*

[ДДТ «Ленинград»].

Наконец, все мои информанты слушают «Аквариум», в том числе знают и песни «Кострома Mon Amour», и «Болота Невы», а также многие другие «городские» песни Гребенщикова:

*Я бы жил себе трезво, я бы жил не спеша -
Только хочет на волю живая душа;
Сарыню на кичку - разогнать эту смурь...
Ох, Самара, сестра моя;
Кострома, топ amour.*

[Аквариум «Кострома топ amour»]

*Мои жилы, как тросы, моя память как лед;
Мое сердце как дизель, кровь словно мед -
Но мне выпало жить здесь, среди серой травы,
В обмороченной тьме, на болотах Невы.*

*Где дома - лишь фасады, а слова пустоцвет.
И след сгоревшей звезды - этот самый проспект;
Я хотел быть как солнце, стал как тень на стене.
И неотпетый мертвец сел на плечи ко мне.*

[Аквариум «Болота Невы»]

С другой стороны, тексты рок-поэзии не должны казаться нам более валидными чем, например, повесть Гоголя «Невский проспект», чья разработка образа потустороннего, грозящего смертью проспекта с не меньшей вероятностью знакома информантам. Сравним гоголевский текст с образами Гребенщикова:

Он лжет во всякое время, этот Невский проспект, но более всего тогда, когда ночь сгущенною массою наляжет на него и отделит белые и палевые стены домов, когда весь город превратится в гром и блеск, мириады карет валяются с мостов, фореиторы кричат и прыгают на лошадях и когда сам демон зажигает лампы для того только, чтобы показать все не в настоящем виде [Гоголь 2012 (1835)]

И там, и там Невский проспект — лживое начало, неверный свет. У Гоголя: *он лжет во всякое время, этот Невский проспект; когда сам демон зажигает лампы для того только, чтобы показать все не в настоящем*

виде. У Гребенщикова: Где дома — лишь фасады, а слова пустоцвет. И след сгоревшей звезды — этот самый проспект. Гребенщиковский мертвец устойчиво перекликается с перерезавшим себе горло гоголевским Пискаревым.

О городском и петербургском тексте в русской рок-поэзии написано много работ [Логачева 1998; Арустамова, Королёва 2000; Хуттунен 2010; Доманский 1998; Крылова, Михайлова 1999], равно как и об образе города в творчестве Гоголя [Владимирова 2006; Паперный 1982; Крутикова 2007]. Однако четкого ответа на вопрос об истоках личных представлений отдельных людей литературоведческие исследования дать не могут — по уже описанным выше причинам.

Мы можем обратиться к другим произведениям и авторам, традиционно относимым к городскому тексту в литературе — к «Медному всаднику» Пушкина, к Петербургу Достоевского и к стихам Блока, Цветаевской Москве и Москве Мандельштама, но, во-первых, до нас это сделали В.Н. Топоров и Ю.М. Лотман [Топоров 1995; Лотман 1992], а также целый ряд исследователей [Мельникова 1985; Ничипоров 2003; Пономарева, Потапова 2015, Корниенко 2015, Качурин, Кудырская, Мурин 1996, Панова 2000], и задолго до них — Н.П. Анциферов [Анциферов 1991 (1923, 1924)], а, во-вторых, это обращение позволит очертить только общие рамки возможного пула образов и ассоциаций, откуда информанты могут черпать свои представления. Уверенного ответа на вопрос «откуда?» современные методы исследования фольклора в данном случае дать не могут — избыточность городской темы в русскоязычной культурной среде заставляет ссылаться только на символический ряд авторитетов и их работы, актуальные благодаря их обобщающей силе, но, к сожалению, не применимые к отдельным текстам конкретных людей.

Впрочем, литература — не самое проблемное поле для изучения. С фольклорными источниками ситуация обстоит еще сложнее: совершенно

невозможно проследить трансмиссию паремических выражений, связанных с городами, трансляцию размытых религиозных представлений широкого толка (*потом мне сказали, и я поняла, что действительно так — что нужно сдерживаться, а то обещаешь всяких невозможных вещей, а потом их выполнять придётся* — ЕИ), рассказов о роли символов в жизни и тому подобных элементов мозаики современной городской мифологии.

Оставив вопрос о генетических корнях представлений о городе, попробуем задаться другим — о потенциальной возможности самозарождения идеи одушевления города. Здесь для нас будут значимы работы психологов.

М.В. Осорина описывает практики освоения городского пространства детьми в своей уже ставшей программной книге «Секретный мир детей в пространстве мира взрослых»: *Для ребенка очень важен сам факт того, что он идет самостоятельно найденным путем. Это иной, свой путь, не такой, как у взрослых, и даже не такой, как у других детей. Ребенок ощущает себя первопроходцем, открывателем и хозяином собственного мира. Хотя формально это тот же самый мир, где живут все остальные, но переживается он как мир, по-настоящему открывающий свои тайны только избранному* [Осорина 2008].

В значительной мере эти слова могут описать не только детский опыт обживания пространства, но и мистический опыт моих информантов. Кроме общего сходства, нам важно указание на адресность тайн, открываемых ищущему, ребенку ли, взрослому — неважно.

Это восприятие мира как сконцентрированного на тебе подразумевает и обратное измерение — конденсацию его самого в виде активного «я», выходящего на связь с человеком. Подобные представления, по мнению многих исследователей, лежат в основе базовых мифологических представлений. Опираясь на их разработки, мы можем отнести тексты об одушевленном городе (второго типа) к рождающимся в городской среде

первичным мифологическим воззрениям, описываемым в категориях коммуникативного акта с некоторой субъективированной силой.

О коммуникативном характере магических и религиозных практик подробно пишет Ю.М. Лотман в статье «“Договор” и “вручение себя” как архетипические модели культуры» [Лотман 1993]. С.Ю. Неклюдов опирается на эту работу в своей статье «Бог как власть и диалог с ним» [Неклюдов 2012]. Подробно анализирует коммуникативный характер магических представлений Эдмунд Лич в своем масштабном труде «Культура и коммуникация: логика взаимосвязи символов» [Лич 2001].

В своем роде классической считается статья Е.С. Новик «Архаические верования в свете межличностной коммуникации» [Новик 1994], частично использующая теоретические выкладки Генри Франкфорта и его жены Гройневеген-Франкфорт. Обращаясь к ней, а также к первой, теоретической главе («Миф и реальность») совместного труда Франкфорт, Дж. Уилсена и Т. Якобсена, можно получить подробное и убедительное описание того процесса, который характеризует и мифотворчество моих информантов. Так, Франкфорты определяют ключевой конституирующий признак мифологизирующего мировосприятия: *«для современного человека мир явлений есть в первую очередь «Оно», для древнего — и также для примитивного человека — он есть «Ты» [...] «Ты» имеет беспрецедентный, беспримерный и непредсказуемый характер личности, присутствия, известного лишь постольку, поскольку оно себя проявляет. Более того, «Ты» не только созерцаемо или понимаемо, но и эмоционально переживаемо в динамическом двустороннем взаимоотношении».* [Франкфорты 1984].

Обратим внимание, что имеющиеся у нас тексты второго типа всегда описывают эмоционально насыщенную ситуацию, чаще всего – отъезда или дезориентировки в городе, реже – связанную с некоторым психологическим стрессом из-за неприятностей личного характера (из-за которых информанты просят у города помощи), и, наконец, *эмоционально переживаемую* прогулку. Во время всех этих состояний рациональное восприятие

действительности уступает место эмоциональному, о котором как раз и пишут Франкфорты.

Теперь обратимся к тексту Е.С. Новик. В статье она доказывает обусловленность архаических верований не какими-либо характеристиками первобытного мышления, а исключительно особенностями превалирующей в то время в обществе межличностной (контактной) коммуникации — рефлексивной, постоянно настроенной на партнера и считывающей мельчайшие знаки, идущие от собеседника. Через это ей удастся объяснить 4 ключевые особенности архаических верований: синкретизм их знаковых систем; персонификацию значимого для контакта окружения; провокативность посылаемого собеседнику сообщения, его направленность на получение ответа; и в целом конструирование человеком мира в через модель диалога.

Все четыре характеристики межличностной коммуникации находят отражение в мифологических текстах о городе: код отправки сигнала синкретичен (человек может вычитать послание из любого объекта городской реальности, который покажется ему подходящим, будь то надпись или собственный маршрут); город персонифицируется и приобретает антропоморфные черты; человек отправляет городу запрос, на который город отвечает — или воспринимает любые необычные явления, происходящие в нем, как инициативные знаки города, требующих реакции. Наконец, межличностная коммуникация как порождающая магические практики (и в целом мышление в границах надэмпирических допущений) объясняет и специфику всех текстов второго типа о городе, т.е. мыслящих город в виде актора.

Откуда берется, в таком случае, подобная мыслительная рамка, строящая «Я» из разрозненных и хаотичных впечатлений?

На этот вопрос удачно отвечает нарративная психология. Особенно удачным в данном контексте мне кажется эксперимент Альберта Мишотта,

доказавшего изначальную каузальность нашего мышления. Проведенный им опыт широко известен: он демонстрировал своим испытуемым изображения сложных комбинаций геометрических фигур и просил отвечающих интерпретировать, что они видят. В результате многочисленных повторов эксперимента он установил, что при определенном сочетании простых параметров рисунка создается эффект обусловленности положения одной фигуры – другой. Потом эта же идея была развита Фрицем Хайдером [Heider 1958] и Харольдом Келли [Kelley 1967] под именем теории каузальной атрибуции. Хайдер и Келли анализировали, как люди делают вывод о причинах тех или иных поступков — тоже на экспериментальных графических схемах — и пришли к заключению о, во-первых, стремлении человека антропоморфизировать видимый объект, а, во-вторых, конструировать причины изображенного положения дел, сводя их к действиям той или иной фигуры.

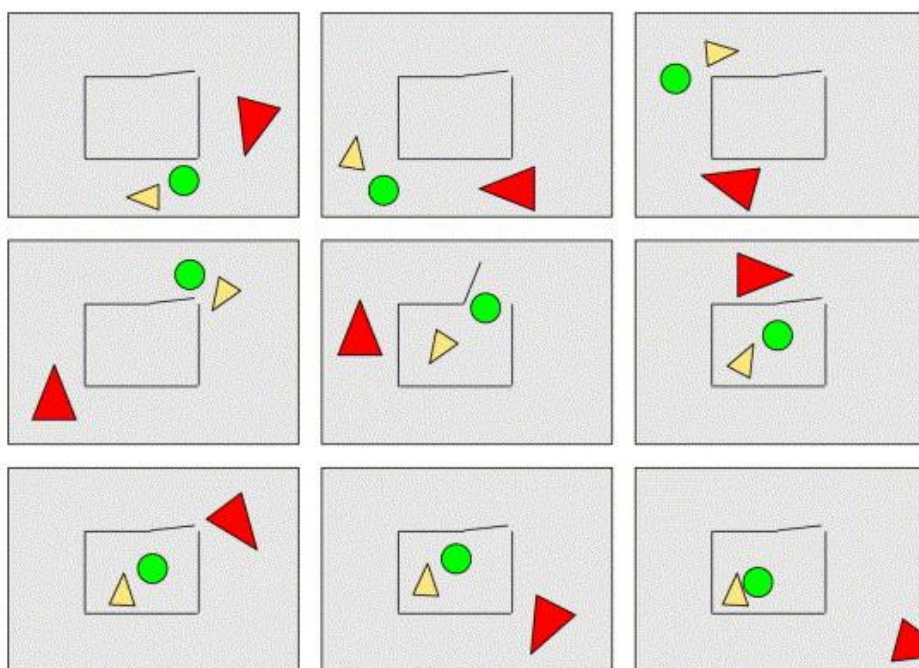

Рис. 24. Кадры показанного испытуемым кинофильма, устойчиво воспринимавшегося как нарратив об антропоморфных существах. [Kelley 1967]

На основании всего вышеизложенного напрашивается вывод о естественной склонности человеческого восприятия видеть некоторую осмысленную силу за событиями, происходящими с человеком в городе. Эта

сила ощущается как власть имущая, и провоцирует человека на реализацию ряда практик.

Однако это объяснение не отвечает на вопрос о том, почему описанная в данной работе практика не является, в таком случае, общераспространенной.

Специфика среды, к которой принадлежат мои информанты, их уровень образования и имеющийся опыт в литературном творчестве или наивной литературе, общий эмоциональный запрос — все это позволяет предположить уместность обоих объяснений формирования мифологических представлений о городе — видимо, психологическая интенция конструировать субъект и диалогические отношения с ним облекается у представителей определенной культурной среды в совершенно определенные модели, заимствованные, очевидно, из литературы, песенного багажа и кинематографа.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. В работе были введены в научный оборот и проанализированы собранные автором мифологические тексты об одушевленном городе, прежде не описывавшиеся в академических исследованиях.
2. Город в подобных рассказах представлен как мифологический персонаж, осмысленное существо, т.е. наделен субъектностью.
3. Было установлено, что порождение подобных текстов зависит от специфической коммуникативной ситуации, в связи с чем проведен анализ стратегии интервьюера и описаны основные методологические приёмы, способствующие экспликации искомых текстов (установление равных статусов во время разговора; идентификация собирателя как «своего», ориентировка на беседу в парадигме включенного наблюдения, а не на «инквизиторскую» дихотомию «собиратель VS информант»).
4. В результате проведенного исследования был выявлен жанр мифологического рассказа о городах, выделены его содержательные и формальные маркеры, описаны стилистические и синтаксические параметры, а также определена корреляция между синтаксическими конструкциями и семантикой, в том числе и мотивным набором текстов.
5. На основании полученных данных были выделены два типа текстов, относящихся к жанру мифологического рассказа о городах, и отличающихся друг от друга типом коммуникации с городом. Тексты 1-го типа конструируют город как отправителя безадресных универсальных посланий, не зависящих от личности реципиента; тексты 2-го типа рисуют его как существо, способное на двусторонний контакт и посылающее адресные сообщения отдельным людям. Кроме того, тексты 1-го типа содержат в себе обобщенную информацию и могут быть сравнены с поверьем, а тексты 2-го типа несут в себе информацию о времени и месте произошедшего личного опыта, т.е. могут быть сопоставлены с быличкой.
6. Проанализирована также рамочная конструкция, в которую часто встраиваются тексты об одушевленном городе. В результате анализа выявлена ее специфика — а именно, содержащаяся в ней развернутая

процедура обобщения массы случайных городских впечатлений в единый образ. Выдвинуто предположение о роли данного обобщения как необходимого этапа в процессе мифотворчества, предваряющего превращение города в действующего агента.

7. Проанализированы современные воплощения архаической модели «Город — женщина», описаны другие примеры антропоморфизма, встречающиеся в исследуемых текстах.
8. Исследован перечень содержательных ядер текстов: *город представляется целостным одушевленным образом, единой персонифицированной сущностью; город обладает человеческими/звериными качествами; город способен передавать информацию о своем настроении, состоянии, отношении; город может менять собственное пространство; город влияет на события в жизни человека; город посылает человеку какие-либо предметы; город посылает знаки через тексты, находящиеся в нем: афиши, граффити и т.д.; город посылает знаки через слова прохожих, песни и звуковую рекламу; город дает знать о своем отношении через психологическое и эмоциональное состояние человека; город слышит и понимает человеческие поступки/речь/мысли; город обладает знанием о будущем/прошлом человека; город может принять или не принять человека; город может удерживать кого-то против его воли.* Каждое из них было рассмотрено в многообразии имеющихся в выборке версий, кроме того, были сделаны теоретические предположения о причинах сложности мотивного членения собранного материала.
9. В результате анализа текстов были выделены элементы, из которых информанты строят «сообщение» города. Их уместно рассматривать как коды коммуникации между городом человеком (пространственный, событийный, предметный, вербальный, перцептивный).
10. В работе описаны и исследованы мифологические практики, порождаемые представлением об одушевленности города и описанные в собранных текстах. Особый интерес представляют гадания на городах, разговоры с ними и просьбы о ниспослании определенных событий, заставляющие говорить об эклектичности и игровом характере религиозных представлений современных горожан.

11. Сделан вывод о вероятном отсутствии горизонтальных связей между носителями представлений, эксплицирующихся в текстах об одушевленном городе. Приходится констатировать наличие индивидуально устанавливаемых конвенций в практике расшифровки знаков города, что отличает ее от традиционных практик гадания и интерпретации примет.
12. Несмотря на предыдущий пункт выводов, в работе предлагается ракурс рассмотрения информантов как воображаемого и эмоционального сообщества, обладающего представлением о собственных маркерах (искомых при знакомстве с собирателем) и сходным мистическим запросом к миру. Во многом связующим элементом этого сообщества являются книги в жанре фэнтези и особенно творчество С. Мартынчик (Макса Фрая).
13. Приходится констатировать методологическую неудачу при попытке ответить на вопрос о непосредственных источниках текстов, описываемых в данной работе. Помимо ряда апелляций к фэнтези-литературе и рок-поэзии, в текстах информантов нельзя провести четко идентифицируемые параллели с конкретными литературными или кинематографическими произведениями. Общий же круг семантических ядер, эксплицируемых в текстах, не имеет четких привязок к определенным источникам и является, видимо, результатом переплавки массы источников, создающих известный «петербургский текст» и общий тон рефлексии над городами в русле антропоморфизма. Возможно, при дальнейшем исследовании этого вопроса могут оказаться полезными методы работы с набором образов наивной литературы.
14. В работе анализируется процесс конструирования собеседника в т.ч. с позиции нарративной психологии, и делается вывод о соответствии исследуемых текстов (в первую очередь 2 группы) базовым моделям мифологизации, базирующейся на межличностном контакте.
15. По итогам исследования можно сделать заключительный вывод о существовании в живом бытовании мифологических текстов об одушевленном городе, описывающих отношения между ним и человеком через идею коммуникативного акта.

СПИСОК ИНФОРМАНТОВ

1. ND – 1994 г.р., муж., род. в Екатеринбурге, обр. высшее филологическое, занимается литературным творчеством, анкетирование с откр. вопр., ноябрь 2015 г.
2. АБ – ок. 1996 г.р., жен., род. в г. Брянск, живет в г. Москва, неполное высшее журналистское образование, зап. Е. Малой, март 2015 г.
3. АК – 1989 г.р., жен., род. в г. Йошкар-Ола, живет в СПб, обр. высшее филологическое, научный сотрудник, зап. Е. Малой, февраль 2016 г.
4. АС – 1976 г.р., жен., род. и живет в г. Москва, обр. высшее филологическое, научный сотрудник, преподаватель высшей школы, зап. Е. Малой, май 2015г.
5. ДГ – ок. 1996 г.р., жен., род. и живет в г. Москва, неполное высшее культурологическое образование, зап. Е. Малой, ноябрь 2015 г.
6. ДС – 1998 г.р., муж., род. и живет в г. Москва, незаконченное высшее математическое образование, уличный музыкант, гейм-мастер, зап. Е. Малой, апрель 2016 г.
7. ДШ - 1987 г.р., жен., род. и живет в г. Симферополь, обр. высшее историческое, школьный учитель, научный сотрудник, зап. Е. Малой, февраль 2015 г.
8. ЕГ - 1987 г.р., жен., род. в Запорожье, живет в г. Москва, обр. высшее, солист и автор песен рок-фолк группы, зап. Е. Малой, февраль 2015 г.
9. ЕЗ – 1995 г.р., жен., род. и живет в г. Москва, неполное высшее филологическое образование, занимается литературным творчеством, анкетирование с откр. вопр., январь 2016 г.

10. ЕИ – ок. 1980 г.р., жен., род. и живет в г. Вологда, обр. высшее филологическое, преподаватель высшей школы, занимается литературным творчеством, зап. Е. Малой, декабрь 2014 г.
11. ЕК – 1992 г.р., жен., род. в г. Симферополь, живет в г. Москва, обр. высшее филологическое, занимается литературным творчеством, зап. Е. Малой, апрель 2016 г.
12. ЕС – 1995 г.р., жен., род. в г. Смоленск, живет в г. Москва, неполное высшее филологическое образование, зап. Е. Малой, апрель 2015 г.
13. ЕЩ – 1996 г.р., жен., род. и живет в г. Москва, неполное высшее философское образование, студент, занимается литературным творчеством, зап. Е. Малой, ноябрь 2015 г.
14. ЖК - 1988 г.р., жен., род. и живет в г. Москва, обр. высшее филологическое, научный сотрудник, зап. Е. Малой, февраль 2015 г.
15. ИГ – 1989 г.р., муж., род. в г. Симферополь, живет в СПб, обр. высшее медицинское, врач, гейм-мастер, зап. Е. Малой, февраль 2016 г.
16. КК – 1990 г.р., жен., род. в г. Нижнекамск, живет в г. Москва, обр. высшее психологическое, занимается психологической консультацией, путешественник, зап. Е. Малой, ноябрь 2015 г.
17. ЛМ – 1986 г.р., жен., род. и живет в СПб, обр. высшее психолого-педагогическое, сотрудник комитета по государственному контролю и охране памятников СПб, занимается реконструкцией народной куклы и декоративно-прикладным искусством, зап. Е. Малой, февраль 2016 г.
18. ЛС – 1996 г.р., жен., род. в г. Феодосия, живет в г. Симферополь, неполное высшее культурологическое образование, занимается литературным творчеством, анкетирование с откр. вопр., март 2015 г.

19. ММ - 1991 г. р., жен., род. в г. Барнаул, живет в СПб, обр. высшее историческое, роллер, зап. Е. Малой, ноябрь 2014 г
20. МС – 1994 г.р., муж., род. и живет в г. Москва, неполное высшее физико-математическое образование, занимается паркуром, посещает эзотерический клуб, зап. Е. Малой, ноябрь 2015 г.
21. МЭ – 1979 г.р., жен., род. и живет в г. Красноярск, обр. высшее историческое, преподаватель высшей школы, анкетирование с откр. вопр., март 2015 г.
22. НМ – 1980 г.р., жен., род. и живет в г. Симферополь, обр. высшее медицинское, врач, занимается литературным творчеством, анкетирование с откр. вопр., апрель 2015 г.
23. НР – 1989 г. р., жен., род. и живет в г. Москва, обр. высшее биологическое, звукорежиссер, записывает аудиокниги, зап. Е. Малой, ноябрь 2015 г.
24. НТ – 1989 г.р., жен., род. и живет в г. Москва, обр. высшее филологическое, лингвист, путешественник, зап. Е. Малой, ноябрь 2015 г.
25. ОВ – 1989 г. р., жен., род. и живет в СПб, обр. высшее филологическое, путешественник, автостопщик, ролевик, научный сотрудник, зап. Е. Малой, ноябрь 2015 г.
26. СБ – 1969 г.р., жен., род. и живет в г. Москва, обр. высшее филологическое, преп. высшей школы, зап. Е. Малой, ноябрь 2015 г.
27. СД – 1988 г.р., муж., род. г. Новосибирск, живет в г. Москва, обр. высшее историческое, научный сотрудник, зап. Е. Малой, март 2015

28. СЗ – 1987 г.р., жен., род. и живет в г. Воронеж, обр. высшее филологическое, преподаватель высшей школы, анкетирование с откр. вопр., ноябрь 2015 г.
29. СМ – 1992 г.р., жен., род. в г. Сухум, живет г. Москва, обр. высшее филологическое, зап. Е. Малой, январь 2015 г.
30. ТИ – 1998 г.р., жен., род. и живет в г. Москва, среднее образование, абитуриент, победитель Всероссийских олимпиад, участница ЛЭШ, зап. Е. Малой, апрель 2016 г.
31. ЮС – 1971 г.р., жен., род. и живет в г. Москва, образование выше филологическое; высшее психологическое; преподаватель литературы, консультирующий психолог, зап. Е. Малой, февраль 2015 г.
32. ЮЮ – 1979 г.р., муж., род. и живет в г. Симферополь, обр. высшее физическое, сисадмин, анкетирование с откр. вопр., январь 2016 г.²⁴

²⁴ В списке представлены данные только тех информантов, чьи тексты разбираются в работе. Общая выборка составляет 38 устных интервью и 14 письменных.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Акройд 2005 – Акройд П. Лондон: Биография Лондона / пер. с англ. В. Бабкова, Л. Мотылева. М.: Изд-во Ольги Морозовой, 2005. 896 с.
2. Белый 1981 - Белый А. Петербург: Роман в восьми главах с прологом и эпилогом.— М.: Наука, 1981. – с. 27-30
3. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Канонические. Современный русский перевод. М. : Рос. Библейс.о-во, 2011. 1408 с.
4. Гоголь 2012 (1835) - Гоголь Н. В., Невский проспект. Нос. Рим. М.: Директ-Медиа, 2012. - 248 с.
5. Гюго 2008 (1831) – Гюго В. Собор Парижской Богоматери [пер. с фр. - Н. Коган]. - Санкт-Петербург : Азбука-классика, 2008. - 602, с.
6. Золя 1999 (1873) - Золя Э. Чрево Парижа. - М. : Вече, 1999. – 621 с.
7. Крапивин 1982 – Крапивин В.П. Трое с площади Карронад. - М. : Дет. лит., 1982. - 255с.
8. Набоков В. В. Машенька // Набоков В. В. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 1. М.: Правда, 1990, с. 53.
9. Пастернак 1982 (1930) Пастернак Б. Охранная грамота// Б. Воздушные пути. М, 1982, 256-257.
10. Спенсер 1998 (1896) - Спенсер Г. Принципы социологии // Мистика. Религия. Наука. Классики мирового религиоведения. Антология. / Пер. с англ., нем., фр. Сост. и общ. ред. А.Н. Красникова. М.: Канон +, 1998. -С. 5-26.

11. Толстой 1962 – Толстой Л.Н. Война и мир // Толстой Л.Н. Собрание сочинений в двадцати томах. Т. 6. М.: ГИХЛ, 1962. – с. 366
12. Фрай 2016 – Фрай Макс. Сказки старого Вильнюса – М.: АСТ 2016 - 320с.
13. Ффорде 2007 - Ффорде, Д. Беги, Четверг, беги, или Жесткий переплет / Джаспер Ффорде. - М. : Эксмо, 2010. - 542 с.
14. Эренбург И. Необычайные похождения Хулио Хуренито и его учеников. — М.: Юридическая литература, 1989. — 192 с
15. Аквариум «Болота Невы» - [Текст песни] // Официальный сайт рок-группы «ДДТ», документ «Книга песен»: [Электрон. Ресурс:] <http://www.aquarium.ru/discography/index.html>
16. Аквариум «Кострома mon amour» - [Текст песни] // Официальный сайт рок-группы «ДДТ», документ «Книга песен»: [Электрон. Ресурс:] <http://www.aquarium.ru/discography/index.html>
17. Белая гвардия «Питер» - [Текст песни] // Официальный сайт рок- группы «Белая гвардия»: [Электрон. Ресурс:] <http://www.bgymusic.ru/creations/album-piter/piter.html>
18. ДДТ «Ленинград» - [Текст песни] // Сайт фан-клуба рок-группы «ДДТ»: [Электрон. Ресурс:] <http://www.akkords.ru/ru/song/780/>
19. ДДТ «Чёрный пёс Петербург» - [Текст песни] // Сайт фан-клуба рок-группы «ДДТ»: [Электрон. Ресурс:] <http://www.akkords.ru/ru/song/27833/>
20. 20 признаков 2005 - Двадцать признаков того, что Вы - настоящий москвич: [Запись на портале анекдотов «Анекдоты из России»] // Anekdot.ru. 2005, 28 апреля: [Электрон. Ресурс:] <http://www.anekdot.ru/id/157948/>

21. AB – ALISABOULEE [Запись в блоге «У каждого свой Икстлан»] // Живой Журнал 2012, август: [Электрон. Ресурс:] <http://alisaboulee.livejournal.com/179216.html>
22. DN – double_name [Запись в блоге «Хороший был день – насыщенный...»] Живой Журнал 2008, сентябрь [Электрон. ресурс:] <http://double-name.livejournal.com/1080725.html>
23. KR - kuzm_red [Комментарий в блоге к записи «Про покорителей столицы».] // Живой Журнал 2007, август: [Электрон. Ресурс:] <http://slowranger.livejournal.com/37015.html?thread=189847>
24. ML - myish_1200 [Запись в блоге «Тбилиси»] // Живой Журнал 2012, октябрь: [Электрон. Ресурс:] <http://myish-1200.livejournal.com/13474.html>
25. OM – О Москве [Запись в блоге] // Живой Журнал, [Электрон. Ресурс:] <http://imja.livejournal.com/147485.html>
26. ON - olga_nebel [Запись в блоге «Ещё про Берлин и не только ...»] Живой Журнал 2013, июль [Электрон. ресурс:] <http://olga-nebel.livejournal.com/1429791.html>
27. R - R_A_H_I_L [Запись в блоге] // Живой Журнал 2010, апрель: [Электрон. Ресурс:] <http://r-a-h-i-l.livejournal.com/21706.html>
28. RF - RANDOM_FOX [Запись в блоге «Mayhem»] // Живой Журнал 2009, май: [Электрон. Ресурс:] <http://random-fox.livejournal.com/6189.html>
29. SG – Светлая голова (svetlost) [Запись в блоге «Питерское-3»] // Живой Журнал 2004, февраль: [Электрон. Ресурс:] <http://svetlost.livejournal.com/45870.html>

- 30.Сны о Городе 2010 – Сны о Городе [Ветка обсуждения в сообществе «Владислав Крапивин»] // Вконтакте 2010, февраль-апрель: [Электрон. Ресурс:] https://vk.com/topic-150931_21809286?post=5729
- 31.ТЭ - Туа Эхтер [Запись в блоге] // Diary.ru 2015, октябрь: [Электрон. Ресурс:] <http://tuaehter.diary.ru/p206544682.htm>
- 32.ПДА - Полевой дневник автора²⁵.

²⁵ В списке представлены данные только по тем источникам, которые приводятся в работе в качестве примеров или анализируемого материала. Первая часть списка включает в себя литературные источники, вторая – ссылки на источники песенных текстов, разбиравшихся в работе, а третья – на ту часть интернет-источников, которые приведены в тексте диссертации. Последние использовались при проведении исследования в намного большем объеме (архив автора составляет 64 интернет-текста), однако те из них, которые не приводятся в описывающем тексте работы, в список не включены.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Brown 2014 - Brown, S., Campelo, A.. Do Cities Have Broad Shoulders? Does Motown Need a Haircut? On Urban Branding and the Personification of Place. *Journal of Macromarketing* , v. 34. – 2014. – pp. 421-434.
2. Brunvand 1999 - Brunvand. J.H. Too good to be true: the colossal book of urban legends. – NY: Norton, 1999. – 480 p.
3. Gold R. Roles in Sociological Field Observation in: *Issues in participant observation: a text and reader* / edited by George J. McCall, J.L. Simmons. London: Addison-Wesley M.A.: 1969. – pp. 30–8.
4. Heider, 1958 – Heider F. ; *The psychology of interpersonal relations*. Wiley, New York - 1958.
5. Jobs K.H. Jerusalem, our mother: metalepsis and intertextuality in Galatians 4:21-31, *Westminster Theological Journal* 55, pp. 299-320, Westminster Theological Seminary, 1993.
6. Kelley1967 - Kelley, Harold H. "Attribution theory in social psychology." *Nebraska Symposium on Motivation*, Vol 15, University of Nebraska Press, 1967.- 192-238.
7. Lachmann R. Город фантазм. Образы Петербурга и Рима в творчестве Гоголя // *STUDIA RUSSICA XXI*, Budapest: ELTE. – 2004. – С. 397-435.
8. Langer 1984 - Langer P. *Sociology - Four Images of Organized Diversity* // Hollister R.M., Rodwin L. (Eds.). *Cities of the Mind: Images and Themes of the City in the Social Sciences*. New York: Plenum Press, 1984. P. 97-118.
9. Maasen 2001 - Maasen Sabine, Everett Mendelsohn, and Peter Weingart, eds. *Biology as society, society as biology: Metaphors*. Vol. 18. Springer Science & Business Media, 2001.
10. Rosenwein 2002 – Rosenwein, B. Worrying about emotions in history. *The American Historical Review*, Vol. 107, No. 3 June 2002., - pp. 821-845.

11. Rosenwein 2006 – Rosenwein, B. Emotional communities in the early Middle Ages. Ithaca, NY: Cornell University Press. – 2006. – p. 248.
12. Schmitt J.J. Israel and Zion - Two Gendered Images: Biblical Speech Traditions and Their Contemporary Neglect. Horizons, 18. – 1991. pp 18-32,
13. Tolman 1982 – Tolman, Edward C. "Cognitive maps in rats and men." Psychological review 55.4 (1948): 189 p.
14. Абдрашитова 2015 – Абдрашитова М.О.. Фольклорная карта Томска в жанре современной городской легенды. Вестник Томского государственного университета № 391 – Томск, 2015 с. 5-9.
15. Абрамов 2014 - Абрамов А. “Забытые в прошлом”: освоение заброшенных пространств и феномен нового городского туризма / Микроурбанизм. Город в деталях / Сб. статей; под отв. редакцией О. Бредниковой, О. Запорожец. — М.: Новое литературное обозрение, 2014. — 211-231 с.
16. Авдоница 2010 – Авдоница, Л. Н. Содержание и структура концепта «Петербург» в художественной картине мира А. Блока. Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2010. – № 1 (13). – С. 97–105.
17. Андерсон 2001 - Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2001. – 288с.
18. Андерсон, Б. Национализм, идентичность и логика серийности / Бенедикт Андерсон // Логос. - 2006. - N 2. - С. 57-72.
19. Ансберг, Узунова 2008 – Ансберг О.Н., Узунова В.Г. Форум: «Позиция антрополога при исследовании проблем ксенофобии» 8 (2008): с. 9-17
20. Антошина 2009 - Антошина Е.В. Культурологический аспект восприятия рекламы в произведениях В. В. Набокова // Ученые записки РГСУ. 2009. №9 (72). URL:

<http://cyberleninka.ru/article/n/kulturologicheskiy-aspekt-voSPIriyatIya-reklamy-v-proizvedeniyah-v-v-nabokova>.

21. Антрополог глазами информанта / Информант глазами антрополога: коллективная монография / под ред. А.С. Архиповой, Н.Н. Рычковой. — М. : Форум, 2015. — 368 с.
22. Анциферов 1991 (1923, 1924) – Анциферов Н.П. Душа Петербурга ; Петербург Достоевского ; Быль и миф Петербурга. — [Репринт. воспроизведение изд. 1922, 1923, 1924 гг.]. — М.: Книга : Ред.-изд. центр № 2 «Канон», Б. г. (1991). — 227, 105, 88 с.
23. Арустамова, Королева 2000 - Арустамова А.А., Королева С.Ю. Урбанистическое сознание и русская рок-поэзия 1980-1990 гг.: К специфике воплощения // Русская рок-поэзия: текст и контекст 3. Тверь, 2000. – С. 84-92.
24. АСРЯ 2014 - Активный словарь русского языка / В. Ю. Апресян, Ю. Д. Апресян, Е. Э. Бабаева, О. Ю. Богуславская, И. В. Галактионова, М. Я. Гловинская, Б. Л. Иомдин, Т. В. Крылова, И. Б. Левонтина, А. А. Лопухина, А. В. Птенцова, А. В. Санников, Е. В. Урысон; Отв. ред. Ю. Д. Апресян. — М.: Языки славянской культуры, 2014. — Т. 1. — 408 с.
25. АФ 2006 - Форум: этические проблемы полевых исследований. Антропологический форум 5 (2006): 6-166.
26. Ахметова 2012 – Ахметова, М. В. Города как родственники (об одном типе метафорического употребления терминов родства в русском языке) / М. В. Ахметова // Алгебра родства: Родство. Системы родства. Системы терминов родства : альманах. – Вып. 13. – СПб.: МАЭ РАН, 2012. – С. 111–147.
27. Бадаланова-Покровская, Плюханова 1989 - Бадаланова-Покровская Ф.К., Плюханова М.Б. Средневековые исторические формулы (Москва-Тырново-Новый Царьград) // Ученые записки Тартусского гос.

- университета. Вып. 855. Труды по знаковым системам. Т. XXIII: Текст-культура-семиотика нарратива. Тарту, 1989. С. 80–94.
28. Байбер, Дуглас. Аналитическая рамка для изучения языковых регистров / Д. Байбер. Социоллингвистика и социология языка : хрестоматия / [Европ. ун-т в Санкт-Петербурге ; пер. с англ. под общ. ред. Н. Б. Вахтина ; сост.: Н. Б. Вахтин и др.] ; отв. ред.: Н. Б. Вахтин, СПб – 2012, С. 257 - 291.
29. Байдуж 2013 — Байдуж М. И. Тюменский Мост Влюбленных в свете современных городских ритуалов // Традиционная культура. 2013. № 3. С. 100 —110.
30. Байдуж 2015 – Байдуж М.И. Седьмая Башня Сатаны или город-болото: негативные образы Тюмени в городских нарративах // Ситуация постфольклора: городские тексты и практики. - М., 2015, 126-153.
31. Беньямин 1997 - Беньямин, В. "Центральный парк." Иностранная литература 12 - 1997: 169-174.
32. Бредникова, Запорожец 2014 – Бредникова О., Запорожец О. Микроурбанизм. Ловушка для города / Микроурбанизм. Город в деталях / Сб. статей; под отв. редакцией О. Бредниковой, О. Запорожец. — М.: Новое литературное обозрение, 2014. — 13-42 с.
33. Вахштайн 2014 - Вахштайн, В. С. Пересборка города: между языком и пространством / Виктор Вахштайн // Социология власти. - 2014. - № 2. - С. 9-38.
34. Вебер 1994 - Вебер М. Город// Избранное. Образ общества. М.: Юрист, 1994. С. 309-354.
35. Веселова 1997 – Веселова И. С. Заметки к фольклорной карте Москвы // Живая старина. - 1997. - № 3. - С. 10 - 12.
36. Владимирова 2006 - Владимирова Т. Л. Римский текст в творчестве Н. В. Гоголя: Автореф. дис. ... канд. филол. наук /Томский политехнический ун-т. – Томск, 2006. – 22 с.

- 37.Возякова 2007 – Возякова Н.В. Город-жена в испанских пограничных романсах. Опыт прочтения // Новый филологический вестник. 2007. №1. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/gorod-zhena-v-ispanskih-pogranichnyh-romansah-opyt-prochteniya>
- 38.Губайловский 2002 – Губайловский, В. Обоснование счастья: О природе фэнтези и первооткрывателе жанра / Губайловский // Новый мир. - 2002. - №3. - с. 174-185.
- 39.Гупта, Фергюсон 2013 - Гупта А., Фергюсон Д. Дисциплина и практика: "поле" как место, метод и локальность в антропологии (пер. с англ. С.В. Соколовского, О.А. Поворознюк) // ЭО, 2013, № 6. С. 3 – 44.
- 40.Гусарова 2004 – Гусарова, А.Д. Формула фэнтези (Принцип героя) / А.Д. Гусарова// Проблемы детской литературы и фольклор. - Петрозаводск, 2004. - с. 152-158.
- 41.Джекобс 2011 - Джекобс Д. Смерть и жизнь больших американских городов / Дж. Джекобс ; пер. с англ. Л. Мотылева. - М. : Новое издательство, 2011. - 460 с. ; пер. изд. : The Death and Life of Great American Cities / Jane Jacobs. – 1961.
- 42.Доброштан 2004 – Доброштан О. Можно я буду дружить с Вашей дочерью? / Полевая кухня: как провести исследование, Ред.: Наталья Владимировна Гончарова, Ульяновск: Симбирская книга, 2004, с. 95-108.
- 43.Доманский 1998 - Доманский Ю.В. “провинциальный текст” ленинградской рок-поэзии // Русская рок-поэзия: текст и контекст. 1998. – С.76-93. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/provintsialnyy-tekst-leningradskoy-rok-poezii>.
- 44.Зиммель 2002 – Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь // Логос. 2002. № 3-4. С. 1–12.
- 45.Кабакова 1997 - Кабакова Г И Высотные здания в свете мифологии // Живая старина М, 1997 №3 С 13.

46. Качурин, Кудырская, Мурин 1996 - М. Г. Качурин, Г. А. Кудырская, Д. Н. Мурин. Санкт-Петербург в русской литературе : в 2 т. - СПб. : Свет, 1996. - Т. 1. – 352 с.
47. Климов И. А. Размышления о полевом шоке // Социальная реальность. – 2008. – №. 3. – С. 87-99.
48. Князева 2014 - Князева Е.А. "«Наивное» письмо Владимира Воробьева." Филология в XXI веке: методы, проблемы, идеи: материалы II Всерос. (с междунар. участием) науч. конф., Пермь, 15 апреля 2014 г. / отв. ред. Н.В. Соловьева, И.И. Русинова; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. – Пермь, 2014.– С. 229. - 234
49. Кондакова И. А. Антропоморфная концептуальная метафора с топонимической областью цели // Вестник ВятГГУ № 1(1). – Киров, 2010. – С. 74 – 78.
50. Кондакова, И.А. "К вопросу метафорической концептуализации (на материале лондонской метафоры в книге П. Акройда" Лондон: Биография)". "Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015 – с. 97-101.
51. Кормина, АФ 2006 – Кормина Ж. Форум: этические проблемы полевых исследований. Антропологический форум 5 (2006): с. 86 - 93.
52. Корниенко 2015 - Корниенко С. Ю. Авторская идентичность и «внутренние города» русского модерна (Москва и Петербург) // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2015. – №. 4 (36).
53. Корниенко 2015 - Корниенко С.Ю. Авторская идентичность и «Внутренние города» русского модерна (Москва и Петербург) // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. – 2015. – №4 – С. 131-140 . [Электрон. ресурс] URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/avtorskaya-identichnost-i-vnutrennie-goroda-russkogo-moderna-moskva-i-peterburg>.

54. Костерина, Шарифуллина 2004 – Костерина И.В., Шарифуллина Э.М. Метод участвующего наблюдения в изучении «скрытых» практик молодежных компаний / Полевая кухня: как провести исследование / под ред. Н. Гончаровой. - Ульяновск: Изд-во «Симбирская книга», 2004. - С. 79-95.
55. Костина 2010 - Костина Р. Г. "Фэнтези как элемент субкультуры современной молодежи." Интеграция образования 58.2 – 2010. – с. 80-84.
56. Кравцов 1985 - Кравцов Н.И. Сербскохорватский эпос. М.: Наука. – 1985. С. 207.
57. Крутикова 2007 – Крутикова Н.Е. Урбанистическая проблема в художественной прозе Гоголя : очерки. НАН Украины, Ин-т лит. им. Т. Г. Шевченко. - К. : Стилос, 2007. - 88 с.
58. Крылова, Михайлова 1999 – Крылова Н.В., Михайлова В.А. Литературные реминисценции в «Петербургских» текстах Юрия Шевчука // Русская рок-поэзия: текст и контекст. 1999. №2. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/literaturnye-reminisentsii-v-peterburgskih-tekstah-yuriya-shevchuka>.
59. Кулешов 2001 - Кулешов Е.В. Приключенческая проза детей // «Наивная литература»: исследования и тексты / Московский общественный научный фонд. Серия «Научные доклады», №129. — М., 2001. — С. 116-152.
60. Левкиевская 2006 — Левкиевская Е. Е. Прагматика мифологического текста // Славянский и балканский фольклор. Семантика и прагматика. Вып. 10. М.: Индрик, 2006. С. 150—213.
61. Левкиевская 2008 – Левкиевская Е.Е. Быличка как речевой жанр // Кирпичики: фольклористика и культурная антропология сегодня: Сб. статей в честь 65-летия С.Ю. Неклюдова и 40-летия его научной деятельности. М.: РГГУ, 2008. С. 341–363.

- 62.Лефевр 2015 - Лефевр А. Производство пространства / Пер. с фр. — М.: Streike Press, 2015. — 432 с. пер. изд. : Lefebvre H. La production de l'espace //L Homme et la société. – 1974. – p. 15-32.
- 63.Линч К. Образ города / Пер. с англ. В.Л. Глазычева; Сост. А.В. Иконников. Под ред. А.В. Иконникова. - М.: Стройиздат, 1982. - 328 с., ил. - Перевод изд.: The image of the City / Kevin Lynch. - The M. I. T. Press.
- 64.Лич Э. Культура и коммуникация: Логика взаимосвязи символов. К использованию структурного анализа в социальной антропологии [пер. с англ.] / Э. Лич. - М.: "Восточная литература" РАН, 2001. - 142 с.
- 65.Логачева 1998 - Логачева Т.Е. Рок-поэзия А. Башлачева и Ю. Шевчука — новая глава петербургского текста русской литературы // Русская рок-поэзия: текст и контекст. 1998. №1. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/rok-poeziya-a-bashlacheva-i-yu-shevchuka-novaya-glava-peterburgskogo-teksta-russkoj-literatury>.
- 66.Лойтер 2001 – Лойтер С.М. Русский детский фольклор и детская мифология: Исследование и тексты. – Петрозаводск: КГПУ, 2001. – 296 с.: портр.
- 67.Лотман 1992 - Лотман Ю.М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Лотман Ю.М. Избранные статьи: в 3 т. Т. 2. Таллин: Александра, 1992. – С. 9-22.
- 68.Лотман Ю. М. «Договор» и «вручение себя» как архетипические модели культуры // Лотман Ю. М. Избранные статьи: В 3 т. — Т. 3. — Таллинн: Александра, 1993. — 480 с. — С. 345-355.
- 69.Лурье, Разумова 2002 - Лурье М. Л. , Разумова И. А. // Живая старина. - 2002. - № 2. - С. 10-12.
- 70.Лысикова 2014 — Лысикова О. В. Индустриальный туризм в городском пространстве: кейс-стади Саратова // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2013. № 1. 2014. С. 38—48:

[Электрон. ресурс:] <http://journal-labirint.com/wp-content/uploads/2014/05/lisikova.pdf>.

71. Мазалова Н.Е. «Всадник на прекрасной и могучей кобылице – Неве»: современные мифологические представления горожан о Петербурге // Радловский сборник: Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2014 г. / Отв. ред. Ю.К. Чистов; РАН. МАЭ им. Петра Великого (Кунсткамера). — СПб.: МАЭ РАН, 2015. — С. 291–298.
72. Мазалова Н.Е. «Движения» Невского проспекта: современная мифология // Радловский сборник: Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2013 г. / Отв. ред. Ю.К. Чистов; РАН. МАЭ им. Петра Великого (Кунсткамера). — СПб.: МАЭ РАН, 2014. — С. 390–400: карта.
73. Майер 2008 – Майер А.С. Московские городские легенды как исторический источник: историческая память и образ города : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.09 - М., 2008. – 303 с.
74. Малая 2015 – Малая Е.К. ”Москва, Москва, отпусти меня”: Власть города над человеком в нарративах приезжих. Антропология власти: фольклорные тексты, социальные практики: Материалы XV Международной школы-конференции по фольклористике, социолингвистике и культурной антропологии / сост.: А.С. Архипова, С.Ю. Неклюдов. М.: РГГУ, 2015 – с. 52-60.
75. Малая 2016а – Малая Е.К., Гадание на городах: современные мантические практики, основанные на одушевлении города // Антропология пространства: сб. тезисов конференции молодых ученых / сост.: Д.С. Николаев, Н.Н. Рычкова.. - М.: РГГУ, 2016. - С. 13-16.
76. Малая 2016б – Малая Е.К. ”Меня ленинградит”: Аспекты власти города в представлении приезжих. История мировых цивилизаций:

- восприятие, образ, репрезентация власти: материалы Всероссийской научной конференции. Красноярск, 21 апреля 2015 г. / отв. ред. Е.С. Меер; ред. кол.; КГПУ им. В.П. Астафьева. – Красноярск, 2016.
- 77.Малая 2016с – Малая Е.К. Перевод с городского на человеческий: коды коммуникации с персонифицированной урбанистической средой. // Сборник тезисов конференции студентов и аспирантов "Антропология. Фольклористика. Социолингвистика".. СПб.: 2016. С. 49 - 54.
- 78.Малая 2016d – Малая Е.К. Мифологический рассказ о городе: жанровые маркеры и оценки вариативности. Методы и концепции в фольклористике и культурной антропологии (конец XX - начало XXI века): материалы XVI Междунар. школы-конференции по фольклористике, социолингвистике и культурной антропологии / Сост.: А.С. Архипова, С.Ю. Неклюдов. М.: РГГУ, 2016. С. 141-147
- 79.Мельникова 1985 - Мельникова, Е. Г., М. В. Безродный, В. М. Паперный. "Медный всадник в контексте скульптурной символики романа Андрея Белого «Петербург»." Ученые записки тартуского государственного университета. - Блоковский сборник – 1985.
- 80.Микроурбанизм. Город в деталях / Сб. статей под отв. редакцией О.Бредниковой, О. Запорожец. — М.: Новое литературное обозрение, 2014. — 352 с.
- 81.Милграм 2000 - Милграм С. Эксперимент в социальной психологии / Пер. с англ. — СПб.: Издательство «Питер», 2000. — 336 с.: ил. пер. изд. : Milgram, Stanley, John Ed Sabini, and Maury Ed Silver. The individual in a social world: Essays and experiments . McGraw-Hill Book Company, 1992.
- 82.Мончаковская, Ольга Станиславовна. "Фэнтези как разновидность игровой литературы." Знание. Понимание. Умение 3 (2007).

83. Мороз 2008 - Мороз, А.Б. "Заметки «инквизитора»: к вопросу об этике полевой работы." Живая старина 1, 2008 – С. 32-34.
84. Назарова И. А. "Роль мифологии фэнтези в формировании мировоззрения современного человека: магистерская диссертация." (2015).
85. Неклюдов 2001 – Неклюдов С.Ю. От составителя. "Наивная литература": Исследования и тексты / Сост. С.Ю.Неклюдов. М., 2001. С. 4-21. URL:<http://www.ruthenia.ru/folklore/publications.htm>.
86. Неклюдов 2005 - Неклюдов С.Ю. Тело Москвы. К вопросу об образе "женщины-города" в русской литературе // Тело в русской культуре. Сост. Г.Ф. Кабакова, Ф. Конт. М.: НЛЮ, 2005 (Научное приложение. Вып. LI), с. 361-385.
87. Неклюдов С.Ю. «Сдается пылкий Шлиппенбах» (К истории одной метафоры) // ПОЛУТРОПОН: К 70-летию Владимира Николаевича Топорова. М., 1998. С. 567–586.
88. Неклюдов С.Ю. Бог как власть и диалог с ним // Антропологический форум. 2012. № 17. С. 121-133.
89. Никитин М. Реализация концепта "страх" в сценариях городской легенды. Челябинск, 2002. 196 с.
90. Ничипоров 2003 - Ничипоров И. Б. "Московский текст" в русской поэзии XX в.: М. Цветаева и Б. Окуджава. Вестник Московского университета, 3. М.: - 2003– С. 58-71.
91. Новик 1994 – Архаические верования в свете межличностной коммуникации // Историко-этнографические исследования по фольклору. М., 1994. С. 110-163.
92. Омельченко 2004 – Омельченко Е. Как измерить поверхность Земли, или к вопросу о техниках триангуляции // Полевая кухня: как провести исследование / Под ред. Н. Гончаровой. Ульяновск: Изд-во «Симбирская книга», 2004. С.157- 173.

- 93.Осипова 2009 - Осипова, Э.Н. Русский синтаксис: односоставность предложения: монография / Э.Н. Осипова; Поморский гос. ун-т им.М.В. Ломоносова. – Архангельск: Поморский университет, 2009. – 150 с.
- 94.Осорина 2008 - Осорина М. В. Секретный мир детей в пространстве мира взрослых. 4-е изд. — СПб.: Питер, 2008. — 304 с.: ил.
- 95.Панова 2000 – Панова Л. Г. Стихи о Москве М. Цветаевой и О. Мандельштама: два образа города–две поэтики–два художественных мира //АС Пушкин–МИ Цветаева: Седьмая цветаевская международн. научно-тематическая конф. М. – 2000. – С. 242.
- 96.Панченко 2001 – Панченко А.А. Инквизиторы как антропологи, антропологи как инквизиторы // Живая старина. 2001. № 1. С. 7–9.
- 97.Паперный 1982 - Паперный В.М. Андрей Белый и Гоголь: Статья первая / В.М. Паперный // Единство и изменчивость литературного процесса: труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. Тарту, 1982 (Учен. зап. Тартуск. гос. ун-та. Вып. 604). - С. 112 - 126.
- 98.Петров 2015 – Петров Н.В. Современный мегаполис в устных рассказах и неинституализованных ритуалах («фольклорная карта Москвы») // Ситуация постфольклора: городские тексты и практики. М.: ФОРУМ, 2015. С. 64 – 88.
- 99.Пономарева, Потапова 2015 - Пономарева Е.П., Потапова З.С. Образ города в циклах М. Веллера «Легенды Невского проспекта», «Фантазии Невского проспекта» и «Легенды Арбата» // Вестник ЮУрГУ. Серия: Лингвистика. – 2015. – №2. [Электрон. ресурс] URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/obraz-goroda-v-tsiklah-m-vellera-legendy-nevskogo-prospekta-fantazii-nevskogo-prospekta-i-legendy-arbata>.
100. Путилов Б.Н. Русский и южнославянский героический эпос. М.: Наука, 1971. С.45.

101. Рис 2005 - Рис Н. Русские разговоры: культура и речевая повседневность эпохи перестройки / Рис Н.; пер. с англ. Н.Н. Кулаковой, В.Б. Гулиды; предисл. И. Утехина. – М.: Новое лит. обоз., 2005. 160 с.
102. Саморуков 2006 - Саморуков И. И. К проблеме разграничения «массовой» и «высокой» литературы. Знаки канона в российской массовой литературе / Вестник СамГУ. – 2006. – №1 (41). – С. 101–109.
103. СГФ 2003 - Современный городской фольклор / Ред. колл. А.Ф. Белоусов, И.С. Веселова, С.Ю. Неклюдов. М.: РГГУ, 2003 (Традиция–текст–фольклор: типология и семиотика).
104. Серль 1986 - Серль Дж. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 17. – М., 1986. – С. 170-194.
105. Смирнова 2010 - Смирнова Е.В. Устойчивые мотивы сюжета 'геопатогенная зона' в городской легенде // Вестник ЧелГУ . 2010. №21. [Электрон. ресурс] URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/ustoychivye-motivyu-syuzheta-geopatogennaya-zona-v-gorodskoy-legendе>.
106. Сухих О. С. Мотивы горьковского «Детства» в повести В. Крапивина «Трое с площади Карронад» // Вестник Нижегородского университета им. НИ Лобачевского. – 2014. – с. 429-436.
107. Топоров 1987 - Топоров В.Н. Текст города-девы и города-блудницы в мифологическом аспекте // Исследования по структуре текста. М.: Наука, 1987. – С. 121-132.
108. Топоров 2003 - Топоров В.Н. Петербургский текст русской литературы. // СПб.: Искусство, 2003. – 617 с.
109. Трубина 2010 - Трубина Е.Г. Джунгли, базар, организм и машина: классические метафоры города и российская современность // Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре. - 2010. - N 2 (70) (март-апрель). - С. 223-243.

110. Трубина Е.Г. Город в теории: опыты осмысления пространства. М.: Новое литературное обозрение, 2011. - 519 с.
111. Трыкова 2001 - Трыкова, О. Ю.О современном состоянии жанров детского фольклора // Ярослав. пед. Вестн №3/4. - Ярославль, 2001. С. 103-107.
112. Федосова 2012 – Федосова, К.А. Стратегия ведения интервью: исследователь VS собеседник. Славянская традиционная культура и современный мир. Вып. 15.: Стратегия и практика полевых исследований: сб. научных статей. М.: Государственный республиканский центр русского фольклора, 2012. - с.71-83.
113. Фергюсон 2012 - Фергюсон, Чарльз. Диглоссия / Социоллингвистика и социология языка : хрестоматия / [Европ. ун-т в Санкт-Петербурге ; пер. с англ. под общ. ред. Н. Б. Вахтина ; сост.: Н. Б. Вахтин и др.] ; отв. ред.: Н. Б. Вахтин. - Санкт-Петербург : Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2012. С .43-62.
114. Франкфорты 1984 - Франкфорт Г., Франкфорт Г.А. Миф и реальность // В преддверии философии. Духовные искания древнего человека. М., 1984. С. 25, 27.
115. Фрейденберг 1978 – Фрейденберг О.М. Въезд в Иерусалим на осле (из евангельской мифологии) // Миф и литература древности / [сост., подгот. текста, коммент., указ. и послесл. Н. В. Брагинской. – М.: Наука, 1978. – С. 491–531. – (Исследования по фольклору и мифологии Востока).
116. Христофорова 1998 – Христофорова О.Б. Логика толкований: Фольклор и моделирование поведения в архаических культурах // РГГУ, Ин-т высш. гуманитар. Исслед. М., 1998. 114с.
117. Хуттунен 2007 – Хуттунен Т. «Невы Невы»: интертекстуальное болото Бориса Гребенщикова // Русская рок-поэзия: текст и контекст.

2007. №9. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/nevy-nevy-intertekstualnoe-boloto-borisa-grebenschikova> - С.161-167.
118. Черемисина-Ениколопова 2012 - Черемисина-Ениколопова Н.В. Законы и правила русской интонации: учеб. пособие. М.: Флинта; Наука, 1999. 516 с.
119. Шевелев 2014 – Шевелев Е. Город (без) человека: практики освоения пустых и заброшенных пространств / Микроурбанизм. Город в деталях / Сб. статей; под отв. редакцией О. Бредниковой, О. Запорожец. — М.: Новое литературное обозрение, 2014. — 43-63 с.
120. Шмерлина И. А. Биологическая метафора в социологии: Обзор монографии: *Biology as society, society as biology: metaphors* / Ed. by S. Maasen, E. Mendelsohn, P. Weingart. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 1995. // Социологический журнал. 2001. № 4. С. 135-165.
121. Щепанская 2003 - Щепанская, Т. Б. Полевик: фигура и деятельность этнографа в экспедиционном фольклоре (опыты автоэтнографии). Журнал социологии и социальной антропологии, 2003, С. 180-194.
122. Яворский 2012 - Яворски, Р. "Личностная и безличная религиозность: психологическая модель и её эмпирическая верификация." Журнал EMCAPP 1 - 2012. [Электрон. ресурс] URL:http://fapsyrou.ru/world_projects/stati_world_conference/lichnostnaya_i_bezlichnaya_1133.
123. Яacobсон Р. О. “Лингвистика и поэтика”. Пер. И. А. Мельчука. // Структурализм: “за” и “против”. Сборник статей. М., “Прогресс”, 1975, сс. 193–230).

ПРИЛОЖЕНИЕ

Гайд для полустандартизированного интервью (финальная версия рабочего файла).

1. ФИО и данные об информанте.
2. Родной город. Просьба описать, рассказать о базовых маршрутах. По какому Вы любите ходить больше всего? Почему? Какие места в этом городе для Вас самые знаковые? Где играли, когда были ребенком? Куда хотелось ходить, куда было страшно? Насколько сейчас город изменился/остался прежним?
3. Опыт путешествий. Направления, локации, частота, причины поездок. Какие заграничные города запомнились больше всего? Чем? (Расспрашивать)
4. Насколько для информанта актуально понятие «любимый город». Какой может быть назван им. Почему. Есть ли еще.
5. Какой город нелюбимый. В чем причина. Были ли события, определившие это.
6. Просьба рассказать о Москве. «Как Вы относитесь» / «Какой тебе кажется Москва». Питер. Киев. Другие названные человеком города (в пункте 3)
7. Значим ли момент приезда / отъезда? Бывает ли тяжело уезжать? Почему?
8. Переезжали ли Вы когда-нибудь надолго? Что чувствовали, как обживались? Что оставляли, о чем грустили, что приобретали? Как свыкались с пространством, запоминали карту? Было ли сложно?
9. Любите ли Вы гулять по городу? Что самое ценное в прогулке? Когда они самые приятные, по каким улицам, в какое время? Были ли у Вас какие-либо особенно запомнившиеся прогулки?
10. Какие впечатления Вам ценнее всего в поездках? И что вы выделяете как самое ценное в том городе, в котором живете/хотите жить? Кким требованиям он должен отвечать?
11. Есть ли у вас интересные истории, связанные с какими-либо городами? Смешные? Страшные? /Загадочные/ (аккуратно)
12. Какие произведения искусства (музыка, книги, стихи, фильмы) отражают Ваше восприятие города?
13. Почему Вы решили поучаствовать в исследовании, чем Вас заинтересовало объявление? С кем Вы чаще всего говорите о городах, когда и как?

Заранее спасибо за ответы! Простите, если это отнимет у Вас некоторое время – меня оправдывает при составлении такого подробного вопросника только факт написания магистерской работы. Пожалуйста, отвечайте на эти вопросы так, чтобы Вам это было в радость – забудьте, что где-то есть я, которая будет это читать, и пишите просто мыслимому собеседнику (самому себе?), причём так, чтобы Вам самим нравился процесс. Если захочется - пускайтесь в воспоминания, отступайте от темы и так далее. Поделитесь своим внутренним – и внешним, городским – миром максимально глубоко и широко.

Заранее спасибо за ответы.

0. Ваш возраст, образование, сфера работы/учебы.
1. В каком городе Вы родились?
 - Какие в нём были основные Ваши маршруты?
 - Какие здания/места/деревья и т.п. вспоминаются в первую очередь? Почему?
 - Опишите свой родной город в целом – как Вам хочется, в любой стилистике, манере (можно с фотографиями, рисунком и т.д. – как угодно, лишь бы это отвечало Вашему восприятию города). Каким он кажется Вам? Что о нём думают другие люди?
2. Часто ли Вы путешествуете? Какого характера Ваши поездки?
3. Есть ли у Вас любимый город? Почему? Как и когда Вы пришли к этой мысли, из чего это ощущение складывается? Каким мог бы быть идеальный город для вас?
4. Какой Ваш нелюбимый город? Аналогично – почему? Были ли какие-либо события в Вашей жизни, определившие к нему отношение?
5. Опишите, пожалуйста, Москву. Какой это город для Вас?
6. Что Вы чувствуете, приезжая в новый (или редко посещаемый) город? Значим ли для Вас момент приезда?
7. Что Вам давалось сложнее всего при переезде? Легко ли Вы обживались на новом месте?
8. Бывало ли такое, что из какого-то города Вам было сложно уехать? Почему?
9. Насколько для Вас значимы прогулки?
10. Какие городские впечатления для Вас являются самыми ценными?
11. Есть ли у Вас интересные истории, связанные с городами? Расскажите несколько, пожалуйста.
12. Какие произведения искусства (музыка, книги, стихи, фильмы) отражают Ваше восприятие города?
13. Почему Вы решили поучаствовать в исследовании, чем Вас заинтересовало объявление? С кем Вы чаще всего говорите о городах, когда и как?

Огромное спасибо за заполнение!